

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
МОЗЫРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА. ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2025

УДК 80(060.55)

ББК 80я5

У91

Редакционная коллегия:

В. Н. Навныко, кандидат физико-математических наук, доцент
(главный редактор);

И. О. Ковалевич, кандидат филологических наук, доцент
(заместитель главного редактора);

С. Б. Кураш, доктор филологических наук, профессор
(заместитель главного редактора);

А. М. Амагов, доктор филологических наук, профессор;

Е. Е. Иванов, доктор филологических наук, профессор;

В. И. Коваль, доктор филологических наук, профессор;

А. В. Никитевич, доктор филологических наук, профессор;

Н. В. Чайка, доктор филологических наук, профессор;

Е. В. Ковалёва, кандидат филологических наук, доцент;

П. Г. Кошман, кандидат филологических наук, доцент;

О. Г. Сливец, кандидат филологических наук;

А. В. Буркова, кандидат филологических наук (ответственный секретарь)

Печатается согласно приказу по университету от 01.12.2025 № 1316

Ученые записки Мозырского государственного педагогического
У91 университета имени И. П. Шамякина. Вопросы филологии : сб. науч. тр.
/ УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: В. Н. Навныко (гл. ред.)
[и др.]. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025. – Выпуск 1. –
101 с.

ISBN 978-985-477-969-0.

В сборнике научных трудов представлены статьи в области языкознания
и литературоведения, отражающие актуальные проблемы филологических наук
и раскрывающие взаимодействие языка, литературы и культуры.

Адресуется преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, магистран-
там и студентам высших учебных заведений.

УДК 80(060.55)

ББК 80я5

ISBN 978-985-477-969-0

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025

АБ НЕКАТОРЫХ МЯНУШКАХ ВЁСКИ СЯМУРАДЦЫ

У. А. Бобрык,

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускай і замежных моў Гомельскага дзяржаўнага
тэхнічнага ўніверсітэта імя П. В. Сухого,
г. Гомель, Рэспубліка Беларусь
E-mail: pusenko@gstu.by

У артыкуле аналізуюцца некаторыя мянушкі в. Сямурадцы Жыткавіцкага раёна. Багаты фактычны матэрыял сведчыць, што мянушкі складаюць значны пласт лексікі ў гаворцы. Рашаючымі фактарамі іх утварэння і ўжывання з'яўляюцца народны гумар і назіральнасць камунікантаў. Мянушкі могуць служыць гістарычнаму даследаванню жыцця народа не ў меншай ступені, чым іншыя помнікі культуры і побыту, літаратуры і мовы. Калі на асобных мянушках цяжка акрэсліць іх каштоўнасць, то сабраныя ў вялікай колькасці яны ілюструюць шмат рыс побыту беларусаў.

Ключавыя словы: мянушка, семантыка, матываваныя асаблівасці гаворкі, псіхічны стан, фізічныя недахопы, індывідуальныя асаблівасці гаворкі.

ABOUT SOME NICKNAMES OF SYMURADTSY VILLAGE

V. A. Bobryk

The article deals with some nicknames of the Syamuradtsy village, Zhitkovichi District. Rich factual material defines that nicknames constitute a significant layer of colloquial vocabulary. The main factors in their formation and usage are folk humour and the observational skills of communicators. Nicknames can specify the historical study of people's life as well as other signs of culture and everyday life, literature and language. If it is difficult to determine their value by individual nicknames, so in bulky quantity they illustrate many features of the everyday life of Belarusians.

Keywords: nickname, semantics, motivated speech features, mental state, physical disabilities, individual speech features.

Уводзіны. Народная мова з'яўлялася і з'яўляецца асноўнай крыніцай узбагачэння беларускай літаратурнай мовы. Яна, па словах Я. Карскага, яе корань і аснова. Таму трэба адказаць і сур'ёзна адносіцца да жывых скарбаў народнай мовы, у тым ліку і да вулічных мянушак, агульных назваў членаў сям'і, роду. Такія адзінкі з'яўляюцца адной з найбольш старажытных антрапанічных форм і абазначаюць 'неафіцыйнае найменне чалавека, дадзенае па яго знешніх ці ўнутраных асаблівасцях, паводзінах, характары заняткаў, пасадзе, прозвішчы і інш.' [1, с. 117–118]. Яны ўжываюцца ў паўсядзённым жыцці вяскоўцаў, але не маюць юрыдычнай сілы. Аналіз семантыкі і структуры мянушак – цікавая і цяжкая праца, што прызнаецца многімі антрапанімістамі. Ён дае значную інфармацыю, што ўяўляе цікавасць для гісторыкаў, этнографістаў, сацыёлагаў, лінгвістаў.

Лексічны склад народных мянушак надзвычай багаты і разнастайны. Паходжанне большасці мянушак матываванае. Даследчыкі называюць наступныя асноўныя прычыны ўзнікнення мянушак: недастатковую колькасць афіцыйных асабовых назваў у параўнанні з патрэбамі камунікантаў, імкненне да дакладнай персаніфікацыі пэўнай асобы, выдзяленне яе па якой-небудзь прыкмеце з пэўнага калектыву, асяроддзя [2]. Асаблівасць вулічнай мянушкі заключаецца ў тым, што яна ўказвае толькі на аднаго чалавека, на ўласцівыя яму спецыфічныя рысы, не толькі называе асобу, але і трапіна характарызуе яе. У гэтым і заключаецца жыццяздольнасць мянушак, інакш яны не прыжыліся б у народзе. Адметнасць ужывання вулічных мянушак у параўнанні з літаратурнай мовай заключаецца ў тым, што ў народна-гутарковай мове яны выкарыстоўваюцца без удакладненняў і часта не спалучаюцца з тымі імёнамі, якія называюцца. Шматлікія мянушкі ў гаворцы вёскі ўжываюцца ў нейтральным значэнні.

Мэта і задачы. Мэта даследавання – семантычна-этымалагічнае апісанне мянушак в. Сямурадцы Жыткавіцкага раёна. Задачы даследавання: выявіць вулічныя мянушкі канкрэтнай вёскі; раскласіфікаваць іх у лексіка-семантычныя групы ў адпаведнасці з вызначанымі этымалагічнымі асновамі.

Метады даследавання. Метадалагічнай асновай прадстаўлення мянушак з'яўляецца апісанне, параўнанне і метады супастаўляльнага семантычнага аналізу.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. У артыкуле прааналізаваны некаторыя мянушкі асобнай вёскі. Пры ўтварэнні дадзеных найменняў выкарыстоўвалася лексіка разнастайных семантычных груп. Яны адлюстроўваюць характэрны для вяскоўца светапогляд, адносіны паміж людзьмі, вясковыя традыцыі, а таму маюць дакладную матывіроўку, якая кладзецца ў аснову семантычнай класіфікацыі.

У аснову матывацыі многіх мянушак пакладзены **знешні выгляд чалавека, колер яго твару або падабенства на форме прадмета**. **Козак** ‘горды, спрытны, малады’: *Козак ходзіць з поднятой головою*¹; **Латун** ‘абарванец’: *Да Латуна сыны прыехалі*; **Красны** ‘з чырвоным тварам’: *Баба памерла, а Красны і зараз жыве*; **Паўло Рабы** ‘з вяснушкамі’: *Добрыя печы робіць Паўло Рабы, яго ўсе зовуць*; **Коля Чыгун, Іван Цыган** ‘чорны з выгляду’: *У нас сплаўшчыком робіў Коля Чыгун, зарэ на пенсіі; Заўхозом у школе Іван Цыган*; **Сяргей Медны** ‘з валасамі колеру медзі’: *У Сяргея Меднага косы на голове медныя*; **Сцяпан Коршак** ‘з вялікім і крывым носам’: *Сцяпан Коршак жыве ў засадзі*; **Міша Куцы** ‘малы ростам’: *Міша Куцы зусім не вурас*; **Дудка** ‘вельмі худы’: *Етые Дудкі ўсе худыя*; **Дроздзік** ‘з доўгім носам’: *Дроздзік стаў лётчыкам*; **Дзежка** ‘малая, поўная жанчына’: *Унь Дзежка з унукамі гуляе*; **Кнопка** ‘малая і худая’: *Эта Кнопка ні с кім не ўжывецца*; **Петак** ‘малы і поўны’: *Пецька Петак поступіў у цехнікум*; **Каланча** ‘высокая і худая’: *У Каланчы ўсе дзеці высокія і худыя*; **Белозоры** ‘белабрысы’: *Белозорага ў армію забралі*.

Гаворцы вёскі вядомы шматлікія мянушкі, матываваныя **псіхічным станам, характарам чалавека, яго наводзінамі або звычайам**. Многія з іх маюць выразную стылістычную афарбоўку размоўнасці, нярэдка з адценнем непахвальнасці, зневажальнасці. **Драмак** ‘хто дрэмле’: *Нешто Драмакоў не відно*; **Подмазка** ‘хто дагаджае’: *Стара Подмазка памерла, а молада поехала к доццэ*; **Солоп’ян** ‘хто высалапвае язык’: *Зарэ чэрга коней пасці Солоп’яна*; **Пеўчук** ‘хто любіць спяваць, пеўчы’: *Усе Пеўчукі машыны покуплялі*; **Бессоліха** ‘хто недасольвае страву’: *Даўно ў нас Бессоліха була звеневай*; **Пеця Куркуль** ‘сквапны’: *Пеця Куркуль ні с кім не падзеліцца*; **Паўло Стрык** ‘супярэчлівы’: *І зноў Паўло Стрык з суседам сварыцца*; **Панас Перэборэц** ‘пераборлівы’: *Панас Перэборэц все время недовольны, усё перабірае*; **Кулік** ‘занадта цікаўны’: *Кулік усюды свой нос усуне*; **Гірман** ‘той,

¹ У артыкуле ілюстрацыйны матэрыял падаецца згодна з фанетычнымі асаблівасцямі гаворкі.

хто гіркае, груба і злосна гаворыць, адказвае каму-небудзь; пакрыквае’: *Зноў Гірман гіркае на сваіх дзецей; Цвёрдак* ‘цвёрды, стойкі ў сваіх перакананнях, намерах; непахісны’: *Цвёрдака ніхто не перэубедзіць; Шпак* ‘пастаянна з адкрытым ртом’: *Шпак ніколі праўды не гаворыў; Мерлуша* ‘ягнячая шкурка’ [3, с. 320], ‘той, хто носіць безрукаўку з ягнячай шкуркі’: *Мерлуша ў арміі не служыў; Рэпанка* ‘брудная, нехайная’: *У Рэпанкі ў хаці ўсе ў гразі; Мурашка* ‘працалюбівы’: *Мурашка з поля не вулазіць.*

Распаўсюджанымі з’яўляюцца лексічныя адзінкі, матываваныя **фізічнымі недахопамі, паталагічнымі недахопамі** чалавека. **Заікасты** ‘той, хто заікаецца, заіклівы’: *Заікасты ні з кім не гаворыць; Крывы ‘кульгавы’: *У нас у колгасі бугалцерам Крывы; Насця Крывабока* ‘са скрыўленым бокам’: *Скора зноў Насцю Крывабоку забрала ў больніцу; Слепы* ‘аднавокі’: *На конях робіць зарэ Слепы; Мікалай Слепы* ‘сляпы’: *Мікалай Слепы хораіэ на гармоні іграў; Сергей Горбаты* ‘з гарбом’: *Нехто дрова Сергею Горбатуму повёз; Іван Безрукі* ‘без рукі’: *Іван Безрукі сторожэм у школе; Маня Безнога* ‘без нагі’: *Маня Безнога шыла кофты; Коса* ‘касавока’: *Коса пошла на роботу; Прамы* ‘фізічна здаровы’: [Маці:] *У мяне тры сыны: одзін Крывы, другі – Слепы, трэйці – Прамы; Церэшко* ‘разумова абмежаваны’: *Церэшко шофером робіць; Очкарык* ‘носіць акуллары’: *Еты Очкарык усюды ўлезе, дзе не трэба; Сіпаты* ‘з сіплым голасам’: *Сіпаты жыве особняком; Трус* ‘палахлівы, усяго баіцца’: *Паўло Трус з хаты не вулазіць.**

Надзвычай ярка і трапна характарызуюць чалавека мянушкі, у аснове якіх ляжаць **шматлікія метафарычныя пераносы**. **Воўк** ‘з нелюдзімым характарам’: *Дзеці Воўка раз’ехаліся по свету; Козёл* ‘з упартым характарам’: *Зноў Козёл пошоў з сокераю ў лес; Кот, Коцярыч* ‘ласы да ўсяго’: *Кот робіць трактарыстам; Ковбаса* ‘з тоўстымі, тлустымі губамі’: *У Ковбасы трое хлопцоў; Кукла* ‘у дзяцінстве перад сном прасіў куклу (самародная пустышка, соска)’: *Кукла пошоў у першы клас; Чайка* ‘з мітуслівым, неспакойным характарам’: *Унь Чайка з віламі на роботу побегла; Чаюн* ‘сын Чайкі’: *Чаюн у колхозі трактарыстам робіць; Ерш* ‘з колкім, неўжыўчывым характарам’: *Сыны Ерша ўсе ў Мінску жывуць; Галя Цёплая* ‘веяла цяплом, радасцю, шчасцем’: *Поговорыў з Галёй Цёплой і на душэ стало лепш.*

Часта вулічныя мянушкі матывуюцца **імёнамі і прозвішчамі бацькоў** і маюць значэнне ‘сын таго, хто названы адпаведным імем ці прозвішчам’: **Вуліч** < ад Ульяна: *У Вуліча два парнікі; Хоміч (Хомка)* < ад Фама: *Хоміч доглядчыком на хвермі; Міронец* < ад Мірон: *Зноў Міронец бушуе дома;*

Мірык < ад Мірон: *У Мірыка дзве дзеўкі*; **Грынька** < ад Рыгор: *У Грынькі пяць хлопцаў*; **Дзёмчык** < ад Дзям'ян: *Дзёмчык шофёром робіць*; **Лёньчык** < ад Леанід: *Лёньчык у брыгадзі робіць*; **Люсь** < ад Пятрусь: *Люсь жыў у засадзі*; **Ціхонко** < ад Ціхан: *Ціхонко – добры столяр*; **Янчык, Ян** < ад Іван: *Янчык у магазіне робіў, а Ян – у кузні*; **Ладзя** < ад Валодзя: *Ладзя на работу пашоў*; **Маньковіч** < ад Марыя (Маня): *Маньковіч жыў у беразі*; **Лексуліч** < ад Аляксандра (Лекса): *Лексуліч робіў паромчыком*; **Орыніч** < ад Ірына: *Орыніч стаў велікім чловеком*; **Мокарык** < ад Макар: *Мокарык робіў пастухом*; **Проніч** < ад Ефрасінья (Проня): *Усе не любяць Проніча за яго харакцёр*; **Ярошык** < ад Ерафей (Яроша): *Ярошык робіў конюхом*; **Громец** < ад Гром: *Лучшы трактарыст у колгасі Громец*; **Вітолік** < ад Віталій: *Вітолік робіць у леспромхозі*; **Міцік** < ад Дзмітрый: *Міцік добры кузнец*; **Мойсік** < ад Майсей: *Мойсік служыў у паліцыі*; **Мішыяс** < ад Міхаіл: *Мішыяс зусім поправіўса*; **Петрушка** < ад Пётр: *Петрушка купіў машыну*; **П'ёт** < ад Пётр: *У П'эта багата дзяцей*; **Піліпей** < ад Піліп: *Піліпей з усімі сварыцца*; **Ешкун** < ад Якаў (Яша): *Ешкун зусім постарэў, нічога не бачыць*; **Яшчыха** < ад Якаў (Яша): *Яшчыха з дочкамі ў беразе жыве*; **Сеньчык** < ад Сямён: *Сеньчык жэніўса і з'ехаў до жонкі*; **Шпірыха** < ад Спірыдон: *Шпірыха жыве ў канцы села*; **Божык** < ад Бажытаў: *Божыка посадзілі ў цюрму*; **Клім** < ад Клімовіч: *Клім служыў погранічніком*; **Гусь** < ад Гусеў: *Гусь вельмі рано жэніўса*; **Хмель (Хмелёк)** < ад Хмяльніцкі: *Хмель робіў бугалцэром*; **Савон** < ад Савонаў: *Савон жыве без бацькі*; **Ковеня** < ад Якавеніч: *У Якавеніча багато дзяцей*; **Москалік** < ад маскаль 'масквіч, рускі салдат': *У Москаліка дзеці жывуць у Мінску*.

Цікавымі з'яўляюцца мянушкі, што ўзніклі ў працэсе моўных зносін. Яны адлюстроўваюць спецыфічныя індывідуальныя асаблівасці гаворкі пэўных камунікантаў, указваюць на артыкуляцыйныя адметнасці мовы, называюць словы ці выразы, якія носьбіт часта ўжывае, характарызуюць гучнасць голасу: **Болбоцько** 'хто хутка гаворыць, балбоча': *Нам картоплі Болбоцько ораў*; **Кортаўка** 'хто картавіць': *Бач, ек Кортаўка вурадзілася*; **Брат** 'часта ўжываў слова брат': *Брат жыве коло клуба*; **Пачым** 'ад выразу па чым?': *Пачым робіць шофёром*; **Туй** 'дрэва тую назваў туй': *Туй нічога не ўмее робіць*; **Іван Горую поціху** 'часта ўжываў выраз горую поціху': *Іван Корую поціху жыве одзін*; **Іван Коляска** 'воз называў каляскай': *Іван Коляска вельмі добра спяваў*; **Туз (Тузік)** 'назваў сябе тузам': *Туз вельмі любіў гуляць у карты*; **Біса** 'ад выразу біса-біса, я не боюса': *Біса вельмі задзірлівы хлопец*; **Дэшко** 'ад частага ўжывання дэ-дэ': *Васіль Дэшко жыў*

з мацераю; **Пеля** ‘палонку называў пеляй’: *Пеля робіць лесніком*; **Бутэлька** ‘часта ўжываў гэтае слова’: *Бутэлька вельмі остры на язык*; **Кова** ‘ад коў-коў, выкл., пазыўное слова для свіней [4, с. 243]’: *Кова жэніўся на Насці*; **Наёўха** ‘ад выразу я наеўся’: *Наёўха жыве на беразі ракі*; **Цюпа** ‘ад цюп, выкл., ужываецца для пабуджэння дзіцяці ступаць’ [5, с. 694]: *Цюпа вельмі добра плаваў*; **Штампак** ‘ад частага ўжывання ў мове штампаў’: *Штампак робіць у колхозі брыгадзіром*.

Асобныя мянушкі могуць указываць на месца жыхарства: **Коля Бечанец** – з вёскі Бечы; **Сцяпан Лях** – з Польшчы, **Васіль Буразь** – з вёскі Буразь, **Галя Слепчанка** – ад былой назвы вёскі Слепцы, зараз вёска Знаменка; **Насця Полешка** – з Палесся; **Сібірака** – з Сібіры; **Озеранка** – з вёскі Азяраны; **Погошчанка** – з вёскі Пагост; **Хочэнка** – з вёскі Хочэнь; **Рычоўка** – з вёскі Рычоў; **Багрымаўка** – з вёскі Багрымавічы,

Па-рознаму называюць у гаворках мужчын у залежнасці ад адносін да сямейнага становішча, шлюбу: **Колька Бенок** – пазашлюбнае дзіця: *Колька Бенок жыве з мацераю*; **Лёня Прымак** – той, хто прыстаў у прымы: *Лёня Прымак робіў на конях*; **Лёня Байструк** – пазашлюбнае дзіця: *Лёня Байструк поступіў у цехнікум*; **Нешчасніца** – незамужняя: *Нешчасніца так і прожыла век одна*; **Чугай** – чужы, прышлы чалавек: *Чугай ні з кім не гаворыць*; **Прытуленец** – прымак: *Прытуленец прыстаў до Ганны*; **Шостак** ‘шосты па ліку ў сям’і’: *Шостак робіць на конях*.

Бытуе шэраг мянушак, што характарызуюць асобу паводле знешняга падабенства да вядомых дзеячаў: **Іван Марэся** – Марэсьеў А. П., лётчык, Герой Савецкага Саюза: *Іван Марэся зарэ робіць загадчыком клуба*; **Яшын** – вядомы футбаліст Л. Яшын: *Яшын гуляў вратаром за колхозны клуб*; **Махнюк** – Махно Н., лідар сялянскага руху на Украіне: *Махнюк усё врэмя робіць на трактары*; **Паўлюс** – фельдмаршал нацысцкай Германіі: *Паўлюс вельмі добры каменьшчык*.

Некаторыя мянушкі характарызуюць чалавека па схільнасцях да прадуктаў харчавання, страў: **Володзя Боршч** ‘той, хто любіць боршч’: *Володзя Боршч робіць у леспромхозі*; **Коля Ерш** ‘з рыб любіў яршоў’: *Коля Ери юшку прызнае толькі з ершоў*; **Міша Печонік** ‘той, хто любіць печаную бульбу’: *Да маці ў госці прыехаў у госці Міша Печонік з сем’ёй*.

Сустракаюцца мянушкі, што ўказваюць на род заняткаў вяскоўцаў, сацыяльнае становішча: **Андрэй Печнік** – *Андрэй Печнік добрыя печы робіць*; **Мікіта Цэбрык** – *Мікіта Цэбрык у нас спецыяліст па цэбрам*; **Федзя Дроцянік** – працаваў электрыкам; **Цыбукі (Чыбукі)** – сцябло, вырошчвалі

сцябло тытуню: *Цыбукі – нехорошыя людзі; Галя Богатырка – Галя Богатырка сабе новую хату поставіла; Бригадзір – Коля Ери робіў брыгадзіром; Дохтурка – Дохтурка зара на пенсіі; Композітор – Кольку Композітора ўсе зовуць на вяселье; Огрономка – Огрономка зарэ жыве одна, дзеці з'ехалі; Дзірэкторша – Дзірэкторша зноў поехала на вучобу.*

У аснове некаторых вясковых мянушак ляжаць **назвы рэлігійных свят, падчас якіх хтосьці нарадзіўся ці нешта здарылася. Іван Міколік** – нарадзіўся на Міколу, 22 мая: *У Івана Міколіка багата дзяцей; Макова* – нарадзіўся на Макавея, 14 жніўня: *Макова нікого не слухае з бацькоў; Чудзіха* – На рэлігійнае свята Чудо (Цудо) пайшла ў лес па ягады, зрабіла вянок з кветак ад насякомых, выйшла з лесу і напалохала многіх вяскоўцаў, за што і атрымала мянушку: *Чудзіху ўсе баяцца.*

Некаторыя мянушкі паказваюць, **дзе служыў ці знаходзіўся пэўны час вясковец: Афганец** – служыў у Афганістане: *Афганец мае багата наград; Кубінец* – служыў на Кубе: *Кубінец быў ранены ў ногу і зарэ кульгае; Макароннік* – застаўся служыць звышурочна: *Макароннік служыў у Германіі; Паліцай* – у час вайны служыў у паліцыі: *Паліцай вельмі врэдны, яго не любяць людзі; Сева* – некаторы час працаваў на поўначы (север): *Сева зноў поехаў на заробаткі; Герой* – у ліку першых паехаў на асваенне цалінных зямель: *Міша Герой тры годы робіў на цэліне.*

Вывады. Такім чынам, мянушкі ўтвараюцца на базе агульнавядомых апелятываў з матывавана азначанай лексіка-семантычнай характарыстыкай і выкарыстоўваюцца як дзейсны ацэначны сродак. Яны адлюстроўваюць імкненне народна-дыялектнай мовы больш дакладна і канкрэтна перадаць у слове характэрныя рысы чалавека, яго паводзіны, псіхічны стан і інш. Такія назвы – гэта яшчэ адна крыніца ўзбагачэння беларускай літаратурнай мовы, асабліва ў жанры мастацкай літаратуры пры вобразнай характарыстыцы яе герояў. У. Юрэвіч слушна заўважае: “Як пабагацелі б мы, каб больш даследавалі паходжанне беларускіх імён і прозвішчаў, традыцыйных мянушак, усяго народнага іменаслоўя, каб мелі, нарэшце, поўны збор антрапонімаў, носьбіты якіх жывуць на Беларусі і з’яўляюцца жывым помнікам” [6, с. 211].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія : у 3 ч. / М. В. Бірыла. – Мн. : Навука і тэхніка, 1966–1982. – Ч. 1 : Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. – 328 с.

2. Беларуская антрапанімія : вучэбны дапам. / Г. М. Мезенка (наук. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА “ВДУ імя П. М. Машэрава”, 2009. – 254 с.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 2 : И–О. – 779 с.
4. Беларуская мова і мовазнаўства : міжвуз. зб. / Гомел. дзярж. ун-т імя Францыска Скарыны. – Мн. : БДУ, 1974. – Вып. 4. – 276 с.
5. Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – Мн. : Бел. Сав. Энцыкл., 1983. – 792 с.
6. Юрэвіч, У. М. Слова жывое, роднае, гаваркое... : дапам. для наст. / У. М. Юрэвіч. – Мн. : Маст. літ., 1998. – 280 с.

Паступіў у рэдакцыю 10.11.2025

КАНЦЭПТУАЛІЗАЦЫЯ АЙКОНІМА МАЗЫР У СВЯДОМАСЦІ РЭГІЯНАЛЬНАЙ МОЎНАЙ АСОБЫ

Г. В. Буркова,

кандыдат філалагічных навук, загадчык аспірантуры
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: sajtmzr@mail.ru

С. Б. Кураш,

доктар філалагічных навук, прафесар,
прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru

Артыкул прысвечаны вызначэнню асаблівасцей канцэптуалізацыі айконіма Мазыр і яго бліжэйшых асацыятываў у свядомасці рэгіянальнай моўнай асобы. На аснове аналізу публіцыстычнага, рэкламнага і інтэрнэт-дыскурсаў і маўленчых практык выяўляюцца асноўныя прагматычныя ўстаноўкі, якія рэалізуюцца праз дадзены айконім і некаторыя вытворныя ад яго. Робіцца вывад, што айконім Мазыр функцыянуе не толькі як дэнататыўны паказчык геаграфічнага аб'екта, але і як камунікатыўна абумоўлены канцэпт, што нясе ідэйна-эмацыйную нагрузку, фарміруе пэўныя канатацыі і выкарыстоўваецца для дасягнення канкрэтных перлакутыўных мэт.

Ключавыя словы: лінгвакультурны ідэнтыфікатар, канцэпт, айконім, прагматонім, моўная асоба, ад'ектонім.

CONCEPTUALIZATION OF THE OIKONYM MOZYR IN THE CONSCIOUSNESS OF A REGIONAL LANGUAGE PERSONALITY

H. V. Burkova, S. B. Kurash

The article deals with the conceptualization features of the oikonym Mozyr and its closest associations in the mind of a regional linguistic personality. Based on the analysis of journalistic, advertising and Internet

discourses and speech practices, the authors reveal the main pragmatic attitudes of this oikonym and its derivatives. The authors made the conclusion that the oikonym Mozyr functions not only as a denotative indicator of a geographical object, but also as a communicatively specified concept that carries an ideological and emotional colouring, forms certain connotations and is used to achieve specific perlocutionary goals.

Keywords: linguocultural identifier, concept, oikonym, pragmatonym, linguistic personality, adjectonym.

Уводзіны. Агульнапрызнаны той факт, што менавіта культура і яе разнастайнасць, з'яўляючыся асновай духоўнага і інтэлектуальнага жыцця нацыі, шмат у чым спрыяе дзяржаўнаму развіццю і дзяржаўнай бяспецы. Таму ўсё, чым нападуняецца паняцце “культурная спадчына”, а таксама спосабы яе захавання і абароны павінна стаць адным з прыярытэтных аб'ектаў гуманітарных навук, і ў прыватнасці, лінгвістыкі, па-першае, з прычыны даміруючых тэндэнцый глабалізацыі, у выніку чаго адбываецца нівеліраванне этнічнай і культурнай разнастайнасці; па-другое, з прычыны ўзмацнення выклікаў інфармацыйна-лічбавай эпохі і ўсё больш дынамічнага развіцця міжкультурных і міжмоўных кантактаў, якімі стымулююцца інавацыйныя працэсы ў мове і маўленні.

Адзначанае вышэй абумоўлівае неабходнасць надання больш пільнай ўвагі тым фрагментам нацыянальнай лінгвакультурнай прасторы, якія могуць быць кваліфікаваныя як **аксіялагічна значныя**, як здольныя выступаць у якасці **ідэнтыфікатараў айчыннай лінгвакультуры**.

Асаблівую ўвагу пры гэтым патрэбна звярнуць на шэраг феноменаў рэгіянальнай лінгвакультуры, што “ўяўляе сабой варыянт нацыянальнай культуры, з якой яна знаходзіцца ў дыялогу” [1, с. 12], у прыватнасці, той, якая адрознівае Мазырска-Прыпяцкае Палессе.

У межах антрапацэнтрычнага накірунку сучаснай лінгвістыкі А. С. Шчарбак вылучае чатыры падыходы да вывучэння анамастычных адзінак: лінгвакультуралагічны (разглядаюцца вядомыя ўласныя імёны, маркіраваныя нацыянальнай культурай), этналінгвістычны (мае на мэце выяўленне нацыянальна-культурнай спецыфікі ў структуры моўнага знаку), псіхалінгвістычны (значэнне ўласнага імені разглядаецца як вынік адлюстравання рэчаіснасці праз свядомасць чалавека) і кагнітыўны (вывучае ўдзел онімаў у разумовай дзейнасці чалавека, здольнасць захоўваць моўныя і энцыклапедычныя веды) [2].

Значная ўвага ў апошнія дзесяцігоддзі была нададзена рознага роду этна- і лінгвакультурным феноменам, што складаюць так званае аксіялагічнае поле той ці іншай лінгвакультуры.

Мэта і задачы. Мэтай гэтага артыкула з’яўляецца выяўленне канцэптualaнага патэнцыялу айконіма *Мазыр* і яго бліжэйшых асацыятываў, рэпрэзентаваных адайканімічнымі дэрыватамі (*мазырскі, па-мазырску, мазыранін*).

Задача даследавання – вызначэнне семантычных механізмаў, якія абумоўліваюць прагматыку аксіялагічна накіраваных асацыяцый да айконіма *Мазыр* і некаторых вытворных ад яго ў розных маўленчых практыках рэгіянальнай моўнай асобы.

Метады даследавання. Даследаванне вялося з прымяненнем кантэкстуальнага, канцэптualaнага, супастаўляльнага і дыстрыбутыўнага метадаў.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Нягледзячы на даволі бедны змест дэнатата айконімаў, яны маюць шырокі сігніфікатыўны кампанент, які адлюстроўвае вопыт кагнітыўнага і сацыякультурнага асэнсавання дэнатата. Таму канцэптualaзацыя айконімаў можа адбывацца ў тым выпадку, калі моўная асоба валодае некаторай інфармацыяй пра пэўны населены пункт. Чым большы аб’ём інфармацыі, чым яна больш разнастайная, тым большая верагоднасць пераўтварэння айконіма ў канцэпт, у тым ліку і культурны. Канцэптualaзуюцца толькі тыя айконімы, якія маюць культурную, гістарычную і асабістую значнасць.

У распрацоўцы гэтай тэматыкі мы робім спробу выяўлення механізма канцэптualaзацыі айконіма *Мазыр* як анамастычнай адзінкі з аксіялагічнай семантыкай, які можа быць кваліфікавана як адзін з ідэнтыфікатараў айчыннай лінгвакультуры.

Спачатку разгледзім такую канцэптualaную прымету, як этнакультурная адметнасць. Онімы ў працэсе функцыянавання, не страчваючы сваёй асноўнай адраснай функцыі, становяцца “захавальнікамі” назапашанай культуралагічнай інфармацыі. Гэта значыць, што яны могуць разглядацца як з’явы культуры, якія адлюстроўваюць этнічную спецыфіку.

Горад *Мазыр* спачатку знаходзіўся на гандлёвым шляху “з варагаў у грэкі”. Затым ён становіцца значным стратэгічным пунктам, палітычным і гандлёва-рамесным цэнтрам Палескага рэгіёна, дзякуючы свайму размяшчэнню на скрыжаванні буйных водных (Прыпяць, Пціч) і сухапутных (Жытомір–Бабруйск, Рагачоў–Рэчыца–Пінск) шляхоў [3, с. 38].

Вядомы даследчык Мазыршчыны прафесар В. В. Шур адзначае: “Незвычайнасць навакольнага ландшафту – дзівоснае спалучэнне маляўнічых узгоркаў, пакрытых экзатычнай расліннасцю на фоне не менш экзатычнага раўніннага левабярэжжа Прыпяці, здзіўляюць любога, хто ўпершыню наведвае Мазыр” [4, с. 142]. Адметнасць рэльефу Мазыра неаднаразова падкрэсліваецца як ў літаратурна-мастацкіх тэкстах: *Праскочылі Прыпяць, праскочылі ўтульны ўзгорысты Мазыр* (У. Караткевіч. Дрэва вечнасці), так і ў іншых камунікатыўных практыках: *Я не ожидала, что Кричев расположен на гористой поверхности (чем очень напоминает Мозырь). Кругом курганы* [https://otzovik.com/review_12251300.html].

У пераважнай большасці зафіксаваных выпадкаў айконім *Мазыр* прадстаўлены ў камунікатыўнай прасторы рэгіёна ў прама-рэферэнтнай функцыі – для абазначэння адпаведнага фізіка-геаграфічнага арэала: *чыгуначная станцыя “Мазыр”, аўтавакзал “Мазыр”, у тым ліку і ў межах складаных намінацый тыпу футбольны клуб “Славія-Мазыр”, завод “Мазыркабель”, вытворчае аб’яднанне “Мазыр соль” і інш.*

У гэтым жа статусе функцыянуе шэраг устойлівых перыфрастычных найменняў да айконіма *Мазыр* – *“жамчужына беларускага Палесся”, “горад на сямі ўзгорках”, “горад на Прыпяці”, “беларуская Швейцарыя”, “сталіца палескага краю”*. У адным са знакамітых твораў У. Караткевіча ў аналагічнай функцыі выкарыстоўваецца анамастычная метафара: *Ці пра «міні-Кіеў» Мазыр вам казаць?* (У. Караткевіч. Зямля пад белымі крыламі).

У аповесці Івана Мележа “Подых навальніцы” горад *Мазыр* узгадваецца ў палескім жартлівым дыялогу анекдатычнага характару: *“А за Гомелем людзі е?” – “Е. Толькі – дробненькія”*. У “Людзях на балоце” аўтарская апеляцыя да гэтага айконіма і вытворных ад яго адзінак налічвае больш за 20 выпадкаў. Натуральна, што аналагічныя фіксацыі гэтага айконіма характэрныя і для твораў іншых беларускіх пісьменнікаў, перш за ўсё – ураджэнцаў Гомельшчыны.

Характэрна, што гэты айконім часам становіцца і кампанентам парэміялагічных адзінак: *Мазыр, як пузыр: кругом горы і вада, а ў сярэдзіне бяда; Ведай, па чым сыры ў Мазыры*.

Адным са спосабаў канцэптуалізацыі онімаў з’яўляецца іх пераход у іншы анамастычны разрад (трансанімізацыя), у прыватнасці, у ад’ектонімы і эргонімы.

Цікаваць да ад’ектонімаў у сучаснай лінгвістыцы даволі ўстойлівая. “Прыметнікі, утвораныя ад географічных назваў, суправаджаюць усю гісторыю нашай мовы і прасочваюцца з яе старажытных помнікаў: летапісаў і

дакументаў”, – адзначае Я. А. Левашоў, аўтар слоўніка, у якім фіксуюцца такія адтапанімічныя ад’ектывы [5, с. 3]. Увага да ад’ектонімаў абумоўлена і спецыфікай іх лексічнага значэння, якое “не можа быць зведзена толькі да адноснага і ўяўляе сабой рад тыповых і індывідуальных значэнняў, набор і суаднесенасць якіх як у асобных канкрэтных выпадках (лексемах), так і ў лексічнай групе ў цэлым змяняецца ў часе” [6, с. 167].

Даволі заканамерна, што ў большасці выпадкаў ад’ектонім *мазырскі* прадстаўлены ў прама-рэферэнтнай функцыі – функцыі абазначэння адноснай прыметы па адпаведнай геаграфічнай галіне. Параўн.: *Мазырскі замак* – гэта не проста рэканструяваны архітэктурны аб’ект, а цэлы гісторыка-турыстычны комплекс.

У гэтай жа функцыі ўжываецца ад’ектонім і ў назвах навучальных устаноў (*Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна*, *Мазырскі дзяржаўны абласны ліцэй*, *Мазырскі дзяржаўны музычны каледж*, *Мазырскі дзяржаўны медыцынскі каледж* і інш.), прадпрыемстваў (*Мазырскія малочныя прадукты*, *Мазырскі вопытны лясгас* і інш.). Своеасаблівым сімвалам Мазыра з’яўяецца *Мазырскі нафтаперапрацоўчы завод* – адно з буйнешых у Еўропе прадпрыемстваў адпаведнага профілю.

Эргонімныя адзінкі адлюстроўваюць асаблівасці светаўспрымання моўнай асобы, яе культурны ўзровень. Праведзенае даследаванне эргонімаў Мазыршчыны выяўляе разнастайную лінгвакультурную інфармацыю, якая часам патрабуе наяўнасці пэўных фонавых ведаў носьбітаў мовы.

Эргонім “*Чырвоны мазыранін*” – кандытарская фабрыка, якая знаходзіцца ў Нароўлі. Эргонім узыходзіць да пачатку XIX стагоддзя, калі менавіта мазырскія рабочыя дапамагалі аднавіць фабрыку пасля грамадзянскай вайны. Асноўным брэндам фабрыкі стала вытворчасць карамелі, мармеладу і пасцілы. У 1914 г. была атрымана гандлёвая марка “Горват” па вырабе і продажы гэтай прадукцыі Гісторыя фабрыкі пачынаецца ў далёкім 1913 г., калі заможны мясцовы памешчык Гарват у мястэчку Нароўля Рэчыцкага павета Мінскай губерні пабудаваў невялікую фабрыку для перапрацоўкі садавіны і гародніны са сваіх маёнткаў. Прадпрыемства прыносіла немалы прыбытак і з цягам часу ператварылася ў цукерачную фабрыку. Толькі ў 1925 г. працоўныя г. Мазыра прынялі рашэнне аб аднаўленні фабрыкі. У гэтым жа годзе ў адрамантаваных памяшканнях прадпрыемства была выпушчана першая салодкая прадукцыя: зефір, мармелад, ірыс, павідла, джэм, пасціла. Працоўныя Нароўлі прапанавалі назваць фабрыку “Чырвоны мазыранін” у гонар рабочых з Мазыра, якія дапамаглі аднавіць вытворчасць.

У анамастыконе горада намінацыі, звязаныя з ежай, фарміруюць адметны для лінгвакультуралагічных назіранняў пласт моўных адзінак. Даволі распаўсюджанымі з’яўляюцца эргонімы, што адлюстроўваюць тэрытарыяльную прыналежнасць прадукта праз ад’ектонім: кефір “**Мазырскі**”, смятана “**Мазырская**”, малако “**Мазырскаяе**”, каўбаскі “**Мазырскія**” і інш.

Футбольны клуб “Славія-**Мазыр**”. *Мазыр* у выніку ўжывання па-за прамой рэфэрэнцыяй набывае пераноснае значэнне, у прыватнасці, метанімічнае, калі, напрыклад, праз назву горада ўзгадваецца футбольная каманда: *От убачыце! Ці ж не прэстыж якому-небудзь **Мазыру** ці Бабруйску ў чэмпіёны выбіцца? А далей – Еўропа, кубкі. Бач чаго захацелі: дай ім Бабруйск, **Мазыр**, Барысаў* (А. Камароўскі. Пенальці).

Прадуктыўным у беларускім мовазнаўстве з’яўляецца транспазітыўнае ўтварэнне адвербіяльных адзінак, вытворных ад онімаў па мадэлі *па + ОНІМ + ску*: *па-коласаўску, па-мележаўску, па-скарынінску, па-шамякінску, па-радзівілаўску* і інш.: *Сяргей Валчкоў моцна, **па-мулявінску** выканаў песню на верш Янкі Купалы “Спадчына”* (“Віцьбічы”, 03.09.2023 [<https://www.vitbichi.by/news/kultura/>]; “*Гасціннасць **па-радзівілаўску**”: в Несвіжэ пройдзе II фестываль гасцепрымства* (“Нявіжскія навіны”, 21.06.2023 [<https://www.nesvizh-news.by/2023/06/21/>]). Такія адзінкі ўключаны ў рэалізацыю складанага па структуры сэнсу ‘як’ і служаць сродкам наймення аднаго са складнікаў гэтага сэнсу – ‘падобны да каго-небудзь, такім чынам, як хто-небудзь’ [7, с. 144]. Прыслоўі, утвораныя ад айконіма, з’яўляюцца паказчыкам якасці і адметнасці таго ці іншага рэгіёна: “*Турызм **па-дзятлаўску**”* (“Звязда”, 31.03.2023 [https://zviazda.by/sites/default/files/31sak-2_optim_2.pdf]); “*У горадзе над Сожам можна асвяжыцца “**па-гомельску**”. Гэта як?*” [<https://tvrhomel.by/by/news/u-goradze-nad-sozham-mozhna-asvyazhytstsa-ra-gomelsku-geta-yak>]. Аналагічныя працэсы ўласцівыя і для айконіма **Мазыр**.

Так, прыслоўе *па-мазырску* ў шэрагу зафіксаваных намі ўжыванняў з’яўляецца маркёрам пэўнага знака якасці ці адметнасці: *Работать стабільно – это **по-мазырски*** (загалавак артыкула аб тым, што ў 2006 годзе горад Мазыр быў занесены на рэспубліканскую дошку гонару (<https://www.sb.by/articles/rabotat-stabilno-eto-po-mozyrski.html>)); *Сельское благоустройство **по-мазырски**: опыт района изучали председатели местных Советов депутатов* (<https://govorim.cc/gomelskaya-oblast/mozyr/novosti-mozyra/330745-selskoe-blagoustroystvo-po-mozyrski-opyt-rayona-izuchali-predsdateli-mestnyh-sovetov-deputatov.html>); *Возможности и перспективы спорта **по-мазырски**: в городе над Припятью выездной семинар собрал председателей Советов*

депутатов базового уровня Гомельской области (<https://govorim.cc/gomelskaya-oblast/mozyr/novosti-mozyra/330745-selskoe-blagoustroystvo-po-mozyrskiy-opyt-rayona-izuchali-predsedateli-mestnyh-sovetov-deputatov.html>); *Преображение по-мазырски. Город над Припятью прирастает новыми микрорайонами* (https://gp.by/novosti/obshchestvo/news287462.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fby%2Fstory%2F86b34168-03c8-5109-ba67-be3eff7f7e12); масленіца *па-мазырску* (аб маштабным народным гулянні са шматлікімі стравамі); шчупак *па-мазырску*; *збіцень па-мазырску* (рэцэпт гэтага напою размешчаны нават на вядомых кулінарных сайтах <https://povar.ru>; <https://food.ru>).

У рэкламным слогане *запраўляйся па-мазырску* адайканімічны дэрыват выкарыстоўваецца метанімічна, для абазначэння прадукту МНПЗ.

Нарэшце, у рэгіянальнай камунікатыўнай прасторы (перш за ўсё ў літаратурна-мастацкім дыскурсе) даволі шырока прадстаўлены кантэксты, у складзе якіх канцэптуалізацыя айконіма *Мазыр* адбываецца праз эксплікацыю індывідуальна-аўтарскага ўспрыняцця, маркіраванага такімі лексічнымі паказчыкамі, як *мой, наш* і да т. п.: *Пяць курганаў над Прыпяцю сіняй / Узіраюцца ў зорную шыр. / А на іх свае крылы раскінуў, / Нібы сокал, мой любы Мазыр* (Г. Дашкевіч); *О, Мазыр, дарагая зямля, / Покуль ёсць ты ў мяне, я – шчаслівы!* (В. Андрыеўскі); “Мой Мазыр” (назва паэтычнага зборніка І. Сусленка); *Але ўсё ж гэтая назва ў першую чаргу нагадвае помнік: славянскае паселішча, ад якога бярэ пачатак наш славуты Мазыр* (<https://tutejszy.ru/gomelskaya/mozyrskij/mozyr/184-pra-zniknenne-nazvy-mazyr-mozyr>).

У назве калектыўнага зборніка паэзіі “*Ты, Мазыр, – мой Парнас*” (2001) індывідуальнасць успрыняцця ўзмацняецца і канкрэтызуецца анамастычнай метафарай, у якасці элемента якой выступае прэцэдэнтная іанамастычная адзінка *Парнас*.

У адзначанай функцыі, як, дарэчы, і ў некаторых са згаданых вышэй, айконім *Мазыр* арганічна ўбудуваецца ў макратэкст “малой Радзімы”, дзе па сутнасці сінанімізуецца з самой Беларуссю, аб чым неаднаразова пісаў В. В. Шур [4; 8].

Вывады. Такім чынам, вызначэнне механізмаў пераўтварэння айконіма *Мазыр* у адпаведны айданімічны канцэпт дазваляе канкрэтызаваць уяўленні аб адным з аксіялагічна значных фрагментаў рэчаіснасці, якія складаюць карціну свету рэгіянальнай моўнай асобы. Мазырская-Прыпяцкае Палессе і Мазыр як яго цэнтр у гэтым плане ўяўляе сабой адзін з унікальных

рэгіёнаў, які адлюстроўвае элементы духоўна-культурнага і сацыюмнага этнавопыту (у тым ліку старажытныя, архаічныя), афарбаванага ў спецыфічны для дадзенага рэгіёна каларыт (“паляшукі”). Прыведзеныя назіранні – гэта толькі невялікая частка таго, як “упісваецца” айконім Мазыр у карціну свету мазыран і становіцца брэндам, вядомым далёка за межамі нашага горада.

Артыкул падрыхтаваны ў межах ДПНД “Грамадства і гуманітарная бяспека” на 2021–2025 гг. пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь па дагаворы № 1410/2021 ад 22.03.2021.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Токарев, Г. В. Проблемы изучения симболярия региональной идентичности: лингвокультурологический аспект / Г. В. Токарев. – Тула : Тул. производст. полиграф. объединение, 2023. – 167 с.
2. Щербак, А. С. Ономастический концепт как единица знания / А. С. Щербак // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Н. Н. Болдырев. – М. ; Тамбов, 2009. – С. 152–153.
3. Барсук, А. Я. Да пытання аб старажытнай спадчыне Мазыра / А. Я. Барсук // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 1. – С. 37–42.
4. Шур, В. Анамастыкон Мазыра ў часе і прасторы / В. Шур // Маладосць. – 2015. – № 9 (742). – С. 139–153.
5. Левашов, Е. А. Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий : словарь-справочник / Е. А. Левашов. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2003. – 532 с.
6. Генералова, Е. В. О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы «московский») / Е. В. Генералова // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 157–171.
7. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998. – 176 с.
8. Шур, В. Малая і вялікая радзіма ў анамастыконе пісьменнікаў / В. Шур, В. Слівец. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2019. – 171 с.

Паступіў у рэдакцыю 21.11.2025

НОМИНАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ ЭРГОНИМОВ (на примере наименований магазинов г. Ливерпуль)

Е. В. Ковалёва,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков и МПИЯ
Мозырского государственного педагогического университета
имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

О. Г. Соколовская,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ
Мозырского государственного педагогического университета
имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: olgasokolovskaya2023@mail.ru

Имена собственные отражают культурные и исторические изменения в социуме. Эргонимы возникают в связи с развитием общества и появлением новых объектов коммерческой номинации. Среди наименований городского ландшафта эргонимов города Ливерпуль выявлены отапеллятивные, отонимные и смешанные названия. Эргонимы указывают на исторические характеристики объекта, содержат имена владельцев или основателей; их мотивационные основы указывают на сферу деятельности, на ассортимент товаров и его свойства. Данные ономастические единицы отражают картину мира носителей языка.

Ключевые слова: имя собственное, эргоним, номинация, топооснова, апеллятив, антропоним.

NOMINATIVE FEATURES OF ENGLISH ERGONYMS (based on Liverpool clothes' shop names)

A. V. Kavaliova, O. G. Sokolovskaya

Proper names reflect cultural and historical changes in society. Ergonyms appear in the society as the result of social development and new commercial

objects. The names of the urban landscape of Liverpool have appellative, onymic, and both appellative and onymic origin. Ergonyms point at historical characteristics of an object, the names of owners or founders; their motivational bases include the sphere of activity, the range of goods and their properties. These onomastic units reflect the worldview of native speakers.

Keywords: proper name, ergonym, nomination, toponymic stem, appellative, anthroponym.

Введение. Имена собственные определенного региона составляют его ономастикон, в ядро которого входят ойконимы и антропонимы, которые относятся к устойчивому пласту лексики языка. В процессе своего функционирования они могут исчезать в связи с административно-территориальным делением, видоизменять свою форму, переходить от именованного одного объекта к именованию другого объекта под влиянием экстралингвистических факторов (культурных явлений, исторических событий) и внутриязыковых изменений. В процессе развития общества появляются новые ономастические классы, находящиеся на периферии ономастического пространства. К ним относятся эргонимы – названия «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1, с. 151]. Такие онимы семантически прозрачны, мотивированы; у них прослеживается связь между объектом и апеллятивом (или онимом), от которого образован эргоним. Цель номинатора – привлечь внимание к объекту, что обуславливает выбор основы для объекта. Имеют значение также существующие номинативные традиции и новые тенденции в ономастической номинации определенного этноса. Эргонимам присущи те же функции, что и другим классам онимов: идентификационно-дифференцирующая, номинативная, денотативная, сигнификативная, а в силу своей специфики и информационная, рекламная, мемориальная, агитационная функции.

В соответствии с классификацией И. В. Крюковой выделяются имена, образованные от слов естественного языка (онимов или апеллятивов); имена, обозначающие объект через содержание другого слова; имена, обладающие общим семантическим компонентом по сходству или по смежности между свойствами обозначаемого объекта; имена, обозначающие существенные признаки денотата, дающие прямое указание на его свойства или характер деятельности; имена, состоящие из апеллятивных элементов [2]. Исследование номинативных характеристик апеллятивов новых ономастических

классов, а именно определенной тематической группы обуславливает актуальность исследования.

Данные ономастические единицы частично исследовались в работах М. В. Горбаневского, Ю. А. Карпенко, И. В. Крюковой, А. М. Мезенко, А. В. Суперанской, В. И. Супруна, Е. В. Тихоненко и др.

Цель и задачи. Цель работы – определение семантических характеристик названий коммерческих объектов Ливерпуля.

Поставленной целью определяются следующие задачи:

- 1) выявить названия объектов коммерческой номинации данных регионов;
- 2) определить частотные мотивационные основы эргонимов;
- 3) классифицировать данные наименования по их мотивационным типам.

Методы исследования. В качестве методов исследования были использованы описательно-классификационный и аналитический методы, предполагающие анализ полученных результатов. Для установления наиболее типичных семантических типов привлечен статистический подсчет.

Материалом исследования послужили названия магазинов г. Ливерпуль [3].

Результаты исследования и их обсуждение. Исследуемые названия объектов торговли представляют собой преимущественно антропонимные наименования. Такие единицы составляют около 40 % от зафиксированных эргонимов города Ливерпуля. Оним *Debenhams* происходит от антропонима *William Debenham*, который стал партнером в бизнесе в 1813 году. Первоначально эргоним обозначал магазин тканей под названием *Clark's*, а после присоединения активов Уильяма Дебенхама наименование изменилось на *Clark & Debenham*. Оним *Tesco* представляет слияние имени и фамилии владельца: от сочетания антропонима *T. E. Stockwell* и фамилии основателя компании, *Jack Cohen*. При создании эргонима Джек Коэн соединил первые буквы имени поставщика (*TES*) и первые две буквы своей фамилии (*CO*) – *Tesco*. Наименование *Sainsbury's* происходит от антропонима *John James Sainsbury*. Фамилия *Sainsbury*, – возможно, от виконима *Saintbury* в Глостершире. Эргоним *Morrisons* мотивирован антропонимом *William Morrison*, основателем компании. История компании начинается с 1899 года, когда Уильям Моррисон работал в небольшом магазине в Брэдфорде. Наименование *Waitrose* происходит от сочетания антропонимов *Wallace Waite* и *Arthur Rose*. Эргоним *Dr. Martens* (магазин обуви) содержит в своем назва-

нии антропоним – фамилию *Martens*, основателя компании. Наименование *H&M* происходит от сложения начальных букв двух эргонимов: *Hennes* и *Mauritz*, которые первоначально являлись антропонимами. Данная компания была основана в 1947 году Эрлингом Перссоном, называлась *Hennes* и специализировалась на продаже женской одежды. Слияние с магазином охотничьей одежды *Mauritz Widforss* привело к добавлению мужской одежды в ассортимент и изменению названия на *Hennes & Mauritz*, сокращенно *H&M*. Наименование *M&S* происходит от антропонимов *Michael Marks* и *Thomas Spencer*, основателей компании, название которой образовано путем слияния магазинов Майкла Маркса и Томаса Спенсера.

Названия следующих магазинов женской одежды мотивированы именем и фамилией владельца или основателя: эргоним *Jacques Vert* соотносится с антропонимом *Jacques Vert*, название *Karen Millen* – *Karen Millen*, оним *Olivia April* – *Olivia April* и др.

Оним *Liverpool ONE* мотивирован астионимом *Liverpool* и лексемой *one*, подчеркивающей уникальность и первенство; наименование *Fred Perry Liverpool* (магазин мужской одежды) также происходит от астионима *Liverpool* и антропонима *Fred Perry*; эргоним *VANS Store Liverpool* включает в себя имя собственное *Vans*, номенклатурный термин *store* ‘магазин’ и топоним Ливерпуль.

Отапеллятивные наименования составляют около 30 % от зафиксированных единиц. Название *Pyramids Shopping Centre* происходит от апеллятива *pyramid* ‘пирамида’, указывающего на архитектурный стиль здания, напоминающего пирамиды. Эргоним *River Island* соотносится с лексемами *river* ‘река’, *island* ‘остров’. Название *Metquarter* представляет собой сочетание апеллятива *Metropolitan*, указывающего на центральное расположение и значимость комплекса в городской среде, и лексемы *quarter* ‘квартал’, подчеркивает важность и интеграцию торгового объекта в городскую инфраструктуру. Эргоним *The Front Room* соотносится с лексемами *front* ‘первый, передний’, *room* ‘комната’, таким образом возникают ассоциации с комнатой для приема гостей или для отдыха, т. е. для приятного проведения времени.

Наименование *By invitationly* образовано путем слияния двух лексем, а именно *invitation* ‘приглашение’ и *only* ‘только’, что предполагает эксклюзивный подход к каждому клиенту, так как вход в магазин только по приглашению. Эргоним *Xquisite Boutique* мотивирован апеллятивом *exquisite* ‘экслюзивный’, что ассоциируется с особенными или единичными

предметами одежды, причем эксклюзивность магазину придает и графическое оформление названия, где имеет место замена части слова на созвучную букву. Наименование *Size?* мотивировано лексемой *size* ‘размер’ и вопросительным знаком, что в совокупности представляет собой, с одной стороны, наиболее часто задаваемый вопрос в объектах торговли, а с другой, подразумевает широкий размерный ряд предлагаемых товаров.

Название магазина для новобрачных *I do with love* является словосочетанием, выражающим отношение к делу в целом, к товарам и предоставляемым услугам, и предполагает эксклюзивное отношение к каждому клиенту. Оним *VIP me UK* предоставляет не только товары для организации праздничных мероприятий, но и соответствующие услуги. В состав названия входит лексема *vip* (*very important person*) ‘очень важный человек’, компонент *UK* указывает на деятельность организации по всей стране.

Эргоним *Shoes Zone* (магазин обуви) мотивирован апеллятивами *shoes* ‘обувь’ и *zone* ‘зона, пространство’. Наименование *Resurrection* (магазин верхней одежды) соотносится с лексемой ‘восстановление’, что ассоциируется с перезагрузкой, получением приятных эмоций от покупки. Наименование магазина женской одежды *The Dressing Room* происходит от лексемы *dressing room* ‘гардеробная, примерочная’ и вызывает ассоциацию с комфортными условиями для примерки понравившихся предметов одежды. Название магазина нижнего белья *Bravissimo* указывает на итальянскую лексему *bravissimo* со значением ‘очень хороший, великолепный’ и свидетельствует об итальянском дизайне и качестве. Эргоним *Rainbows Fancy Dress* (одежда для маскарада) мотивирован словосочетанием *fancy dress* ‘маскарадный костюм’ и лексемой *rainbow* ‘радуга’, что соотносится с яркими эмоциями и праздничным настроением.

Название *Lush* происходит от апеллятива *lush* ‘сочный’, ‘роскошный’, отражающего свежесть и натуральность косметических продуктов, которые производит компания. Эргоним *Storm* (магазин женской одежды) соотносится с лексемой *storm* ‘шторм’. Наименование *Flannels* мотивировано апеллятивом *flannel*, который обозначает мягкую, слегка ворсистую ткань, обычно изготовленную из шерсти или хлопка. Название было выбрано для характеристики качества и стиля одежды, продаваемой в магазинах *Flannels*. Эргоним *Asda* образован путем сокращения и объединения первых букв слов *Associated* и *Dairies*. Компания была основана в 1949 году с названием *Associated Dairies & Farm Stores Ltd*. На целевую аудиторию указывает название *Yours Clothing* (магазин женской одежды), образованное от лексем

yours ‘твой’, *clothing* ‘одежда’. Оним *Sports Direct* (магазин спортивной одежды) содержит компонент *sport*, указывающий на ассортимент. Наименование *Union 22* (дизайнерская одежда) включает в себя нумеративный компонент 22 и апеллятив *union* ‘союз’.

Около четверти исследуемых онимов представляют собой смешанные конструкции, содержащие оним, номенклатурный термин или апеллятив. Эргоним *Clayton Square Shopping Centre* мотивирован топонимом *Clayton* и номенклатурным термином *square* ‘площадь’ и апеллятивом *shopping centre* ‘торговый центр’. Площадь *Clayton Square* получила свое название от антропонима *Clayton*. Наименование *Wardrobe Liverpool* (онлайн-бутик одежды) содержит в названии лексему *wardrobe* ‘гардероб, шкаф для одежды’, которая определяет торговое направление магазина и указывает на его расположение (*Liverpool*). Наименование *Cavern Walks Shopping Centre* происходит от апеллятивов *shopping*, *centre*, эргонима *Cavern Club*, расположенного на *Mathew Street* в Ливерпуле. Данный эргоним *Cavern Club* известен как место, где начинали свою карьеру *The Beatles*. Наименование *St. Johns Shopping Centre* (торговый центр) происходит от эргонима *St. John's Market*. Этот рынок играл важную роль в торговой жизни Ливерпуля; компонент *St. John* указывает на экклезионим *St. John*, который находится поблизости. Наименование *Harvey Nichols Beauty Bazaar* мотивировано апеллятивами *beauty* ‘красота’, *bazaar* ‘базар’, антропонимом *Harvey Nichols*. Компания была основана Бенджамином Харви, компонент *Nichols* добавился позже. Апеллятивная составляющая указывает на ассортимент магазина (товары для красоты и ухода). Наименование магазина *Moss Bros.* берет начало с открытия небольшой лавки в 1851 году и включает в себя фамилию основателя Моисея Мосса *Moss*. Предприниматель передал компанию своим сыновьям, что отражено в лексеме *bros* ‘братья’. Молодые люди успешно продолжили дело отца, в результате чего сформировался современный бренд *Moss Bros.* Наименование *John Lewis & Partners* происходит от антропонима *John Lewis*, основателя компании. Известно, что Джон Льюис открыл свой первый магазин в Лондоне в 1864 году, а компонент *Partners* подчеркивает партнерскую структуру компании, в которой сотрудники являются ее совладельцами. В рамках компании *Tesco* зафиксирован эргоним *F&F Clothing* (магазин одежды), образованный от начальных букв антропонимов *Florence* и *Fred* и включающий номенклатурный термин *clothing* ‘одежда’. Наименование магазина детской одежды *Lisa's Kids Boutique* содержит в названии имя собственное *Lisa*, лексему *kid* ‘ребенок’, указывающую на це-

левую аудиторию, и номенклатурный термин *boutique* ‘модный магазин’. Данный номенклатурный термин является частотным в эргонимии Ливерпуля: эргоним *The Little Boutique* (магазин женской одежды) соотносится с апеллятивами *little* ‘маленький’ и данным номенклатурным термином *boutique* ‘модный магазин’; наименование *Desire Ladies Boutique* (магазин женской одежды) происходит от лексем *desire* ‘желание’, *ladies* ‘женщин’ и *boutique* ‘модный магазин’.

Топонимный компонент выявляется и в составе названий магазинов, реализующих товары для новобрачных. Наименование *Liverpool Bridal Boutique* содержит топоним *Liverpool*, указывающий на локализацию объекта, лексема *bridal* ‘свадебный’ определяет целевую аудиторию, субстантивный компонент *boutique* ‘небольшой дорогой магазин’ свидетельствует об эксклюзивности, которая ассоциируется с хорошим качеством товара. Эргоним *Natalie Ann Brides* мотивирован лексемой *bride* ‘невеста’ в сочетании с именем собственным *Natalie Ann*. Название *Bridesmaids of Liverpool* происходит от апеллятива *bridesmaid* ‘подружка невесты’, что указывает на деятельность магазина. В названии *Beautiful Brides Liverpool* выделяется компонент *beautiful* ‘красивый’, который привлекает внимание, так как каждая невеста хочет выглядеть хорошо в такой важный день.

Некоторые названия объектов торговли изначально представляли собой ателье или мастерские по ремонту одежды. Таким примером является эргоним *Slater Menswear Liverpool*, в состав которого входит фамилия основателя *Slater*, лексема *menswear* ‘мужская одежда’, указывающая на целевую аудиторию, и топоним *Liverpool*. Наименование *The Zipyard* (ателье по ремонту одежды) образовано в результате слияния апеллятивов *zip* ‘молния’ и *yard* ‘двор, площадка’. Ателье использует в названии элемент для ремонта одежды, что вызывает соответствующие ассоциации с его деятельностью.

Выводы. Таким образом, наименования объектов городского ландшафта города Ливерпуль являются отантропонимными названиями (*Harvey Nichols*), которые включают в себя имя владельца, собственника торгового объекта (*M&S, Waitrose*) или соотносятся с именами собственными, типичными для данного региона (*John Lewis & Partners*). Отличительной характеристикой эргонимии региона являются многокомпонентные наименования, состоящие из номенклатурного компонента, имени собственного и апеллятива, указывающего на характеристики объекта, качество услуг (*St. John's Market, Harvey Nichols Beauty Bazaar*). Отаппеллятивные названия

коммерческой номинации города Ливерпуля являются мотивированными ономастическими единицами (*The Little Boutique, Flannels*). Эргонимическое пространство исследуемого региона отражает картину мира носителей языка, включает фоновые знания, необходимые для понимания лингвокультурных реалий.

Список использованных источников

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 199 с.
2. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Крюкова Ирина Васильевна ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 40 с.
3. Visit Liverpool [Electronic resource]. – [Liverpool], 2025. – URL: <https://www.visitliverpool.com> (date of access: 15.03.2025).

Поступила в редакцию 17.11.2025

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ КОМПОЗИТЫ В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

И. О. Ковалевич,

кандидат филологических наук, доцент, первый проректор

Мозырского государственного педагогического

университета имени И. П. Шамякина,

г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

Статья посвящена выявлению особенностей окказионального сложения как характеристики идиостиля С. Есенина. Выделены структурные и семантические типы окказиональных композитов с учетом их частеречной отнесённости. Установлены факты образования сложных дериватов по генерализованным словообразовательным типам и окказиональным моделям. Исследован поэтический потенциал окказионализмов данного типа, выявлены их тропеические свойства, а также способность взаимодействовать с иными тропами в рамках развернутых тропеических структур.

Ключевые слова: композит, окказионализм, билексема, основосложение, троп, образность.

OCCASIONAL COMPOUNDS IN S. YESENIN'S POETRY

I. O. Kovalevich

The article is devoted to identifying the features of occasional composition as a characteristic of S. Yesenin's idiostyle. Structural and semantic types of occasional compounds are identified taking into account their part-of-speech attribution. The facts of formation of complex derivatives according to generalized word-formation types and occasional models are established. The poetic potential of occasionalisms of this type is studied, their trope properties are revealed, as well as the ability to interact with other tropes within the framework of expanded trope structures.

Keywords: compound, occasionalism, bilexeme, composition, trope, imagery.

Введение. Поэтический текст представляет собой особое коммуникативное пространство, в котором воплощается воображаемый мир и эстетически отражается реальный. В силу ярко выраженной эстетической функции поэтический текст характеризуется рядом особенностей, среди которых широкое использование различных средств образности. Кроме того, эстетика поэзии находит проявление в осознанном нарушении норм литературного языка [1, с. 5], одним из проявлений которого является окказиональное словотворчество. Поэтические окказионализмы используются в качестве средств образности и экспрессии наряду с иными тропами.

Поэтический окказионализм, являясь продуктом сложнейшего творческого процесса, проявляет индивидуальность поэта и выступает в качестве одного из элементов характеристики его идиостиля. Склонностью к экспериментированию с формой и содержанием словесных знаков отличаются многие поэты, среди которых Н. Асеев, Б. Ахмадулина, А. Ахматова, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, С. Есенин, С. Кирсанов, О. Мандельштам, Л. Мартынов, В. Маяковский, И. Северянин, В. Хлебников, М. Цветаева и т. д.

Исследованию поэтических окказионализмов посвящено большое количество научных трудов (О. И. Александрова, Н. Г. Бабенко, М. А. Бакина, А. И. Басова, Е. Н. Коршак, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Д. Б. Масленников, Н. Г. Пригодич, О. И. Ревуцкий, Н. В. Титова, Н. И. Фельдман, Н. В. Чернобровкина и др.). При этом учёные принимают во внимание, что процесс словотворчества в большой степени обусловлен факторами индивидуально-личностного характера, в связи с чем у каждого автора обнаруживаются свои предпочтения в выборе тех или иных приёмов словотворчества [2, с. 101]. Это объясняет широкое исследование в данном аспекте идиостилей отдельных авторов: В. Маяковского (А. Ю. Астафьев, Г. О. Винокур, Т. Б. Воробьёва, Э. И. Ханпира), В. Хлебникова (В. П. Григорьев, Н. Н. Перцова), Н. Асеева (И. Л. Загрузная), В. Высоцкого (Ю. И. Жабаяева), А. Вознесенского (В. И. Калашников), С. Кирсанова (К. Ю. Голобородько), Е. Евтушенко (С. Д. Купрадзе, Н. Ю. Санникова) и др.

Особый интерес для исследователей представляет поэзия С. Есенина, а именно: ее философско-мировоззренческий, историко-культурный и духовный аспекты (О. Е. Воронова, Н. В. Михаленко, Н. С. Поварницына С. А. Щербаков), жанровые формы (М. А. Петрова), ономастический компонент (Е. В. Бунеева) и др. При этом следует отметить, что окказиональное словотворчество также является важной составляющей

идиостиля С. Есенина. Поэт широко использует возможности русского языка, образуя очень яркие окказионализмы и мастерски вплетая их в текст своих произведений. Данные новообразования вступают во взаимодействие с другим тропами, способствуя тем самым созданию сложных художественных образов.

Цель и задачи. Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей образования и функционирования окказиональных композитов в поэтических произведениях С. Есенина. Поставленной целью определены следующие задачи: выделить структурно-семантические типы окказиональных композитов; выявить тропеические свойства данных новообразований; исследовать окказиональные композиты как средства текстообразования.

Методы исследования. Использовались следующие методы: словообразовательный анализ, семантический анализ, дискурсивный анализ, сравнительно-сопоставительный метод.

Материалом для исследования послужили окказиональные композиты, отобранные методом сплошной выборки из поэзии С. Есенина. Картотека фактического материала включает 69 единиц.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе проведенного исследования была выделена группа окказиональных композитов, образованных как результат сочетания двух самостоятельных слов на основе сочинительной связи (28 единиц). Некоторые лингвисты называют данные единицы билексемами [3, с. 30]. Подобные новообразования характеризуются ярко выраженной метафоричностью, поскольку представляют собой свернутые сравнительные конструкции.

В качестве наиболее продуктивной модели чистого словосложения выступает сочетание двух субстантивных компонентов, второй из которых характеризует объект (человека, животное, неживой предмет, абстрактное понятие) по его внешним свойствам, поведенческим реакциям, функциональным характеристикам, звуковым ассоциациям и др. Так, например, по скорости движения санки уподобляются самолету (*Светит в темень позолотой / Размалевана дуга. / Ой вы, санки-самолеты, / Пуховитые снега!..*), по цвету глаза соотносятся с углем (*Подыми-ка глаза-уголья / На рязанскую сторонушку...*), на основе звуковых ассоциаций наблюдается отождествление ветра и певца (*Ветер-певун с завываньем кликуш / Мчится в лесную дремучую глушь...*), а по резвости и буйству в поведении девица уподобляется вьюге (*Нацедили мы вин красносоких / Из грудей из твоих из высоких. / Как пьяна с них твоя супруга, / Белокося*

девица-вьюга!..). При этом вьюга может ассоциироваться ещё и с потусторонними силами, а девица, таким образом, наделяется магическими способностями, на что указывают следующие строки из стихотворения С. Есенина «Колдунья»: *Серьгами змеи под космы привешены, / Кружится с вьюгою страшно и бешено. / Пляшет колдунья под звон сосняка. С черною дрожью плывут облака.* Следует отметить, что основу образования так называемых билексемных дериватов составляют по большей части сугубо индивидуальные ассоциации поэта: *Под соломой-ризой / Выступил стропил, / Ветер плесень сизую / Солнцем окропил...; Овсом мы кормим бурю, / Молитвой поим дол, / И пашню голубую / Нам пашет разум-вол...; Хорошо в эту лунную осень / Бродить по траве одному / И собирать на дороге колосья / В обнищалую душу-суму...* и др. В первом случае мы наблюдаем создание сложного художественного образа, в котором серая и заплесневелая солома, залитая лучами солнца, подобно ризе священника, покрывает стропила крыши старого деревенского дома. Два других текстовых фрагмента содержат описание таких аспектов человеческого бытия, как разум и душа: разум человека, подобно волу, трудится изо всех сил, чтобы обеспечить его благополучие, а человеческая душа, подобно мешку, способна как вместить в себя всё ценное, так и растерять, на что указывает эпитет *обнищальный*. Другие примеры подобных окказиональных лексем с характеризующим первым компонентом: *колосья-кони, гусли-самозвоны, звёзды-ласточки, лужга-заманница, кашель-сморд* и др.

Билексемные окказионализмы могут выступать в качестве средства множественной характеристики одного и того же объекта: *На бугре берёзка-свечка / В лунных перьях серебра...; Под берёзкою-невестой, / За сухим посошником, / Утирается берестой, / Словно мягким рушником...; Не берёзки-белолицушки / Из-под гоноби подрублены...* В последних двух фрагментах мы наблюдаем олицетворение берёзы – её уподобление белолицой девушке и невесте на основе цветовых ассоциаций.

Несколько реже в структуре билексемных новообразований в качестве средства характеристики используется первый компонент: *Свищет сокол-ветер, бредит тихим Доном...; Разыгралась тройка-вьюга, / Брызжет пот, холодный, терпкий, / И плакучая лещуга / Лезет к ветру на закорки...; Я всего лишь есть / Слуга верный твой. / Я привёз к тебе / бунтаря-дьяка...; Не оборонит вечер / Красного ведра; / Могутные плечи – / Что гранит-гора...; Пригорюнились девушки-ели ...; Ходит странник по дорогам, / Где зовут его в беде, / И с земли гуторит с богом / В белой туче-бороде...; Перед*

*воротами в рай / Я стучусь: / Звёздами спеленаяй / Телицу-Русь...; Задрожали губы Трубежа, / Встрепенулись очи-голуби, / И укромы крутоборые / Посолонью зачаведели... и др. Мы наблюдаем, как в последнем примере сложный окказионализм, содержащий в своей структуре соматизм *очи*, участвует в создании развернутой метафорической конструкции, олицетворяющей Трубеж, реку в Ярославской области. Река как бы «кричит» колокольным звоном, и с высоты птичьего полета наблюдает за пожарами.*

Посредством чистого сложения с сочинительным отношением основ образованы следующие окказиональные адъективы: *Ни друга, ни думы о бабьих губах / Не зреет в её тихомудрых словах, / Но есть в ней, как вера, живая мечта...; Как по мостику, кудряв и желторус, / Бродит отрок, сын Иосифа, Исус...; Крутозыбы волны белые, / Далеко их видно по лугу... (усечение основы прилагательного *зыбкий*); Уведу тебя под склоны / В шелкопряные поля...; Плач несознательный досаден, / Не славят музы голос бед. / Из меднолающих громадин / Салют последний даден, даден, / Того, кто жил – уж больше нет.* Мы можем наблюдать сочетание качественных характеристик, соотносимых с разными понятийными категориями. Отчетливо это прослеживается на примере окказионализма *меднолающий*, первый компонент которого выражен основой отсубстантивного прилагательного и указывает на материал, из которого изготовлен описываемый объект, в то время как второй компонент, выраженный отглагольным адъективом, называет характеристику по действию. Посредством данного эпитета С. Есенин описывает огнестрельное оружие.

Зафиксированы два случая производства окказиональных композитов способом чистого сложения с подчинительным отношением основ. В качестве опорного компонента выступает основа субстантива, которая определяется основой имени числительного или имени прилагательного: *Поёт зима – аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка...; Молочный дым качает ветром села, / Но ветра нет, есть только лёгкий звон. / И дремлет Русь в тоске своей весёлой, / Вцепивши руки в жёлтый крутосклон.* Окказионализм *стозвон* выступает своего рода гиперболой, поскольку его первый компонент *сто* усиливает качество, выраженное опорной основой. В дальнейшем данный композит выступает в качестве мотивирующей основы для производства окказионального адъектива *стозвонный*: *Край любимый! Сердцу снятся / Скирды солнца в водах лонных. / Я хотел бы затеряться / В зеленях твоих стозвонных.* Посредством чистого основосложения создаются также следующие сложные адъективы:

*Ходит девушка по бережку грустна, / Ткёт ей саван **нежнопенная** волна...;*
*Облетает под ржанье бурь / Черепов **златохвойный** сад...*

Другая большая группа окказиональных композитов объединяет дериваты, образованных способом основосложения в сочетании с суффиксацией (32 единицы). 88 % новообразований данной группы представлены именами прилагательными с отсубстантивными опорными основами и выражают значение 'обладающий тем, что названо опорной основой и конкретизировано в первой основе'. В качестве продуктивной выступает модель образования сложных адъективов от именных словосочетаний посредством нулевого суффикса (ср. из языкового узуса: *синеглазый, длинноногий, светловолосый* и др.). Языковая норма предписывает производство подобных дериватов от субстантивных основ, обозначающих части тела живого существа [4, с. 304]. В качестве первого компонента такого композита может выступать качественное прилагательное, числительное, существительное, реже глагол.

В поэтических текстах С. Есенина широко представлены окказионализмы данного типа, в которых первая основа выражает значение цвета: *И от тех ли **серолобых** / Ваш могучий род...; Плакал, обливаясь... / Прилетал тут аист / **Белоперый**...; О чудотворец! / **Широкоскулый** и **красноротый**...; **Синегубый** Урал / Выставляет клыки, / Но кадят Соловки / В его синий оскал...; Сердце неласково к шуму, / Мыши скребут в уголке. / Думает грустную думу / О **белоногом** телке...; Как на празднике отчаянных гонок, / Тонкие ноги закидывая к голове, / Скачет **красногривый** жеребёнок...; **Зеленокосая**, / В юбчонке белой / Стоит берёза над прудом... и др.*

В качестве мотивирующих используются также основы качественных имён прилагательных иных семантических групп, основы относительных имён прилагательных и существительных: *По тучам иду, как по ниве, я, / Свесясь головою вниз. / Слышу плеск голубого ливня / И светил **тонноклювых** свист...; До Египта раскорячу ноги, / Раскую с вас подковы мук... / В оба полюса **снежнорогие** / Вопьюся клещами рук...; Под плугом бури / Ревет земля. / Рушит скалы **златоклыкий** / Омеж...; О новый, новый, новый, / Прорезавший тучи день! (новая эпоха) / Отроком **солнцеголовым** / Сядь ты ко мне под плетень.*

Окказионализмы данного структурного типа широко используются в качестве средства олицетворения неживых объектов. Ср.: *зеленокоса берёза, златоклыкий омеж, снежнорогие полюса, синегубый Урал, тонноклювые светила.* Подобные сочетания могут выступать элементами

развёрнутых метафорических конструкций: *Облаки лают, / Ревёт златозубая высь... / Пою и взываю: / Господи, отелись!..* В данном фрагменте, посвящённом описанию грозы, мы видим уподобление облаков своре лающих собак, а небо, словно хищник, разверзается, оголяя сверкающие зубы. Компоненты *лаять, реветь, злато, зубы* вызывают необходимые звуковые и зрительные ассоциации.

Также зафиксированы случаи расширения производящей базы данного словообразовательного типа за счёт включения субстантивов иных семантических категорий: *Нацедили мы вин **красносоких** / Из грудей из твоих из высоких...; Задрожали губы Трубежа, / Встрепенулись очиголуби, И укромы **крутоборые** / Посолонью зачаведели.* Так, например, окказионализм *крутоборый* соотносится с похожим по структуре узуальным адъективом *крутобокий* и наряду с такими соматизмами, как *губы* и *очи* дополняет картину олицетворения реки.

В качестве словообразовательного форманта для производства сложных прилагательных с опорной субстантивной основой может также использоваться суффикс *-н-*. При этом первая основа характеризуется адъективной либо субстантивной отнесённостью: *Там синь и полымя воздушней / И легкодымней пелена...; В мой потайный час / Он придёт бродягой подзаборным, / Нерушимый Спас. / Но, быть может, в синих ключьях дыма / **Тайноводных** рек / Я пройду его с улыбкой пьяной мимо...; Снова в рощах непасеных / Неизбывные стада, / И струится с гор зелёных / **Златоструйная** вода...; И шепчут про кусты / Непроходимых роц, / Где пляшет, сняв порты, / **Златоколенный** дождь...; И не отдам я эти цепи, / И не расстанусь с долгим сном, / Когда звенят родные степи / **Молитвословным** ковылем...; И от вечера до ночи, / Незакатный славя край, / Будет звездами пророчить / **Среброзрачный** урожай...; И в провал, отененный бездною, / Чтобы мир весь слышал тот треск, / Я главу свою **власозвездную** / Просуну, как солнечный блеск...; Там, за млечными холмами, / Среди небесных тополей, / Опрокинулся над нами / **Среброструйный** Водолей...*

Выявлен единичный случай употребления форманта *-ов-*: *Серебристая дорога, / Ты зовёшь меня куда? / Свечкой **чисточетверговой** Над тобой горит звезда...*

Сложные адъективы с опорной глагольной основой значительно уступают в количественном отношении адъективным окказионализмам, рассмотренным выше: *У побережья зелёного, / Наклонив головки нежные, /*

Перешёптывались лилии / С ручейками тихозвонными...; Этот пыл не называй судьбою, / Легкодумна вспльчивая связь...; Колокольчик среброзвонный, / Ты поёшь? Иль сердцу снится?...; Ой, удал и многосказен / Лад весёлый на пыжну...

Зафиксированы также единичные примеры образования сложных субстантивов, в числе которых дериват с опорной субстантивной основой, усложненный суффиксом *-j-* (*Высоко стоит злотравье, / Спорынья кадит туман...*), и дериваты с опорными глагольными основами, усложнённые нулевой суффиксацией (*Мне нравится запах травы, холодом подождённой, / И сентябрьского листолёта протяжный свист...; Не обольщен я / Гимнами герою, / Не трепещу / кровопроводом жил...*).

Интерес представляет случай образования сложно-префиксально-суффиксального глагола на основе адъективно-субстантивного словосочетания: *И выползет из колоса, / Как рой, пшеничный злак, / Чтобы пчелиным голосом / Озлатонивить мрак*. Следует отметить, что образование сложных глаголов не является характерным для языкового узуса, что делает окказионализм *озлатонивить* уникальным по структуре в силу отсутствия аналога. Данный окказионализм тесно вплетается в структуру стихотворения. Основа структурного компонента *нива* семантически соотносится с элементами стихотворного текста *колос* и *злак*, а основа компонента *злато* входит в единый ассоциативный ряд с адъективом *пшеничный*. Посредством такого сложного образа автор говорит о поэтическом слове, предназначение которого в том, чтобы нести просвещение в массы.

Выводы. Таким образом, окказиональные композиты широко представлены в поэзии С. Есенина. Анализ данных новообразований позволяет выявить некоторые особенности идиостиля поэта. Субстантивные композиты в своем большинстве представлены так называемыми билексемными дериватами, в которых один элемент называет объект, а другой – выступает в качестве средства характеристики (ср.: *разум-вол, девушки-ели* и др.). Данные окказионализмы функционируют в качестве метафор, поскольку представляют собой свёрнутые сравнительные конструкции (ср.: *берёзка-невеста – берёзка, словно невеста*). Кроме того, они обеспечивают необходимый параллелизм. Адъективные композиты представлены, главным образом, дериватами с опорными субстантивными основами, усложненными суффиксацией. Выявлены случаи генерализации, т. е. расширения производящей базы отдельных словообразовательных типов за счёт включения лексических основ, по семантике соотносимых с другими

понятийными категориями (ср. *крутоборые укромы* и др.). Отдельные словообразовательные типы для производства окказиональных композитов иной частеречной отнесённости представлены единичными примерами, в числе которых выделены уникальные, или окказиональные модели (ср.: *озлатонивить мрак*). Сложные окказионализмы в силу своей поэтической образности и экспрессии тесно вплетены в структуру стихотворного текста и совместно с другими тропами создают сложные художественные образы.

Список использованных источников

1. Структура и функционирование поэтического текста : Очерки лингвист. поэтики / В. Г. Садур, А. Н. Кожин, С. Ю. Медведева [и др.] ; отв. ред. А. Н. Кожин. – М. : Наука, 1985. – 223 с.
2. Ковалевич, И. О. Русское окказиональное словопроизводство в речи детей и взрослых (сравнительно-сопоставительный аспект) / И. О. Ковалевич, О. И. Ревуцкий. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. – 182 с.
3. Хашимов, Р. И. Билексема как особая единица языка / Р. И. Хашимов // Вопросы филологии. – 2008. – № 4. – С. 30–38.
4. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.

Поступила в редакцию 26.11.2025

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Л. Н. Мазуркевич,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета
имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: lmazurkevich@yandex.by

Обращение – часть языковой структуры, коммуникативный инструмент, направленный на улучшение эффективности текста, и средство воздействия на читателя. В статье рассматриваются функции обращений в текстах сатирических повестей М. А. Булгакова с учетом адресата и контекста. С применением методов описания и контекстного анализа изучены особенности использования данных синтаксических единиц и специфика их употребления автором. Делается акцент на том, что обращения могут выполнять сразу несколько функций, что зависит от конкретной речевой ситуации и участников коммуникативного акта. Автор повестей посредством обращения создаёт дополнительный эффект воздействия на читателя, что делает художественный текст более живым и выразительным.

Ключевые слова: художественный текст, обращение, идиостиль, коммуникативно-прагматические функции.

FUNCTIONAL FEATURES OF ADDRESSES IN A LITERARY TEXT

L. N. Mazurkevich

An address is a component of linguistic structure, a communicative tool aimed at improving the effectiveness of a text, and a means of influencing the reader. This article examines the functions of addresses in M. A. Bulgakov's satirical stories, taking into account the addressee and context. Using description and contextual analysis methods, the author examines the specific use of these

syntactic units and their usage. Emphasis is placed on the fact that addresses can perform multiple functions, depending on the specific speech situation and the participants in the communicative act. The author uses addresses to create an additional impact on the reader, making the literary text more lively and expressive.

Keywords: literary text, address, idiosyncrasy, communicative-pragmatic functions.

Введение. Обращения, используемые в художественных текстах, по своим структурно-семантическим особенностям могут быть абсолютно разнообразными, однако они прежде всего ориентированы на то, чтобы сосредоточить внимание на цели сообщения, адресовать приказ, просьбу, пожелание, передать информацию, выразить вопрос, предложение, совет и т. д., реализуя при этом определенные коммуникативно-прагматические функции. Анализ специфики функционирования обращений в сатирических повестях М. А. Булгакова позволяет говорить о том, что идиостилю писателя присуще как употребление достаточно характерных обращений, выступающих в структуре предложений сатирических повестей одним из инструментов организации речи, так и стилевая дифференциация лексики в роли обращения. Так, в рассматриваемых текстах фиксируются и стилистически нейтральные слова (*милый, родной, соблазнитель, друг, отец* и др.), и разговорные, используемые в бытовой, обиходной речи (*мерзавец, родимый, дурашка, дурак* и т. д.), и просторечные лексические единицы (*баба, папаша, сволочь, болван, браток* и др.).

Цель и задачи. Основная цель работы – проанализировать функциональные особенности и специфику использования М. А. Булгаковым обращений в контексте сатирических повестей. Поставленной целью определяются следующие задачи: охарактеризовать коммуникативно-прагматические функции, реализуемые обращениями в текстах сатирических повестей, выявить индивидуальные авторские особенности в употреблении форм обращения в указанных художественных текстах.

Методы исследования. В качестве материала для исследования послужили контексты с обращениями, извлеченные методом свободной выборки из текстов сатирических повестей М. А. Булгакова «Собачье сердце», «Дьяволиада», «Роковые яйца», проанализированные с использованием методов контекстного анализа и описания. Для воплощения идейного замысла во всех трёх исследуемых повестях был избран

научно-фантастический сюжет, что в те годы было довольно новым явлением в русской литературе. Более того, это была фантастика, не оторванная от жизни, а выроставшая из реальности послереволюционных будней. В ней сочетался строгий реализм с фантазией учёного [1, с. 43].

Результаты исследования и их обсуждение. Обращение в тексте выполняет разные коммуникативно-эстетические функции для решения конкретных задач высказывания. При этом оно становится достаточно значимым элементом реализации иллокутивной цели высказывания, а его прагматический потенциал и функционально-прагматическая заданность обуславливается лексическими и синтаксическими особенностями, которые определяются и различными отношениями между адресантом и адресатом (родственные, личные, социальные, служебные, возрастные и т. д.), и ситуацией, в которой происходит общение, и целью его (привлечь внимание, продемонстрировать отношение к адресату, поддержать беседу и др.), и способом организации речевого контакта. Многофункциональность обращения традиционный синтаксический подход отражает не в полной мере, т. к. обращение самым непосредственным образом связано с коммуникативной функцией языка, обладая при этом прагматическим характером. Прагматический потенциал обращений реализуется непосредственно в тексте и зависит от его коммуникативной организованности его. Обращение в тексте одновременно выполняет несколько функций, т. е. реализуемые функции обычно накладываются одна на другую. Прежде всего оно называет адресата, осуществляя таким образом номинативную функцию вместе с этикетной. Как справедливо отмечает Л. В. Кожухова, если обращение вместе с этим выражает оценку адресата, даёт ему характеристику, то это проявление надстроенной над ней эмоционально-оценочной функции [2, с. 80]. Данную функцию квалификации адресата в русской лингвистике также определяют, как характеризующую по целому ряду параметров: возраст, профессия, род деятельности и т. д. [3].

В текстах сатирических повестей (преимущественно в составе диалогических реплик) фиксируется довольно частое употребление традиционных этикетных форм обращений, используемых для приветствий, либо с междометием *здравствуйте*, либо без него, с параллельным присоединением имен собственных, регулятивов, слов таких тематических групп, как 'профессия', 'должность' и др. Прослеживается совпадение непосредственно функции жанра и ведущих функций самого обращения (контактоустанавливающей и идентифицирующей). Следует отметить, что

употребление существительных *доктор, профессор* вне зависимости от типа речевого акта указывает на достаточно высокую социальную значимость представителей данной профессии/должности и самой профессии/должности соответственно. Употребление в роли обращения слов со значением 'профессия' демонстрирует читателю социальные функции человека в советском обществе: – *Что вы, профессор, смеётесь?* – возмущился Швондер [4, с. 267]; – *Доктор, передо мной – тупая безнадёжность, я, клянусь, потерялся* [4, с. 324].

Официальное общение регламентируется этикетной традицией. В таком случае этикетные реплики присутствуют особенно часто. Так, в повести «Собачье сердце» при обращении к профессору Преображенскому чаще всего используются такие, как *Филипп Филиппович* и *профессор*. Реже употребляются другие: *господин профессор, дорогой профессор, гражданин профессор, дорогой учитель, дорогой Филипп Филиппович, величина мирового значения, мой благодетель* и т. д. Традиционно считается, что если к обращению-существительному тематической группы 'профессия' (и не только) добавляется приложение *дорогой*, имеющее эмотивное определение, то оно несколько смягчает дистанцирование в процессе коммуникации. При обращении к профессору Персикову в повести «Роковые яйца» используются обращения *Владимир Инатвич, профессор Персиков, господин профессор, гражданин профессор, товарищ профессор, профессор, герр профессор, товарищ*. Герой повести «Дьяволиада» Коротков именуется при обращении к нему как *товарищ Коротков, товарищ, господин Коротков, Коротков, батюшка, кормилец, миленький*. Следует отметить, что слово *товарищ* используется либо в сочетании с другими словами, либо без них, соотносится с речевым этикетом, который формировался во время создания текстов, когда употреблялись и обращения досоветского периода *господин (господа)*. Этот момент мастерски обыгран М. А. Булгаковым в повести «Дьяволиада», где в одной диалогической реплике используются указанные вербальные этикетные знаки одновременно: – *Нет, – кассир замотал головой, – и завтра не будет, и послезавтра. Не налезайте, господа, а то вы мне, товарищи, стол опрокинете* [4, с. 146].

В роли обращения к равному себе персонаж одной из повестей М. А. Булгакова использует регулятив *брат*, а также его производные формы с семантическим оттенком «товарищ». В таком случае происходит актуализация значения общности интересов людей в процессе

межличностного контакта в определенный момент времени: *Здорово! Что же вы, братцы, в кого попало, стало быть* [4, с. 178]; – *Выручайте, братцы, – зазывали с тротуаров, – бейте гадов... спасайте Москву!* [4, с. 187]. В контексте данное обращение употребляется со значением фамильярности и снисходительности.

Неофициальное общение допускает наличие различных вариантов его реализации. Употребление слов *дяденька, дядя* в качестве обращения непосредственно указывает на иерархию в отношениях участников коммуникативного акта, демонстрируя тем самым степень уважения со стороны младшего по возрасту к взрослому человеку при выражении просьбы или вопроса: – *Отец, что, ночная на Волхонке открыта? Мы туда!* [4, с. 188]; – *Тебе, дяденька, лучше всего на самый верх, где бильярдные, – посоветовал мальчишка...* [4, с. 178]; – *Садись, дядя. Садись! – проревел он, – только не бей сироту!* [4, с. 178].

Использование имени и отчества при обращении – это речевая традиция, сложившаяся в русском языке и подчеркивающая возрастную статус участников акта коммуникации. Краткие же варианты личных имён не только демонстрируют неофициальный характер общения, но и одновременно передают эмоции, позволяющие проследить отношение говорящего к собеседнику: *Панкрат, впусти этого с тротуара!* [4, с. 208]; – *Маня. Ты слышишь?* [4, с. 228]; – *Нет, Манечка, пойдём* [4, с. 228]; – *Зина, – крикнул Филипп Филиппович, – подавай обед* [4, с. 271]; – *Зинуша, что это такое значит?* [4, с. 274]. В таком случае обращение становится достаточно выразительным средством, передающим определённые экспрессивно-стилистические оттенки. Применение данных этикетных обращений не только указывает на адресат речи, но и одновременно выступает маркером межличностных отношений героев произведений, который демонстрирует социальное положение, степень знакомства, возрастные и гендерные различия и многое др., т. е. использование обращений способствует выстраиванию определённого коммуникативного пространства между участниками речевого акта. Особенно очевиден этот момент в обиходно-бытовой сфере, где выбор возможного варианта обращения достаточно предсказуем и обращение появляется в реплике в соответствии с неофициальностью общения и статусом коммуникантов.

Используются М. А. Булгаковым и обращения с негативной семантикой (однословные или развёрнутые эмоциональные формы), хотя это и противоречит этикетному принципу, который предполагает запрет на упо-

требление определённых слов при обращении к собеседнику, однако в художественном тексте они становятся одним из способов вербализации контактоустанавливающей функции, подчеркивающей межличностные отношения, степень воспитанности персонажа: – *Гони! Гони, негодяй!* [4, с. 166]; – *Ах ты, мерзавец, мерзавец, раздельно сказал юноша, покачал головой и, взмахнув портфелем, треснули им Дыркина по уху, словно блин выложил на тарелку* [4, с. 176]; – *Отвечай, паршивая сволочь* [4, с. 176].

Обращения-классификации представлены экспрессивно нейтральными словами, для которых функция обращения не является основной. Использование их в художественном тексте – это возможность установить контакт, определить принадлежность действующего лица к конкретному классу людей, что даёт основание утверждать: всё подчинено авторской интенции, решению коммуникативных задач, т. е. М. А. Булгаковым случайные обращения не используются. Обращения выполняют особые прагматические функции, становясь своеобразным индикатором социального, культурного и интеллектуального уровня адресата, что особенно актуально в условиях идейно-политического противостояния описываемого временного периода. Именно с помощью обращения автору удаётся обозначить место, занимаемое адресатом в социуме, а также сформулировать и продемонстрировать отношение к идейному оппоненту, что достаточно выразительно прослеживается в сюжетной линии всех трёх сатирических повестей, где присутствует чёткое разделение персонажей на два «лагеря» – интеллигенция и пролетариат. Показательно в данном случае использование обращения *господин* профессором Преображенским в адрес Шарикова – персонажа повести «Собачье сердце», прошедшего в ходе повествования путь от собаки до сотрудника очистки: «*Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно «Шариков», и я, и доктор Борменталь будем называть вас «господин Шариков», на что Шариков отлаял: «Я не господин, господа все в Париже»* [4, с. 318]. «Столкновение» подобных языковых единиц, которые являются контрастными по сфере употребления, по стилистической окрашенности, – основной способ создания иронического эффекта, характерный для идиостиля М. А. Булгакова.

Выполняемые функции обращений непосредственно связаны с эмоциональным, оценочным компонентами, что соотносится с понятием экспрессивности. В художественном тексте экспрессивность обращения может рассматриваться как способность его оказывать определённый

прагматический эффект на адресата, т. е. обращение способно отразить переживания человека, его эмоциональную сферу, а также оценочное отношение к конкретному адресату, принимая в речи разнообразные модальные оттенки. Например, одним из способов создания экспрессивности выступает ассоциативно-образное переосмысление, в основе которого лежат тропы. Ведущая роль при этом принадлежит метафоре. Так называемые *метафоризованные номинации* или употребляемые в роли обращений названия животных (*зоометафоры*), явлений действительности, предметов образуют отдельную группу обращений. Чаще всего они используются в сочетании с прилагательными либо характеризующими определениями: – *Туда ему и дорога, старая собака* [4, с. 172]; – *Что ты, леший, по всей квартире гоняешь?* [4, с. 309]; – *Зачем ты, свинья, сову разорвал?* [4, с. 279]; – *Куда ты, черт лохматый?... – кричала отчаянно Зина, – вот окаянный!* [4, с. 260]. В позиции обращения используется и единичное библейское *змий* со значением ‘дьявол-искуситель, представший перед Евой’, используемое с уточняющим определением *мой*: – *Ты покорил меня своей храбростью, мой змий* [4, с. 171]. Обозначая адресата подобными лексемами, адресант характеризует его как персонажа, который способен вызвать чувство симпатии либо антипатии, сравнимое с предметом (явлением), демонстрируемым в обращении. Именно наличие субъективного отношения к адресату и создаёт эффект экспрессивности обращений.

Среди обращений оценочного свойства выделяют такие, которые характеризуют адресата по неким личностным качествам, становящимся объектом оценки и позволяющим проследить не только конкретного адресата высказывания, но и отношение говорящего к указанному адресату (снисходительность, благодарность, злость, презрение и др.). Основными способами выражения оценочной функции выступают, как правило, либо морфологические, либо лексические средства. К первым традиционно относят суффиксы субъективной оценки, демонстрирующие разнообразные оттенки значений: ласкательные или уменьшительно-ласкательные, подчёркнуто уважительные (*Васенька, дяденька, Манечка, родненький, миленький* и др.). Некоторые из них употребляются с суффиксами, которые снижают негативную семантику производящего слова, например, *дурашка*. В качестве экспрессивных обращений используются слова, имеющие финаль *-ец* (*мерзавец, подлец*). Ко вторым – оценочные прилагательные (*милый, милая, миленький, дорогой* и т. д.), а также характеризующие

существительные (*благодетель, соблазнитель, голубчик* и др.). Ведущая функция коннотации – это функциональное воздействие, которое самым непосредственным образом связано с прагматикой речевого акта.

Слова с положительной семантикой фиксируются в анализируемых текстах реже, чем слова с отрицательной семантикой. Следует отметить, что их лексическое разнообразие менее значительно. Так, в роли обращения в текстах повестей используются прилагательные *дорогой, милый*, а также их производные, употребляемые либо в роли собственно обращения, либо в роли согласованного определения: – *Голубчик! – бросился к нему Коротков, – бумажник мой, жёлтый...* [4, с. 159]; – *Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик* [4, с. 325]; – *Да нет, милый, я не то... не ты... документы* [4, с. 318]; – *Иди, Панкрат, – тяжело вымолвил профессор и махнул рукой, – ложись спать, миленький, голубчик, Панкрат* [4, с. 221]. В тексте повести «Собачье сердце» отмечается использование слова *дорогой* в качестве средства обращения, формирующего иронический смысл контекста, т. к. профессор Преображенский не считал Шарикова равным себе и не испытывал к нему симпатии в силу имеющейся значительной социальной и культурной дистанции: – *Так-с. Что вы скажете относительно слонов, дорогой Шариков? – недоверчиво спросил Филипп Филиппович у Шарикова* [4, с. 316]. Фактором повышения экспрессивности выступает и коммуникативная функция месторасположения обращений. Писатель преимущественно употребляет обращения в середине предложения, тем самым размещая фигуру адресата в центре повествования, либо выносит их за пределы предложений, что позволяет сосредоточить на них читательское внимание.

Выводы. Таким образом, обращения в текстах сатирических повестей М. А. Булгакова представляют собой неотъемлемую часть художественного мира, которая способствует структурированию текста и является важным средством его интерпретации. Они также отражают национально-культурную специфику парадигмы времени и уникальные черты индивидуального стиля писателя. Обращения играют ключевую роль в создании художественной атмосферы текста, раскрывают характеры персонажей, передают их внутренний мир и особенности взаимоотношений с окружающими, являются важным элементом структуры произведения, который придаёт ему эмоциональную насыщенность и помогает читателю глубже понять смысловую специфику повествования.

Список использованных источников

1. Садыхова, С. Творчество М. Булгакова-сатирика : моногр. / Севиндж Азиз гызы Садыхова. – Баку : «Адилъоглу», 2007. – 132 с.
2. Кожухова, Л. В. Речевой акт обращения / Л. В. Кожухова // Вестник Ставропольского государственного университета. Серия: Филологические науки. – 2007. – № 48. – С. 80–85.
3. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин. – М. : URSS, Книжный дом «Либроком», 2009. – 127 с.
4. Булгаков, М. Сочинения : Романы. Повести. Рассказы / М. Булгаков. – Мн. : Университетское, 1989. – С. 146–338.

Поступила в редакцию 17.11.2025

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ДЗІЦЯЧАГА ЎЗРОСТУ Ў АСПЕКЦЕ ЛІНГВАСЭНСОРЫКІ

В. І. Марцынкевіч,

настаўнік беларускай мовы і літаратуры
вышэйшай кваліфікацыйнай катэгорыі
ДУА “Бельская базавая школа Мазырскага раёна”,
аг. Белая, Мазырскі р-н, Рэспубліка Беларусь
E-mail: vera.martsinkevich@mail.ru

Артыкул прысвечаны вывучэнню лексікі смаку і спосабаў яе рэпрэзентацыі ў беларускай мове на аснове аналізу парэміялагічных адзінак, адабраных са зборнікаў прыказак і прымавак. З выкарыстаннем метадаў апісання, сістэматызацыі і інтэрпрэтацыі атрыманых дадзеных разглядаюцца асаблівасці функцыянавання лексічных адзінак, звязаных з успрыманнем смакавых адчуванняў. На аснове тэматычнай класіфікацыі выяўляюцца асноўныя семантычныя і структурныя характарыстыкі слоў-кампанентаў, якія адлюстроўваюць смакавыя ўяўленні. Робіцца вывад аб значэнні лексікі смаку ў фарміраванні ўяўленняў аб узросце дзіцяці. Даследаванне спрыяе больш глыбокаму разуменню ўзаемасувязі паміж мовай і сэнсарным вопытам чалавека.

Ключавыя словы: лінгвасэнсорыка, лексіка смаку, вербальная рэпрэзентацыя, лексіка-семантычны варыянт, узроставая стратыфікацыя.

INTERPRETATION OF CHILD'S AGE IN TERMS OF LINGUOSENSORICS

V. I. Martsynkevich

The article examines the vocabulary of taste and its ways of representation in the Belarusian language based on the analysis of paremiological units presented in collections of proverbs and sayings. Using methods of description, systematization, and interpretation of the obtained data, the study considers the features of functioning of lexical units related to the perception of taste sensations. Based on thematic classification, the main semantic and structural characteristics of word components reflecting taste perceptions are identified. In the conclusion

the significance of taste-related vocabulary in shaping perceptions of child's age is drawn. The research contributes to a deeper understanding of the relationship between language and human sensory experience.

Keywords: linguosensorics, taste vocabulary, verbal representation, lexical-semantic variant, age stratification.

Уводзіны. Тэрмін “лінгвасэнсорыка” прапанавала расійскі мовазнаўца В. К. Харчанка ў 2012 г. для абазначэння галіны “лінгвістычнага пазнання, якая займаецца мовай перцэпцыі, вербальнай рэпрэзентацыі паказчыкаў пяці органаў пачуццяў: зроку, слыху, дотыку, смаку і паху” [1, с. 6]. Смак – адчуванне, якое ўзнікае ў выніку раздражнення слізістай абалонкі языка рознымі рэчывамі. Смак, поруч з дотыкам і пахам, традыцыйна адносяць да разраду “ніжэйшых адчуванняў”, што заключаецца ў яго непасрэднай сувязі са спаталеннем голаду і смагі як базавых фізіялагічных патрэб чалавека, якія ставяць яго ў адзін шэраг з жывёламі. Літаратура па гастронамічным дыскурсе аб’ёмная і шматгранная, аб чым сведчыць, у прыватнасці, манаграфія А. У. Алянча, які прапанаваў тэрмін для лексікі смаку “глютонімы” і які працягвае распрацоўку тэорыі гастронамічнага дыскурсу [2]. У даследаваннях гастронамічную лексіку лінгвісты звычайна акрэслівалі або геаграфічна або тэматычна. Аднак і пры такіх абмежаваннях фактычнага матэрыялу для даследавання аказваецца больш чым дастаткова.

Аб’ектам дадзенага даследавання з’яўляюцца парэміялагічныя адзінкі беларускай мовы, якія ўключаюць у свой склад смакавы кампанент. Прадмет даследавання – семантычная характарыстыка і лінгвасэнсарныя асаблівасці прыказак, аб’яднаных семантыкай смаку.

Мэта і задачы. Мэта даследавання заключаецца ў лінгвасэнсарным аналізе прыказак з семантыкай смаку. Дадзеная мэта канкрэтызуецца ў наступных задачах: вызначыць семантычныя прыкметы і сродкі выражэння лексікі смаку; класіфікаваць разглядаемыя адзінкі на аснове іх значэнняў і тэматычнай накіраванасці; вызначыць моўныя рэпрэзентанты дзіцячага ўзросту на аснове кампанентаў лексікі смаку.

Метады даследавання. Са зборнікаў прыказак і прымавак беларускай мовы шляхам скразной выбаркі адабраны 143 парэміялагічныя адзінкі з семантыкай смаку. Выяўленне тэматычнай накіраванасці і сэнсарнага складальніка ў семантыцы прыказак праводзіцца з прымяненнем метадаў апісання, сістэматызацыі і інтэрпрэтацыі атрыманых дадзеных.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Малако маці з’яўляецца першым і асноўным прадуктам харчавання для дзяцей-немаўлят (малако –

‘белая пажыўная вадкасць, якая выдзяляецца груднымі залозамі жанчын і самак млекакормячых для выкармлівання дзяцей’ [3, т. 3, с. 92]). Ужыванне гэтай лексемы-рэаліі ўзыходзіць “да старажытнейшага ўяўлення пра харчаванне як пра натуральнае засваенне арганізмам чалавека чаго-н., як пра спосаб вырошчвання ўсяго жывога” [4, с. 136]. Таму ў прыказках яна асацыіруецца з сімвалам маленства і зразумела ўсім носьбітам мовы па прычыне захаванасці канатацыйнага значэння гэтага слова з даўніх часоў да сённяшніх дзён. Параўнаем у кантэкстах: *Каля губ маткіна малако яшчэ не абсохла* [5, кн. 2, с. 122]; *Яшчэ мацерынага малака не аблізаў, а ўжо да дзяўчат бярэшся* [5, кн. 2, с. 24]. Як адзначае рускі фразеолог М. Л. Каўшова, кампаненты *маткіна малако*, *мацерына малако* “нясуць у семантыку не лексічны, а сімвалічны сэнс” [6, с. 258].

З пазіцый жа лінгвістычнай сэнсорыкі ўспрыманне смаку ў прыказках вербалізавана найменнем прадукта харчавання *малако* і саматычным кампанентам *губы*, які непасрэдна ўдзельнічае ў працэсе спажывання ежы. Услед за А. В. Нагорнай [7, с. 44], выкажам меркаванне, што дзеясловы *абсохнуць*, *аблізаць* можна разглядаць як лексічныя адзінкі, якія абазначаюць наяўнасць вільгаці (*малака*) на паверхні аб’екта (*губ*), што дазваляе нам аднесці іх да слоўніка дотыку – малако дакранаецца да губ і малако аблізваецца з губ языком. Нягледзячы на адсутнасць саматычнага кампанента *язык* у складзе прыказкі, яго смакавая семантыка ярка выражана ў кантэксце. Разам з сімвалічнай семантыкай на функцыянальным узроўні даводзіцца думка пра немагчымасць маладога хлопца быць вопытным і спрактыкаваным у справе заляцання (*да дзяўчат бярэшся*), “прымаць самастойныя рашэнні ў раннім узросце на аснове асацыяцыі з малым дзіцем, якое яшчэ толькі корміцца малаком маці” [8, с. 50].

Па нашым меркаванні, дзеяслоў *ссаць* таксама вербалізуе асноўны спосаб харчавання дзяцей – смактанне малака з грудзей маці – і семантызуе малы ўзрост праз успрыманне смаку. Сама ж прыказка *Ласкавае целятко дзве маткі ссе, а гордае ні адной* [9, с. 151] ужываецца ў іншым значэнні ‘хто ўсім дагаджае, той карыстаецца іх апекай, прыхільнасцю. Гэта павучаюць дзяцей, каб яны былі паслухмянымі’ [9, с. 55]. Такім чынам, кампанент-трафонім *малако* ў прыказках служыць вербальным сродкам выражэння малога ўзросту, калі дзіця корміцца толькі малаком маці. Малако як першая ежа з’яўляецца знакам малога, але неабходнага.

Калі дзіця крыху падрасцала, у яго рацыён уводзілі стравы, якія гатаваліся ў сям’і: *З дзеткамі гора толькі да заціркі, а там – пайшло!*

[5, кн. 2, с. 118] (*зацірка* – ‘рэдкая страва з дробных мучных камячкоў, згатаваных на вадзе або малацэ’ [3, т. 2, с. 412]). У харчаванне дзяцей летам дабаўлялі дары лесу (ягады і грыбы), што дазваляла перажыць нястачу: *Дзеці, дзеці, добра з вамі ўлеце, а зімою то хоць аб печ галавою* [5, кн. 2, с. 116].

Хлеб быў асновай харчавання як дарослых, так і дзяцей усіх узростаў, акрамя немаўлят. З пункту гледжання культурных уяўленняў, даволі значным этапам у развіцці дзіцяці становіцца здольнасць ужываць цвёрдую ежу. Пераход дзіцяці ад матчынага малака да цвёрдай ежы (першым чынам, да хлеба) мае важнае сімвалічнае значэнне, што адлюстравана ў лексічнай адзінцы *папа* (*папка*): *Няма таткі, няма й папкі (хлеба)* [10, с. 134]; *Хоць якая папа, абы не гуляла лапа; Хоць чорная папа, абы поўная лапа* (гэтак даўней казалі старыя, калі дзеці наракалі на чорны (жыта з мякінай) хлеб [9, с. 109]). Параўнаем таксама: *Ядзім хлеб траякі: белы, чорны і ніякі* ‘пра сацыяльную няроўнасць і неаднолькавы дастатак, дабрабыт’ [9, с. 106]. Каларонімы ілюструюць розны ўзровень матэрыяльнага дабрабыту сем’яў, у залежнасці ад чаго спажываўся і хлеб розных гатункаў: *белы* з пшанічнай мукі, *чорны* з жытняй мукі, *ніякі* з дабаўкамі (*Хлеб з мякінай, як пірог з начынкай* [9, с. 106]; *Беда – не беда, калі е хлеб да лебеда* [9, с. 211]).

Хлеб як асноўны прадукт харчавання вербалізаваны рознымі найменнямі (*калач, пірог, пернік, паляніца*): *Мало хлеба – будзем калачы (блінцы) пячы да есці* ‘жартаўлівы адказ на нястачу чаго-н. у гаспадара’ [9, с. 215]; *Не плач, купіць мама калач, мёдам памажа, табе не пакажа* [5, кн. 2, с. 122] (*калач* – ‘круглая булка пшанічнага белага хлеба’ [3, т. 2, с. 583]); *Бацька за парог, а дзеці за пірог* [5, кн. 2, с. 118] (*пірог* – ‘булка, пераважна падоўжанай формы і з якой-н. начынкай’ [3, т. 4, с. 258]); *Хоць з адной печы, ды неаднолькавая пернікі* [11, с. 146] (*пернік* – ‘салодкае печыва на мёдзе, патацы або цукры з духмянымі прыправамі’ [3, т. 4, с. 241]) – маецца на ўвазе, што ў адной сям’і пры адных бацьках растуць розныя дзеці; *З добрага цеста добрая паляніца, з добрай дзеўкі добрая і маладзіца* [5, кн. 2, с. 12] (*паляніца* – ‘пшанічная булка’ [5, кн. 2, с. 563]).

У традыцыйных уяўленнях сялян усе стравы, якія ўжываліся разам з хлебам, разглядаліся не як самастойныя, а як дадатак да хлеба: *Добра каша пры хлебу, добра бабе пры дзеду* [11, с. 131]. Увогуле, архетып хлеба як сімвал жыцця, дабрабыту і матэрыяльнага дастатку ілюструе розныя аспекты чалавечых паводзін і ўзаемаадносін: *Бацькі запазухі дзяруць, дзецям хлеб хаваючы, а дзеці запазухі дзяруць, ад бацькоў хлеб хаваючы* ‘пра любасць бацькоў да сваіх дзяцей і няўдзячнасць апошніх’ [9, с. 20]; *Ты, брат мой,*

а еш хлеб свой ‘кожны мусіць жывіцца з сваёй працы’ [9, с. 99]. Разам з тым, будучы сімвалам матэрыяльнага дабрабыту, хлеб асэнсоўваўся як Дарунак Божы, што вымагала амаль рэлігійных адносін да яго.

Крупы спрадвеку належалі да важнейшых прадуктаў харчавання (*крупы* – ‘прадукт харчавання, які складаецца з ачышчаных цэлых або сечаных зярнят розных культур’ [3, т. 2, с. 733]). Недахоп круп пазбаўляў сям’ю важнай крыніцы харчавання: *Ад крупені дзеці падурнелі, а не стала круп – і сам татка зрабіўся глуп* [5, кн. 1, с. 225] (*крупеня* – ‘тое, што і крупнік’ [3, т. 2, с. 732]; *крупнік* – ‘крупяны суп; крупеня’ [3, т. 2, с. 733]).

Каб разнастаіць харчовы рацыён сялянскай сям’і, займаліся гадоўляй свойскай жывёлы: *Зімой з’ем хлеб і з свінёй, а нам на лета патрэбны* [9, с. 227]; *Пільнуй гаспадаркі, будуць у гаршку скваркі* (*скварка* – ‘падсмажаны або звараны кавалачак сала’ [3, т. 5, кн. 1, с. 165] у значэнні ‘працуй – будзе харч’ [9, с. 260]); *Хутчэй папрсяць дзеці скарынкі, як сланінкі* [5, кн. 1, с. 234] (*сланіна* – ‘свініна’ [5, кн. 1, с. 543]). *У каго свіння тлустая, у таго й каша густая*, ‘г. зн., у таго будуць тлустыя будзённыя стравы, а святочны стол узбагацяць каларыйныя і смачныя мясныя далікатэсы: сала, каўбасы, паляндвіца і іншыя прысмакі” [12, с. 88].

Свіное сала спрадвеку належыць да важнейшых прадуктаў харчавання беларускага селяніна. Беларусы лічаць, што пажыўнасць і смак варанай ежы надае добрая прыправа, заправа з сала. Толькі сала, лічыцца ў народзе, надае чалавеку сілу: *Ні села, ні пала, захацела баба сала* ‘яшчэ не паспеў сесці за стол, а ўжо патрабуе есці. Гавораць (часцей жартам), калі хто-н. неспадзеўкі і звычайна без падстаў на тое імкнецца нешта атрымаць, зрабіць, куды-н. трапіць або калі хто-н. патрабуе чаго-н. раней часу’ [13, с. 108]. Параўнаем таксама: *Пара касцей не ломіць, а гушча дзяцей не разганяе* [5, кн. 1, с. 213]; *Гушча (каша) дзяцей не разганяе* [5, кн. 2, с. 118] (*каша* – ‘густая страва з круп, звараных у вадзе або малацэ’ [3, т. 2, с. 671]). Лексема *каша* ўжыта ў кантэксце са значэннем ‘дастатак у сям’і зберагае дзяцей’ [5, кн. 2, с. 567]. *Ад куляшу растуць дзеткі па цяляшу* [5, кн. 2, с. 118] (*кулеш* – ‘рэдкая мучная каша з салам’ [3, т. 2, с. 752]); *Куцця дзетак збірае, а квас разганяе* [5, кн. 2, с. 118] (*куцця* – ‘каша з ячных або іншых круп, як традыцыйная абрадавая яда ўсходнеславянскіх і інш. народаў’ [3, т. 2, с. 764]). *Куцця* з’яўляецца больш каларыйнай, пажыўнай ежай, чым квас (*квас* – ‘кіславаты напітак, прыгатаваны на вадзе з хлеба, сухароў або жытняй мукі з соладам’ [3, т. 2, с. 676]), таму і прыказкі з гэтым кампанентам “перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра беднасць і беднае жыццё чалавека”

[14, с. 27–28]: *На воўка памоўка, а квас дзеці паеў* [5, кн. 2, с. 118]. Параўнаем таксама пра беднае жыццё: *Ад поліўкі ножкі тоненькі* [5, кн. 1, с. 256], г. зн., худыя ножкі, бо некаларыйная ежа; *Не голад, дзеткі, бабовая каша* [5, кн. 1, с. 225]; ‘галодны чалавек не пераборлівы ў ежы’; *Дзяцей, як бобу* [9, с. 201] – ‘у каго шмат дзяцей’; *Дзіцей, як бобу, а хлеба ні дробу* [5, кн. 2, с. 116]. Для абазначэння вялікай колькасці прадуктаў, ежы ўжываецца фразеалагічная адзінка *як на Дзяды: Яды як на Дзяды*. Кампаненты-назвы свят “з’яўляюцца важным носьбітам нацыянальна-культурнай інфармацыі, бо даюць уяўленне пра традыцыі беларусаў, іх працоўны вопыт, адлюстроўваюць сістэму рэлігійных поглядаў і вераванняў” [15, с. 41].

Капуста – традыцыйная ежа беларускага селяніна, неад’емны прадукт яго харчавання. *Капуста* – ‘качаны агароднай расліны, лісце якой звіваецца ў качаны, што ідуць у ежу’ і ‘вараная страва з крышанага качана’ [16, с. 28]. Варыцца з дробна пакрышанай капусты, дадаюцца прыправы і бульба: *Еж капусту і з грыбамі, дзяржы язык за зубамі* [9, с. 39]. Даўней у капусту дадавалі муку, каб менш спажываць хлеба, якога заўжды не хапала. Увесь асенне-зімовы сезон сялянскі абед не абыходзіўся без вадкіх страў з гэтай гародніны: *Луста да капуста – не будзец у жываце пуста* [5, кн. 1, с. 245]; *Калі ёсць гарох і капуста – у хаце не пуста* [5, кн. 1, с. 245]; *Калі капуста дагодзя, дык і самавар не зашкодзя* ‘пасля сытага абеду добра і чаю выпіць’ [9, с. 48]. Чай (гарбату) на беларускай вёсцы мала ўжывалі, найбольш пашыраным пітвом быў квас. Да таго ж капуста з’яўляецца больш каларыйнай, пажыўнай ежай, чым чай. Параўнаем таксама: *Што кажух, то не вата, а што капуста, то не гарбата* ‘адно адрозніваецца ад другога па ступені сваёй карыснасці, вартасці. Гаворыцца (часцей жартам), калі хто-н. аддае перавагу традыцыйным народным стравам перад іншымі або калі да стала падаецца капуста’ [13, с. 154].

У прыказках гастронамічныя дзеяслоўныя намінацыі, як і ў беларускай кулінарнай традыцыі, пераважна рэпрэзентаваны дзвюма групамі: дзеясловамі са значэннем працэсу прыгатавання ежы і дзеясловамі са значэннем спосабу спажывання ежы, харчавання.

У першай групе для абазначэння **працэсу прыгатавання** ежы ўжываюцца розныя формы дзеясловаў: *варыцца* – ‘гатавацца кіпячэннем на агні’ [16, с. 92] (*Ешце, дзеткі, крупеня тлусценькая: два яечкі варыліся* [5, кн. 1, с. 223]; *Жар гарыць, вада кіпіць, толькі няма чаго варыць* [5, кн. 1, с. 223]; *Беднай сіраце даварыцца ў жываце* [9, с. 20] ‘беднага сваяка можна пачаставаць і нясмачнай ежай’); *спячы* – ‘прыгатаваць вырабы з мукі

выпяканнем, выпечы’ [16, с. 125], *пячы* – ‘гатаваць ежу сухім награваннем, на адкрытым агні, у духу або на патэльні’ [16, с. 122] і іх дэрываты *печаны*, *недапечаны* (*Бачыць вока, дзе **пячэцца** кока* [5, кн. 1, с. 228]; *Спякуць і дзеці, калі ёсць у клеці* [5, кн. 1, с. 251]; *Калі з засека цячэ, дык і няўмека хлеб **сьпячэ*** [9, с. 48] ‘калі ёсць на чым гаспадарыць, дык і мала спрактыкаваны чалавек нешта зробіць’; *Лепей **печану** рэдзьку з’есць, ніж з табою за сталом сесць* [5, кн. 2, с. 21]; *Недасечан – **недапечан*** [5, кн. 2, с. 137]).

У другой групе для абазначэння **спосабу спажывання** ежы ўжываюцца дзеясловы *есці* – ‘прымаць ежу, перажоўваючы яе і глытаючы; харчавацца’ [16, с. 96], *з’есці* – ‘прыняць якую-н. ежу; скарыстаць на яду, харчаванне’ [16, с. 103] (*Мама, **есці!** – адкуль прыйшлі весці?* [9, с. 58] ‘так жартуе маці, калі дзеці есці просяць’; *Мало ешчэ гора мелі, калі бацькаў хлеб-соль **елі*** [9, с. 215] ‘на бацькавым карку ў дзяцей бесклапотнае жыццё’; *Што малы зносіць, а п’яны з’есць, то ўсё прапала* [5, кн. 2, с. 119]; *Што занадта, то і свінні **не ядуць*** [9, с. 294] ‘залішняе не ідзе на карысць’; *Горка рэдзька, ды **ядуць**, ліха (дрэнна, кепска, плоха) замужам, ды ідуць* [5, кн. 2, с. 16]; *Цыбуля горка – людзі **ядуць**, ліхі замуж – дзеўкі ідуць* [5, кн. 2, с. 119]); *піць* – ‘глытаць якую-н. вадкасць’ [16, с. 117], *паіць* – ‘даваць піць каму-н.’ [3, т. 3, с. 605] (*Водка горка – хлопцы **п’юць**, замуж кепска – дзеўкі ідуць* [5, кн. 2, с. 16]; *Гарэлка горка, ды яе **п’юць**, замужам нядобра, ды ідуць* [5, кн. 2, с. 16]; *Каму дзяцей радзіць, дай божа таму **паіць і карміць*** [5, кн. 2, с. 117]; *паіць і карміць* – ‘мець каго-н. на поўным утрыманні’ [3, т. 3, с. 605]); *карміць (накарміць)* – ‘даваць корм, ежу’ [16, с. 107] (*Маці сама не з’есць, а дзіце **накарміць*** [5, кн. 2, с. 118]; *Карміў да вусоў – кармі і да барады* [11, с. 135]); *частаваць* – ‘даваць або прапаноўваць паесці, папіць, пакурыць; карміць або паіць каго-н., выказваючы ўвагу, гасціннасць’ [3, т. 5, кн. 2, с. 305] (*Ці п’янага частуй, ці малога кармі – адно* [5, кн. 2, с. 119]; *Даганяючы, **не начастуешся*** [5, кн. 2, с. 10]); *ссаць* – ‘рухамі губ і языка ўцягваць у рот якую-н. вадкасць праз вузкую адтуліну ў чым-н., смактаць’ [16, с. 125] (*Ласкавае дзіцятк дзве маткі **ссе**, а гордае – ні адной* [5, кн. 2, с. 124]); *лізаць* – ‘праводзіць языком па паверхні чаго-н., дакранацца языком да каго-, чаго-н.’ [16, с. 109] (*Ліжучы, не наясіся, даганяўшы, не нацалуешся* [5, кн. 2, с. 10]); *кусаць* – ‘захопліваць зубамі, аддзяляць, адкусваць невялікімі кускамі ад чаго-н.’ [16, с. 108], *сёрбаць* – ‘есці вадкую страву, прысмоктваючы’ [16, с. 124] і вытворныя ад іх адзінкі *кусала*, *сярбала*: *Адзін раз **укусі**, а тры **сербані*** [5, кн. 1, с. 261]; *На адно **кусала** па тры **сярбалы*** [5, кн. 1, с. 261], г. зн., адзін раз хлеб, тры разы вадкае; *На адно **кусаіла** тры **сірбаілы*** [9, с. 61] ‘гавораць, калі

пры пільнай рабоце не хапае часу пад'есці; пры ядзе не хапае хлеба'); гукаперайманне *аці* (*Аці, аці, да нечага даці* [5, кн. 1, с. 222] – 'есці' (з дзіцячай лексікі) [5, кн. 1, с. 541]; субстантываваныя назоўнікі *ядок, спіткі, з'едкі* (*Што гадок, то і ядок* [11, с. 147]; *Спіткі, з'едкі – не вам, мае дзеткі* [5, кн. 2, с. 119]).

У выніку лінгвасэнсарнага аналізу ўстаноўлена, што семантычнымі маркерамі лексікі смаку ў прыказках выступаюць кампаненты-трафонімы, ці найменні прадуктаў харчавання, страў, напояў (*што?* есці, піць) і кампаненты-найменні працэсу прыгатавання і спосабу спажывання ежы і напояў (*як?* есці, піць).

Вывады. Ежа і спосабы яе прыгатавання з'яўляюцца адной з найважнейшых сфер у жыцці чалавека. Кампаненты-вербалізатары смаку семантычна звязаны з працоўнай дзейнасцю чалавека, звычаямі, абрадамі, рытуаламі, асаблівасцямі светапогляду ў мінулым, надзелены эмацыянальным і ацэначным сэнсам. Узроставая ступень маленства рэпрэзентавана кампанентам-трафонімам *малако*, што тлумачыцца фізіялагічнай няздольнасцю дзяцей-немаўлят ужываць цвёрдую ежу і кармленнем грудным малаком маці. Пачынаючы з ранняга дзяцінства, у сістэме харчавання дзяцей і дарослых не існавала істотных адрозненняў, што ілюструюць ўзоры ўжывання дзіцячай лексікі (*аці* – 'есці', *папа* – 'хлеб', *кока* – 'яйцо'). Юнацтва як узрост, прыдатны для заключэння шлюбу, рэпрэзентавана лексіка-семантычнымі варыянтамі *водка, гарэлка, рэдзька, цыбуля*. Традыцыі харчавання, атрымліваючы вербальнае ўвасабленне ў мове, становяцца адным са спосабаў замацавання не толькі культурнай, але і сэнсарнай значнай інфармацыі ў памяці народа.

Артыкул падрыхтаваны ў межах ДПНД "Грамадства і гуманітарная бяспека" на 2021–2025 гг. пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь па дагаворы № 1410/2021 ад 22.03.2021.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Харченко, В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
2. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : моногр. / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Бел. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мн. : Бел. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

4. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.
5. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / Акад. навук Бел. ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. А. С. Фядосік. – Мн. : Навука і тэхніка. – Кн. 1. – 1976. – 560 с. ; Кн. 2. – 1976. – 616 с.
6. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М. Л. Ковшова. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
7. Нагорная, А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. Яковлева Е. Б. – М., 2017. – 86 с.
8. Ляшчынская, В. А. Гастронамічны код культуры беларусаў. Стэрэатыпы напіткаў і іх ужывання ў вобразах фразеалагізмаў беларускай мовы : манагр. / В. А. Ляшчынская. – Мн. : РІВШ, 2023. – 170 с.
9. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі : Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. / А. Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мн. : Бел. навука, 2002. – 320 с.
10. Касько, У. К. Палескі дзівасіл: беларус. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А. К. Сержпутоўскага / У. К. Касько. – Мн. : Выш. шк., 2005. – 383 с.
11. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі ; прадм. Д. Я. Бугаёва. – Мн. : Бел. навука, 2004. – 494 с.
12. Сівурава, Л. Прыказкі і прымаўкі як адлюстраванне светапогляду беларускага селяніна / Л. Сівурава // Роднае слова. – 2012. – № 4. – С. 87–90.
13. Иванова, С. Ф. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраіназн. дапам. / С. Ф. Иванова, Я. Я. Іваноў. – Мн. : Бел. Фонд Сораса, 1997. – 262 с.
14. Ляшчынская, В. А. Гастронамічны код культуры беларусаў. Стэрэатыпы ежы ў вобразах фразеалагізмаў беларускай мовы / В. А. Ляшчынская. – Мн. : РІВШ, 2022. – 272 с.
15. Дзядова, А. Семантычная апазіцыя “працавітасць – гультайства” ў парэміях / А. Дзядова // Роднае слова. – 2014. – № 12. – С. 40–42.
16. Ляшчынская, В. А. Слоўнік гастронамічных фразеалагізмаў беларускай мовы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Мн. : РІВШ, 2023. – 130 с.

Паступіў у рэдакцыю 24.11.2025

**КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В ИЗОБРАЖЕНИИ В. Н. КРУПИНА
(КНИГА «РУССКИЕ СВЯТЫЕ»)**

С. Ю. Николаева,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
филологических основ издательского дела и литературного творчества
Тверского государственного университета,
г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: synikolaeva@mail.ru

В. А. Редькин,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
филологических основ издательского дела и литературного творчества
Тверского государственного университета,
г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: synikolaeva@mail.ru

В статье рассматривается проблема художественно-философского осмысления в искусстве и литературе такого глобального исторического события, как Куликовская битва. В данном аспекте предложен анализ литературного материала как классического, так и новейшего периода, прежде всего книги В. Н. Крупина «Русские святые». Методологически статья опирается на концепцию «духовного реализма» и теорию «евразийства». Утверждается, что одним из первых передал духовный, религиозный, историософский смысл описываемого события и тем самым основал в литературе XX века своеобразную традицию осмысления Куликовской битвы А. Блок. Позднее ярче всего эта традиция воплотилась в творчестве писателей, принадлежащих к направлению «духовного реализма», – И. Шмелева, Б. Зайцева, Д. Балашова. Делается вывод о том, что В. Н. Крупину удалось в еще большей мере, чем его предшественникам, понять глубинный, историософский и религиозный смысл Куликовского сражения.

Ключевые слова: В. Н. Крупин, Куликовская битва, житийный рассказ, «духовный реализм», «евразийство», национальная топика, метафора, символ, пейзаж.

THE BATTLE OF KULIKOVO IN THE IMAGE OF V. N. KRUPIN (BOOK "RUSSIAN SAINTS")

S. Yu. Nikolaeva, V. A. Redkin

This article examines the problem of artistic and philosophical understanding of such a global historical event as the Battle of Kulikovo in art and literature. In this regard, an analysis of literary material from both the classical and modern periods is offered, primarily V. N. Krupin's book "Russian Saints". Methodologically, the article is based on the concept of "spiritual realism" and the theory of "Eurasianism". It is argued that A. Blok was one of the first to convey the spiritual, religious, and historiosophical meaning of the described event, thereby founding a unique tradition of understanding the Battle of Kulikovo in 20th-century literature. Later, this tradition was most vividly embodied in the works of writers belonging to the "spiritual realism" movement – I. Shmelev, B. Zaitsev, and D. Balashov. It is concluded that V. N. Krupin succeeded in understanding the profound, historiosophical, and religious meaning of the Battle of Kulikovo to an even greater extent than his predecessors.

Keywords: V. N. Krupin, Battle of Kulikovo, hagiographic narrative, "spiritual realism", "Eurasianism", national themes, metaphor, symbol, landscape.

Введение. Тема Куликовской битвы неоднократно становилась предметом художественно-философского осмысления в искусстве и литературе, привлекала внимание поэтов, драматургов, писателей широкими возможностями для выражения своих взглядов на русскую историю и судьбы русского народа. При этом каждая литературная или историческая эпоха обнаруживает в этой теме новые грани, ей созвучные, а жанровый репертуар произведений «Куликовского цикла» (как древнерусского, так и современного) отражает всю палитру точек зрения на это великое событие.

Следует отметить, что в конце XX – начале XXI в. обострилась полемика по поводу его смысла и значения. Особенно важной, хотя и дискуссионной, стала работа В. В. Кожина, который, опираясь на фундаментальные труды отечественных историков и собственные исследования, попытался развенчать господствовавший долгое время миф о Куликовской битве как о «противоборстве Руси с Золотой Ордой или – в глобальном смысле – Европы с Азией» [1, с. 363]. По мнению ученого, «Мамаева Орда,

конечно, имела азиатское происхождение, но всецело оторвавшийся и отчужденный от монгольского государства Мамай вступил в теснейший союз с генуэзцами Кафы, то есть с авангардной силой Запада, и стал выполнять его волю, его «задания», включился в ту политику, или, вернее, в геополитику, которую Запад, руководимый папством, осуществлял в XIV столетии на всем протяжении «линии», отделявшей его от православной цивилизации»; «Русь в 1380 году выступила против... всемирной силы, в которой объединились воля авангарда тогдашнего Запада и мощь азиатского воинства». Нельзя объяснять предпринятое Дмитрием Донским сражение стремлением платить Орде меньшую дань, нельзя видеть в этом сражении «попытку свержения азиатской золотоордынской власти, к тому же не достигшую своей цели попытку» [1, с. 404–405, 407]. Куликово поле – это первое в истории мощное столкновение Православия и с Востоком, и с Западом. Такова концепция В. В. Кожинова, которая представляется весьма убедительной.

Цель и задачи. Не вступая в спор историков, мы ставим целью посредством обращения к «житийной прозе» В. Н. Крупина оценить правоту концепции В. В. Кожинова, приводившего литературно-художественные примеры из произведений Ф. И. Тютчева, Ю. П. Кузнецова, а также из текста «Сказания о Мамаевом побоище», где говорится, что Мамай шел на Русь не за данью «больше прежнего», а ради сокрушения «православной веры», желая насадить своих баскаков в русских городах, изменив весь национальный уклад жизни, к чему никогда не стремились ханы Золотой Орды, ограничивавшиеся получением дани, выдачей «ярлыков» на княжение и строгими указами о соблюдении порядка.

Методы исследования. Представляется перспективным для анализа произведений русской литературы, затрагивающих тему Куликовской битвы, применить концепцию «духовного реализма» [4; 5] и теорию «евразийства», которая учитывает противостояние России и Западу, и Востоку.

Результаты исследования и их обсуждение. Обратившись к тексту «Сказания о Мамаевом побоище», можно увидеть, что он содержит «программные» суждения Мамаю: «Я не хочу так поступить, как Батый, но когда приду на Русь и убью князя их, то какие города наилучшие достаточны будут для нас – тут и осядем, и Русью завладеем, тихо и беззаботно проживем». В «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» об этом говорится еще более определенно: «Захвачу землю русскую, и церкви христианские разорю, и веру их на свою перемену, ...и баскаков посажу по всем городам русским, а князей русских перебью»

[3, с. 135, 211]. Очевидно, что Мамай дистанцируется от Батыея и золотоордынских правителей, осуществляя собственную политику, объединив усилия с «купцами генуэзскими».

Поэт всегда прозревает истинный смысл событий с помощью своей интуиции, поэтического чутья, и это чутье подчас позволяет делать верные выводы даже тогда, когда наука еще не накопила достаточных фактов и аргументов в пользу той или иной теории. Так было и в творчестве древнерусских книжников, и в произведениях новейших авторов.

Например, А. Блок создавал свой цикл «На поле Куликовом» и даже «Скифов» в то время, когда в России господствовала точка зрения С. М. Соловьева, который видел всемирно-историческое значение Куликовской битвы в столкновении Европы и Азии. По мнению ученого, Русь пожертвовала собой, чтобы спасти Европу от монголо-татарских полчищ, победа на Куликовом поле была «знаком торжества Европы над Азией» [7, с. 287]. На самом деле Русь отстаивала свою самость, самостоятельность в кругу других государств, она находилась между Европой и Азией и претерпевала удары с той и другой стороны. Об этом, собственно, идет речь в «Скифах». Что же касается стихотворного цикла «На поле Куликовом», то обращает на себя внимание мотив молитвы, подчеркнутый в финале:

*...Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!*

Параллелизм исторических эпох – эпохи Куликовской битвы и кануна Первой мировой войны и революции в России – воплощается у Блока не в исторических реалиях и подробностях (они, в сущности, ограничиваются топонимикой и антропонимикой: Мамай, Непрядва), а в реалиях духовной жизни поколений – поколения русских людей, живших в 1380-е годы, и современного Блоку поколения. Такой реалией, несомненно, оказывается молитва. Собрание сил Руси накануне страшного исторического катаклизма, испытания – это прежде всего процесс молитвенного внутреннего сосредоточения, концентрации духа, процесс постепенного, но неуклонного осознания Руси как православного государства, «Святой Руси». Об этом говорит призыв «Молись!» в финале блоковского текста, и призыв этот

обращен ко всей России. Блок, очевидно, понял духовный, религиозный, историософский смысл описываемого события. Тем самым поэт основал в литературе XX века своеобразную традицию осмысления Куликовской битвы, позднее ярче всего воплотившуюся в жанре житийного повествования, в творчестве писателей, принадлежащих к направлению «духовного реализма», – И. Шмелева, Б. Зайцева, Д. Балашова.

Показательным представляется творческий опыт В. Н. Крупина, который на протяжении последних десятилетий значительно обогащается и свидетельствует об интереснейших и динамичных эволюционных процессах, происходящих как в творчестве самого писателя, так и в новейшей русской литературе в целом, хотя в критике и литературоведении он явно недооценен. Между тем благодаря тонкому и глубокому художественному анализу феномена русской веры и русской святости «житийная проза» В. Н. Крупина является истинным шедевром. Книга «Русские святые» (2003) – вещь во многом обобщающая, позволяющая сделать определенные выводы о том, куда и как движется творческая мысль Крупина, к чему пришел писатель на данном этапе развития. Когда-то в XVI веке, в пору укрепления Русского государства и концентрации русских сил, был предпринят колоссальный труд митрополита Макария по собиранию житий русских святых и объединению их в «Великие Минеи Чети». Свой «иконостас русских праведников» создал в XIX в. Н. С. Лесков. Л. Н. Толстой, так же, как и Лесков, опираясь на «Пролог» и «Четьи-Минеи», накануне глобальных исторических потрясений начала XX века писал «народные рассказы» и «Круг чтения», апеллируя прежде всего к народному читателю и его нравственному чувству. В наши «последние времена» Крупин считает необходимым донести до своих читателей предания о тех, «кто прежде всего думал не о себе, а о Боге и любимом своем Отечестве, о нашей Державе, о нашем государстве Российском, о нас с вами». В книге «Русские святые» тема Куликовской битвы представлена в двух житийных рассказах, посвященных двум главным ее героям – Сергию и Дмитрию.

Прежде всего следует отметить, что отчасти В. Н. Крупин следует руслом «Истории» С. М. Соловьева и в рассказе о Сергии пишет: «Что это – главное событие Средних веков? А это Куликовская битва. И сейчас горделивая Европа не понимает, что такое Россия, остановившая нашествие кочевых диких племен. Что было бы с Европой, если бы в 1380 году на поле Куликовом... русские войска не остановили полчища Мамай? Россия была спасена сражением в сентябре этого года, в день Рождества Пресвятой

богородицы». В рассказе о Дмитрии Донском подтверждается: «Куликовская битва была самой великой битвой русского и общеевропейского Средневековья» [2, с. 111, 118]. И все-таки Крупину дано в еще большей мере, чем предшественникам – Шмелеву и Зайцеву – понять глубинный, историософский и религиозный смысл Куликовского сражения и передать его гораздо более лаконично и выразительно. Зайцев, говоря о Куликовском сражении, использовал элементы научного и публицистического стиля. Шмелев прибег к условно-метафорическому стилю и фантастике. Крупин же стремится воздействовать на читательское восприятие короткими фразами, его повествование конкретно, предметно, насыщено необычными, но ясными метафорами и символическими подробностями. При этом художественное целое у Крупина строится как цикл мелких зарисовок, «крупинок», каждая из которых имеет емкое название: эпизод гадания Дмитрия Волынского «по приметам», когда воевода слышит шум в татарском лагере и необыкновенную тишину в русском, называется «Тишина русского поля»; рассказ про засадный полк озаглавлен «Вихрь возмездия».

Выразительность первоисточника подчас усиливается писателем за счет композиционных перестановок, «дописывания» и домысливания отдельных сцен и эпизодов. Так, например, в древнерусском «Сказании о Мамаевом побоище» имеется фрагмент о том, как принималось решение о переправе войска Дмитрия через Дон. Оно стало результатом совета Дмитрия с воеводами: «Если хочешь твердого войска, то прикажи за Дон перейти, чтобы не было ни у одного мысли об отступлении; о великой же силе врага не раздумывай, ибо не в силе бог, но в правде: Ярослав, перейдя реку, Святополка победил, прадед твой, князь великий Александр, Неву-реку перейдя, короля победил, и тебе, призывая Бога, следует то же сделать. ...И князь великий приказал войску всему через Дон переправляться»; то же читаем в летописной повести о битве: «И приказал мосты мостить на Дону и броды разыскивать» [3, с. 163, 121].

Крупин озаглавливает этот эпизод так: «Мосты сожжены. Отступать некуда». Сюжетный ход «мосты мостить» трансформируется в метафору «сжечь мосты», а метафора, в свою очередь, реализуется у Крупина в движении сюжета: «Димитрий приказал переходить Дон. Когда войско перешло, он велел сжечь мосты» [2, с. 123]. Чтобы оценить тонкость художественного мышления Крупина, его обращения со словом, нужно учитывать, что упоминания о сожженных мостах нет в источниках.

По-своему компоует Крупин мотивы, связанные с молитвами героев. Например, в «Сказании» Дмитрий обращается к Богу: «...помоги мне, как Моисею на амалекитян, и как старому Ярославу на Святополка, и прадеду моему великому князю Александру на похвалявшегося короля римского, пожелавшего разорить отечество его (...), чтобы не издевались над нами враги наши, не говорили страны неверных: «Где же бог, на которого они так надеялись?»» Воин Пересвет перед схваткой с Челубеем говорит: «Игумен Сергей, помоги мне молитвою!» Наконец, все войско восклицает единогласно: «С нами бог!» – и еще: Боже христианский, помоги нам!» [3, с. 171, 175, 177].

Крупин же обобщает все эти высказывания и восклицания и помещает их в композиционный центр своего рассказа: «Велик Бог христианский, – воскликнул Пересвет, – и велика крепость его!» [2, с. 124]. Знаменитая фраза, приписанная Крупиным Пересвету и ставшая в истории русской литературы национальным топосом (термин А. М. Панченко), в летописной повести (именно в нем, а не в «Сказании») о Мамаевом побоище произносится Мамаем при виде помогающего войску Дмитрия небесного воинства во главе с Борисом и Глебом. В древнерусском тексте она свидетельствует об ужасе, испытанном «нечестивым сыродядцем», о признании им своего поражения. У Крупина данная фраза выражает авторскую концепцию всей битвы и подвига Дмитрия Донского: на Куликовом поле решается судьба русского православия, Святой Руси как самостоятельного государства. Налицо художественный вымысел, соответствующий идее автора.

Еще один яркий пример композиционной перестановки в книге Крупина касается мотивировки поведения воинов Дмитрия на Куликовом поле. В критический момент, когда русские готовы дрогнуть под напором татар, автор летописной повести приводит слова старинного поучения: «Братья, потерпим немного, зима люта, но рай сладок; и страшен меч, но славен венец» [3, с. 125]. Крупин исключает из своего лаконичного повествования о ходе боя эту «боковую» сюжетную ветвь, но слова поучения (с некоторой вариацией) воспроизводит в своей книге в другом фрагменте – в рассказе о Сергии. Он вкладывает их в уста Сергия, воспитывающего свою паству – тех самых русских людей, которые будут сражаться с Мамаем: «“Люты скорби, но сладок рай, тяжелы труды, но велика награда” – такие слова произносил преподобный, утешая братию монастыря» [1, с. 110]. Тем самым писатель переносит основной смысловой акцент на духовную сущность самой эпохи Куликовской битвы, выражая свою позицию не только

на уровне авторского комментария, но и на сюжетно-композиционном уровне всей книги как целого. «Смысловое ударение» на проблеме веры, понимание веры как необходимого условия спасения души и спасения Отечества – это и есть главный жанровый признак житийного рассказа (а вовсе не «жизнеописательный дискурс», как полагают некоторые ученые).

Кроме того, Крупин сохраняет логику древнерусского «Сказания», лейтмотивом которого становится исподволь выявляющаяся роль Сергия – ненавязчивая, незаметная, но в конце концов определяющая исход событий. Так, например, выразительно показывает древнерусский автор посещение Дмитрием Сергия перед походом: «По окончании же литургии просил святой Сергий со всею братьею великого князя, чтобы откушал хлеба в доме живоначальной Троицы, в обители его. Великий же князь был в замешательстве, ибо пришли к нему вестники, что уже приближаются поганые татары, и просил он преподобного, чтобы его отпустил. И ответил ему преподобный старец: “Это твое промедление двойным для тебя поспешеньем обернется. Ибо не сейчас еще, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся”». Сергий предсказывает победу и призывает к молитве (как и лирический герой А. Блока): «Пойди, господин, на поганых половцев, призывая Бога, и господь бог будет тебе помощником и заступником»; «Победишь, господин, супостатов своих, как и подобает тебе, государь наш». Важнейшее деяние Сергия – благословение, данное Александру Пересвету и Андрею Ослябе, присоединиться к воинству Дмитрия. Преподобный дал им «вместо оружия тленного нетленное – крест Христов, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золоченых возлагать его на себя».

Отражение общественного мнения о роли Сергия можно видеть в изумленных размышлениях Олега Рязанского: «Думал я по старинке, что не следует русским князьям на восточного царя подниматься, а теперь как все это понять? И откуда князю помощь такая пришла, что смог против нас трех подняться? Отвечали ему бояре его: “... в вотчине его, близ Москвы, живет монах, Сергием зовут, весьма прозорлив он. Тот сверх меры и вооружил его, и из своих монахов дал ему помощников” [3, с. 147, 157]. Все эти мотивы использует в своем повествовании Крупин, komponуя их вокруг центрального, доминирующего высказывания Сергия: “Люты скорби, но сладок рай, тяжелы труды, но велика награда”».

Наконец, обратим внимание на роль пейзажа в древнерусском «Сказании о Мамаевом побоище» и в произведении Крупина. Эта роль также

обусловлена жанровыми требованиями житийного рассказа как рассказа прежде всего о вере. В «Сказании» природа покровительствует русским, радуется их накануне сражения, то есть в самый драматический момент, когда наступает просветление духа каждого православного: «Осень тогда затянулась и днями светлыми еще радовала, была и в ту ночь теплынь большая и очень тихо, и туманы от росы встали. Ибо истинно сказал пророк: «Ночь не светла для неверных, а для верных она просветленная» [3, с. 167]. Крупин усиливает эту подробность и дает описание осени, которая превращается для Руси в весну, ибо сопутствует победе русских и возрождению русского духа. Писатель посвящает этой подробности отдельный фрагмент и озаглавливает его так: «Золотая осень». Возникает яркий поэтический сюжет: «Солнце сияло в ту осень как весеннее. Стояли радостные, золотые дни, когда русское войско возвращалось в Москву... Москва встречала колокольным звоном, крестными ходами...» [2, с. 126]. Поистине картина почти пасхальная, важнейшая с точки зрения поэтики житийного рассказа.

Выводы. Итак, Куликовская битва и ее герои в книге В. Крупина предстают в своей духовно-религиозной, а не политической, нравственной, социальной сущности, и художественная система писателя подчинена этой задаче. Включая в себя свободные композиционные решения, оксюморонные сочетания, «пересоздание» конкретно-исторической реальности и ее трансформацию в «высшую реальность» духа, в «высшую реальность» национальной топики, эта система выходит за пределы классического реализма и соответствует скорее направлению и методу «духовного реализма» [4; 5], а сам В. Н. Крупин принадлежит к писателям-«почвенникам», «указывающим духовный путь русскому народу» [6, с. 87].

Список использованных источников

1. Кожин, В. В. «Монгольская эпоха» в истории Руси и истинный смысл и значение Куликовской битвы / В. В. Кожин // История Руси и русского слова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 363–422.
2. Крупин, В. Н. Русские святые / В. Н. Крупин. – М. : РОСМЭН-ПРЕСС, 2003. – 320 с.
3. Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / вступ. статья Д. С. Лихачева ; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. – 606 с.

4. Редькин, В. А. Вячеслав Шишков: Новый взгляд / В. А. Редькин. – Тверь : ТОКЖИ, 1999. – С. 36–82.

5. Редькин, В. А. Духовный реализм как художественный метод современной литературы / В. А. Редькин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018. – № 1. – С. 71–78.

6. Редькин, В. А. Роль «Слова о Законе и Благодати» Илариона в поэме-цикле Ю. П. Кузнецова «Путь Христа» / В. А. Редькин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2010. – № 21. – Вып. 5. – С. 81–87.

7. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев. – М. : Изд-во соц.-экон. литер., 1963. – Кн. 2. – 786 с.

Поступила в редакцию 12.11.2025

АББРЕВИАТУРЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ТАКСОНОМИИ И НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ

О. В. Сергушкова,

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического
университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: sergushkova_olga@mail.ru,

Т. А. Зубрицкая,

учитель русского языка и литературы
ГУО «Птичская средняя школа»,
аг. Птичь, Петриковский р-н, Республика Беларусь
E-mail: tanusha_zubritskaya@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее распространённые лексико-тематические группы аббревиатур на страницах современных газет. Представленная таксономия сложносокращённых слов отражает количество и способы выражения компонентов их структуры. С применением описательного и трансформационного методов выявляются дифференциальные признаки аббревиатуры как языковой единицы. Отмечается, что отдельную группу составляют иноязычные аббревиатуры, которые классифицируются по графическому оформлению.

Ключевые слова: сложносокращённые слова, таксономия, лексико-тематические группы, референция, дифференциальные признаки, компрессия, иноязычные аббревиатуры.

ABBREVIATIONS FROM THE PERSPECTIVE OF THEIR ORIGIN, TAXONOMY AND NOMINATION OF OBJECTS

O. V. Sergushkova, T. A. Zubritskaya

This article examines the most common lexical and thematic groups of abbreviations found in modern newspapers. The presented taxonomy of

abbreviated words reflects the number and methods of expressing their structural components. Using descriptive and transformational methods, the distinctive features of abbreviations as linguistic units are identified. It is noted that foreign-language abbreviations constitute a separate group, classified by their graphic design.

Keywords: complex abbreviations, taxonomy, lexical-thematic groups, reference, differential features, compression, foreign-language abbreviations.

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена несколькими причинами: 1) нарастающей потребностью анализа специфики аббревиатур для решения проблем в области дериватологии, стилистики, лексикографии; 2) недостаточным изучением вопроса языковой квалификации сложносокращённых слов (принадлежности к той или иной общеизвестной совокупности языковых единиц), их структуры и таксономии, а также словообразовательной характеристики, семантики и употребления; 3) особой ролью аббревиатур в структурировании газетно-публицистического дискурса, его коммуникативно-прагматических составляющих; в понимании механизмов кодирования и декодирования информации и участия в них сложносокращённых слов как средств смысловой компрессии; 4) необходимостью дальнейшего изучения явления аббревиации как перспективного направления с целью расширения знаний общетеоретического характера и формирования языковой и коммуникативной компетенций.

Цель и задачи. Цель данного исследования – изучить особенности употребления сложносокращённых слов в современных газетных текстах и представить таксономию аббревиатур с учётом их тематики, а также количества и способов выражения компонентов структуры. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) рассмотреть аббревиатуры в газетных текстах в лексико-тематическом аспекте;

2) выявить основные дифференциальные признаки аббревиатуры как языковой единицы;

3) проанализировать иноязычные аббревиатуры по характеру графического оформления;

4) привести количественные показатели, свидетельствующие о частоте распространения аббревиатур на страницах газет.

Методы исследования. В работе применялись следующие методы исследования, соответствующие особенностям изучаемого предмета:

описательный метод и метод классификации, элементы трансформационного, семантико-стилистического и коммуникативно-прагматического анализов, а также количественного подсчёта.

Материал для исследования был получен методом свободной выборки из текстов газет на русском языке, изданных в период с 2023 по 2025 гг.: «СБ. Беларусь сегодня», «АиФБ – Аргументы и факты в Белоруссии», «Жыццё Палесся» и др. Картотека составляет 960 аббревиатур.

Результаты исследования и их обсуждение. Результатом исследования являются следующие положения и выводы.

1. Исследования в области аббревиации показывают, что процессы формирования тематической классификации сложносокращённых слов тесно связаны с историческим контекстом их возникновения и распространения. В разные исторические периоды наблюдались изменения в тематической направленности аббревиатур, что позволяет говорить о динамике и закономерностях их развития. Следует отметить, что система классификации аббревиатур формировалась под влиянием экстралингвистических факторов – актуальных социально-экономических, политических, культурных и др. задач общества. В условиях стремительно растущего объёма информации и увеличивающихся темпов жизни сложносокращённые слова становятся не только важными, но и необходимыми языковыми маркерами во всех сферах человеческой деятельности.

Лексико-тематическое разнообразие аббревиатур представлено в работах Д. И. Алексеева [1], В. П. Антонова [2], Т. П. Павлюк [3] и др. По мнению Н. С. Соловьёвой, в тематических классификациях сложносокращённых слов можно выделить *ядерные* тематические группы, объединённые общей темой и являющиеся основополагающими. К таким, например, относятся: сфера госуправления, экономика и финансы, правовая сфера, наименования различных средств массовой информации, медицина и т. п. [4, с. 107].

На основе проанализированного материала нами было выделено несколько наиболее распространённых лексико-тематических групп, включающих характерные аббревиатуры.

1. Политика и экономика – *ГД* ← Государственная Дума (СОЮЗ, 06.06, 2025), *СВР* ← Служба внешней разведки (БС, 21.03, 2024), *ОДКБ* ← Организация Договора о коллективной безопасности (БС, 18.12, 2024), *МИНГАЗ* ← Минское городское производственное объединение газового хозяйства (БС, 20.11, 2024), *ЭКС* ← Экспертно-консультативный совет при

президиуме Совета Республики (БС, 19.03, 2025), *МПА* ← Межпарламентская Ассамблея (БС, 18.12, 2024), *АПА* ← Азиатская Парламентская Ассамблея (БС, 31.01, 2025);

2. Право и закон – *СК* ← Следственный комитет (БС, 21.03, 2024), *ГУВД* ← Главное управление внутренних дел (БС, 16.08, 2024), *РУВД* ← Районное управление внутренних дел (БС, 21.03, 2024), *УГАИ* ← Управление государственной автомобильной инспекции (БС, 21.03, 2024), *ОМОН* ← Отряд милиции особого назначения (БС, 21.03, 2024), *МВД* ← Министерство внутренних дел (БС, 21.03, 2024);

3. Промышленность, строительство, заводы – *ВДНХ* ← Выставка достижений народного хозяйства (СОЮЗ, 23.02, 2024), *ДСТ* № 3 ← Дорожно-строительный трест № 3 (БС, 27.05, 2025), *БЦК* ← Белорусская цементная компания (БС, 06.08, 2024), *РУПП* «Гранит» ← Республиканское унитарное производственное предприятие (БС, 06.08, 2024), *Могилёвлифтомаш* ← Могилёвские лифтовые машины (СОЮЗ, 11.04, 2025), *БЕЛАЗ* ← Белорусский автомобильный завод (СОЮЗ, 06.06, 2025);

4. Техника – *УСМ-1* ← упаковщик силосно-сенажной массы (БС, 28.02, 2025), *МТУ-18* ← машина для внесения твёрдых органических удобрений (БС, 28.02, 2025), *РУ-8* ← распределитель минеральных удобрений (БС, 28.02, 2025), *ИУВЗ-20М* ← измельчитель-упаковщик влажного зерна (БС, 28.02, 2025);

5. Организации, общества, объединения, союзы – *ОАО «Спецжелезобетон»* ← Открытое акционерное общество «Специальный железобетон» (БС, 06.08, 2024), *ООН* ← Организация Объединённых Наций (СБ-тенденции, 13.02, 2025), *ОБСЕ* ← Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБ-тенденции, 13.02, 2025), *НЦЗПД* ← Национальный центр защиты персональных данных (АиФБ, № 28, 2023), *АКОРТ* ← Ассоциация компаний оптовой розничной торговли (СОЮЗ, 06.06, 2025), *АКИТ* ← Ассоциация компаний интернет-торговли (СОЮЗ, 06.06, 2025);

6. Банки – *Нацбанк* ← Национальный банк (БС, 19.10, 2024), *Белинвестбанк* ← Белорусский банк развития и реконструкции (дословно – Белорусский инвестиционный банк) (БС, 19.10, 2024), *ВТБ* ← Внешнеторговый банк (АиФБ, № 8, 2024);

7. Медицина – *МНПЦ* ← Минский научно-практической центр хирургии (БС, 31.01, 2024), *ЭКМО* ← экстракорпоральная мембранная оксигенация (БС, 09.02, 2024), *СанНииП* ← санитарно-эпидемиологические

нормы и правила (АиФБ, № 37, 2024), **ГИНЗ** ← Государственный институт народного здравоохранения (АиФБ, № 43, 2024), **ПП** ← правильное питание (БС, 21.06, 2025);

8. Образование – **ГомГМУ** ← Гомельский государственный медицинский университет (БС, 23.03, 2025), **вуз** ← высшее учебное заведение (БС, 23.03, 2025), **БГУ** ← Белорусский государственный университет (БС, 22.03, 2024), **БГЭУ** ← Белорусский государственный экономический университет (БС, 22.03, 2024), **БНТУ** ← Белорусский национальный технический университет (БС, 22.03, 2024), **БИСИ** ← Белорусский институт стратегических исследований (БС, 21.03, 2024), **БРУ** ← Белорусско-Российский университет (БС, 24.01, 2025);

9. Наука и искусство – **НИОКР** ← научно-исследовательские конструкторские разработки (СБ-тенденции, 13.02, 2025), **худсовет** ← художественный совет (БС, 26.04, 2025), **ЛГИТМиК** ← Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (СОЮЗ, 26.04, 2024), **НХМ** ← Национальный художественный музей (СОЮЗ, 07.05, 2025), **НЦСИ** ← Национальный центр современных искусств (СОЮЗ, 04.04, 2025), **БСХ** ← Белорусский союз художников (БС, 15.02, 2025), **КЗ** ← концертный зал (БС, 10.09, 2024), **УНОВИС** ← авангардное художественное объединение «Утвердители **НОВО**го **ИСК**усства» (БС, 19.10, 2024);

10. СМИ – **МТРК** ← Межгосударственная телерадиокомпания (БС, 22.03, 2024), **БЕЛТА** ← Белорусское телеграфное агентство (БС, 06.07, 2025), **ПВТ** ← Парк высоких технологий (АиФБ, № 43, 2024), **СТВ** ← Столичное телевидение (БС, 06.06, 2025);

11. Космос – **МКС** ← Международная космическая станция (БС, 26.03, 2024), **ЦУП** ← Центр управления полётами (БС, 26.03, 2024), **NASA** ← Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (англ. National Aeronautics and Space Administration) (БС, 26.03, 2024);

12. Информационные технологии – **НЦОТ** ← Национальный центр обмена трафиком (БС, 07.05, 2024), **VPN** ← Виртуальная частная сеть (БС, 21.03, 2024), **ДРА** ← Deutsche Presse-Agentur – немецкое информационное агентство (БС, 21.03, 2024);

13. Спорт – **МОК** ← Международный олимпийский комитет (АиФБ, № 3, 2024), **УЕФА** ← Союз европейских футбольных ассоциаций (АиФБ, № 3, 2024), **ФИФА** ← Международная федерация футбола (АиФБ, № 10,

2024), **АБФФ** ← Ассоциация «Белорусская федерация футбола» (БС, 19.02, 2025).

Распространение аббревиатур в газетно-публицистическом дискурсе напрямую связано с актуальностью определённых тематических областей для общества. Политические и экономические темы всегда находятся в центре внимания, что способствует активному внедрению новых аббревиатур, отражающих динамику данных областей. Так, в общественно значимых газетных текстах регулярно появляются новые сокращения, связанные с экономикой и политикой. Это обусловлено прагматическими установками коммуникантов – потребностью в быстроте кодирования и декодирования информации. Однако отсутствие расшифровки, особенно для «редких» аббревиатур, затрудняет и замедляет процесс смыслового распознавания.

2. Аббревиатуры связаны между собой отношениями от низшего к высшему, т. е. являются членами таксономии. В Большом лингвистическом словаре В. Д. Старичёнка даётся следующее её определение: «... (греч. *taxis* – построение, расположение, порядок; *nomos* – закон) – систематизация, классификация языковых единиц, предполагающая иерархию категорий (таксонов) от низшего к высшему, от вида к роду» [5, с. 636].

В настоящей работе предлагается таксономия аббревиатур, соответствующая видо-родовой иерархии категорий (таксонов), на основе следующих критериев: 1) по количеству компонентов – двухкомпонентные (включающие 2 компонента) и многокомпонентные (состоящие из 3-х и более компонентов), которые в свою очередь делятся на аббревиатуры без пропуска компонентов и аббревиатуры с пропуском компонентов; 2) по способу выражения компонентов как языковых единиц – звуковые, буквенные, слоговые и смешанные, имеющие следующие разновидности: буквенно-звуковые, буквенно-слоговые, звуко-слоговые, буквенно-звуко-слоговые, буквенно-лексемные, звуко-лексемные, слоги-лексемные.

Самыми частотными среди аббревиатур по способу выражения компонентов оказались **смешанные**: **госслужба** ← государственная служба (БС, 21.02, 2025), **химанализ** ← химический анализ (БС, 12.02, 2025), **химпродукты** ← химические продукты (БС, 12.02, 2025), **фармпродукция** ← фармацевтическая продукция (БС, 24.01, 2025), **Евросоюз** ← Европейский союз (Евросоюз, ЕС) – экономическое и политическое объединение 27 европейских государств (АиФБ, №12, 2019), **Метрогипротранс** ← Государственный проектно-изыскательский институт по строительству метрополитена и транспортных сооружений – ведущая российская проектно-

изыскательная компания по созданию объектов транспортной инфраструктуры и подземных сооружений (СОЮЗ, 10.01, 2025). На наш взгляд, расшифровка последней аббревиатуры, предлагаемая в Википедии, не совсем грамматически корректная, так как содержит дополнительную информацию об объекте, не представленную в структуре сокращённых элементов аббревиатуры, и выглядит достаточно громоздкой. Мы предлагаем альтернативный вариант расшифровки как более удобный, лаконичный, в котором отражается функция смысловой компрессии сложносокращённых слов: **Метрогипротранс** ← Государственный институт проектирования транспорта для метро.

На втором месте по степени распространённости находятся **слоговые аббревиатуры**, представленные в разных лексико-тематических группах. Н-р: **жилстрой** ← жилищное строительство (БС, 12.02, 2025), **Минлескхоз** ← Министерство лесного хозяйства (БС, 29.06, 2024), **Центризбирком** ← Центральная избирательная комиссия (БС, 12.07, 2025).

Проанализированные тексты газет содержат примерно равное количество **буквенных** (1) и **звуковых** (2) аббревиатур: 1) **ГК** ← гражданский кодекс (АиФБ, № 2, 2022), **РККА** ← Рабоче-крестьянская Красная армия (АиФБ, № 12, 2019), **ТЦСОН** ← территориальный центр социального обслуживания населения (АиФБ, № 2, 2022), **ДССП** ← дом совместного самостоятельного проживания (АиФБ, № 12, 2019), **РСЦ** ← расчётно-справочный центр по месту прописки (АиФБ, № 41, 2020), **ПСА** ← простатический специфический антиген – белок, который попадает в кровоток после появления опухоли (АиФБ, № 10, 2022); 2) **РУП** ← республиканское унитарное предприятие (АиФБ, № 41, 2020), **КУП** ← коммунальное унитарное предприятие (АиФБ, № 41, 2020), **БРИКС** ← Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка (т. е. **С**) (СОЮЗ, 10.01, 2025), **РОЧС** ← районный отдел по чрезвычайным ситуациям (БС, 12.07, 2025), **ШОС** ← Шанхайская организация сотрудничества (БС, 14.03, 2025), **НАН** ← Национальная академия наук (БС, 24.01, 2025), **СЭЗ** ← свободная экономическая зона (БС, 12.02, 2025).

Следующие примеры демонстрируют комбинации вышеперечисленных таксономических признаков: **Мингорисполком** ← Минский городской исполнительный комитет – многокомпонентная, слоговая (АиФБ, № 45, 2023), **Минобороны** ← Министерство обороны – двухкомпонентная, слого-лексемная (АиФБ, № 45, 2023), **Белтехосмотр** ← Белорусский технический осмотр – многокомпонентная, слого-лексемная (АиФ, № 45, 2023), **БелВТИ** ←

Белорусская вычислительная техника и информатика – многокомпонентная, звуковая (БС, 09.11, 2024).

3. Анализируя язык современных русскоязычных газет, отметим заметно увеличившуюся в них частотность заимствованных аббревиатур, полностью или частично не освоенных русским языком, исключая их некоторую фонетическую приспособленность к заимствующему языку: данные языковые единицы читаются в соответствии с особенностями русской орфоэпии. Они часто даются не только без перевода, но и без каких-либо комментариев. Между тем хотя бы краткое сообщение об их референции усилило бы аргументативность высказываний и расширило информационное поле публикации.

Данные аббревиатуры можно разделить на три группы по графическому оформлению.

Группа А – аббревиатуры, которые оформлены латиницей. Чаще всего при употреблении слова из этой группы в статье даются сведения о референте, который обозначен данной лексемой. Это мотивирует то значение, которое реализуется в контексте. Н-р: **CAR-T** ← химерный антигенный рецептор (англ. Chimeric Antigen Receptor T-cell) (БС, 24.01, 2025), **USB** ← универсальная последовательная шина (англ. Universal Serial Bus) (СОЮЗ, 10.01, 2025), **GB/T** ← рекомендованные стандарты Китайской Народной Республики (кит. Guojia Biaozhun) (БС, 20.12, 2024), **FMEA** ← анализ видов и последствий отказов (англ. failure mode and effects analysis) (БС, 18.07, 2025), **IT** ← информационные технологии (англ. Information Technology) (БС, 18.07, 2025), **TSMC** ← Тайваньская полупроводниковая производственная компания (англ. Taiwan Semiconductor Manufacturing Company) (БС, 02.03, 2024), **AKPV** ← вирус «аляскапоке», схожий с оспой (англ. Alaskapox virus) (АиФБ, №8, 2024), **SMS** ← служба коротких сообщений (англ. Short Message Service) (АиФБ, № 33, 2023).

Группа Б – аббревиатуры, которые оформлены латиницей, но в той же газете могут также передаваться кириллицей как графические аналоги не полностью освоенных в русском языке иноязычных речевых единиц. Н-р: **NASA** ← Национальное управление по аэронавтике и исследованиям космического пространства (англ. National Aeronautics and Space Administration) (АиФБ, № 12, 2019). Русскоязычный вариант аббревиатуры – **НАСА**. **SARS-COV-2** ← оболочечный одноцепочный (+) РНК-вирус, относящийся к подроду Sarbecovirus рода Betacoronavirus. Атомарная модель коронавируса SARS-CoV-2 – коронавирусная инфекция (англ. Severe acute

respiratory syndrome-related coronavirus 2) (АиФБ, № 41, 2020). Русскоязычный вариант аббревиатуры – **КОВИД**. **MERS** ← ближневосточный респираторный синдром (англ. Middle East Respiratory Syndrome, MERS) (АиФБ, № 3, 2021). Русскоязычный вариант аббревиатуры – **БВРС**.

Группа В – аббревиатуры, которые в одной языковой единице передаются буквами и русского, и латинского письма. Н-р: **LED-лампы** ← светодиодные лампы (англ. Light-Emitting Diode – светоизлучающий диод) (Беларусь сегодня, 09.11, 2024), **QR-код** ← новый обязательный элемент наклеек, отображающий класс энергоэффективности бытовой техники (АиФБ, № 12, 2019), **IQ-тест** ← коэффициент интеллекта (англ. IQ – intelligence quotient, читается «ай кью») – количественная оценка уровня интеллекта человека (коэффициент умственного развития) (АиФБ, № 1, 2022), **VIP-лайнер** ← самолет, предназначенный для VIP-пассажиров, предоставляющий особые удобства и сервис (англ. VIP – «Very Important Person» – очень важная персона) (АиФБ, № 12, 2019).

Выводы. Сложносокращённые слова активно используются в различных сферах человеческой деятельности и широко представлены в разнообразных лексико-тематических группах (политика и экономика, право и закон, наука и искусство, медицина и др.).

Аббревиатуры обладают набором дифференциальных признаков. Проанализированный материал даёт основания утверждать, что аббревиатуры являются членами таксономии и находятся в иерархических отношениях друг с другом. Нами были выделены следующие виды аббревиатур: по количеству компонентов – *двухкомпонентные (432)*, *многокомпонентные (528)*; по способу выражения их компонентов как языковых единиц – *звуковые (220)*, *буквенные (200)*, *слоговые (260)*, *смешанные (280)* и др. Исследованные единицы подтверждают вывод о полевой природе аббревиации.

Популярность аббревиации связана с актуальной для современного общества тенденцией к универсализации, проявляющейся и на уровне унификации языковых средств выражения смысла. В то же время, как отмечают исследователи, «аббревиатуры создаются сокращением материальных единиц производящего комплекса и конденсацией, уплотнением, но не сокращением его семантики» [6].

Список использованных источников

1. Алексеев, Д. И. Сокращённые слова в русском языке / Д. И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1979. – 328 с.

2. Антонов, В. П. Тематические сферы функционирования инициальных, слоговых и смешанных аббревиатур в современном русском языке / В. П. Антонов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2013. – № 4. – С. 27–33.

3. Павлюк, Т. П. Структурно-семантические особенности аббревиатур в современном публицистическом тексте / Т. П. Павлюк, А. И. Якоби // Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 2. – С. 55–64.

4. Соловьёва, Н. С. Аббревиатуры в интернет-СМИ: функционально-тематический аспект / Н. С. Соловьёва, В. В. Катермина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 3. – С. 104–116.

5. Старичёнок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.

6. Шадыко, С. Аббревиатуры в русском языке (в сопоставлении с польским) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шадыко Станислав ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2000. – 45 с.

Поступила в редакцию 05.11.2025

**ХРАНОНИМЫ ЯК МАРКЁРЫ-ІДЭНТЫФІКАТАРЫ
НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫХ РЭАЛІЙ
У ПАЭТАНІМІКОНЕ МІКОЛЫ МЯТЛІЦКАГА**

В. Р. Слівец,

кандыдат філалагічных навук, начальнік навукова-даследчага сектара
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,

г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

E-mail: olgaslivets@mail.ru

У артыкуле на матэрыяле паэтанімікона Міколы Мятліцкага разглядаюцца функцыі і спецыфіка выкарыстання хранонімаў як назваў свят народнага календара беларусаў, акрэсліваецца роля гэтых адзінак намінацыі ў адлюстраванні нацыянальна-культурных рэалій, народных традыцый і ўяўленняў жыхароў палескага рэгіёна.

Ключавыя словы: мастацкі кантэкст, народны каляндар, паэтонім, паэтанімікон, хранонім.

**CHRONONYMS AS MARKERS-IDENTIFIERS OF NATIONAL-
CULTURAL REALITIES IN THE PAETONYMICON OF MYKOLA
MYATLITSKY**

V. R. Slivets

The article deals with the poetonymicon of Mikola Myatlitsky, the author reveals the functions and usage peculiarities of chrononyms as names of holidays in the folk calendar of Belarusians, and outlines the role of such nominatiois in reflecting national and cultural realities, folk traditions, and ideas of the Polesie region inhabitants.

Keywords: artistic context, folk calendar, paetonym, paetonymicon, chrononym.

Уводзіны. Паводле вызначэння фалькларыстаў і этнографістаў, “народны каляндар – адна з першасных форм духоўнага жыцця чалавека, звязаная з яго памяццю і свядомасцю, сістэма сталых ці рухомых свят, прысвяткаў, абрадаў, гульняў, звычаяў, што замацаваны ў быццё і фальклору праз спалучэнне

язычніцкіх і хрысціянскіх кампанентаў; <...> утрымлівае традыцыйныя феналагічныя, метэаралагічныя, аgramамічныя, астранамічныя, астралагічныя і іншыя каляндарныя веды, атрыманыя пераважна эмпірычным шляхам” [1, с. 21]. Спецыфіка беларускага народнага календара заключаецца ў тым, што ён адлюстроўвае вынікі сінтэзу працэсаў фалькларызацыі і хрысціянізацыі, якія і прывялі да ўтварэння народных свят і прысвяткаў з характэрнымі назвамі-хранонімамі (гэтыя адметнасці былі падрабязна прааналізаваны А. Лозкам і Н. Мазурынай [1, с. 23]).

З лінгвістычнага пункту гледжання хранонімы як адзін з разрадаў онімнай лексікі і сэння застаюцца недастаткова вывучанымі. Аднак нельга не адзначыць этналінгвістычную працу С. Талстой, накіраваную на даследаванне традыцыйнага народнага календара Палесся, у тым ліку і каляндарнай тэрміналогіі (назваў свят, значных дат, асобных дзён і перыядаў года) [2]. Аб’ектам навуковага апісання С. Рэмера стала руская хранонімная лексіка, але з выкарыстаннем матэрыялаў палескай (рускай, украінскай і беларускай) хрананіміі, як асобы клас уласных імёнаў, прызначэнне якіх звязана з адлюстраваннем імі асаблівасцей нацыянальнай гісторыі, культуры і побыту народа. Аналізуючы спецыфіку функцыянавання хранонімаў, ён разглядаў іх выкарыстанне ў газетнай перыёдыцы, літаратурных творах, размоўным маўленні і ў фальклоры [3]. Хранонімы як уласныя назвы аб’ектаў духоўнай культуры беларускай літаратуры XIX стагоддзя ў ліку іншых разрадаў прапрыяльнай лексікі вывучала Н. Сянкевіч [4]. У цэлым жа хранонімы (геартонімы) у літаратурнай анамастыцы даследаваны дастаткова фрагментарна, пераважна як частка перыферыйнага анамастыкону твораў асобных аўтараў [5; 6].

Як адзначаецца С. Талстой, тэрміналогія народнага календара носіць дыялектны характар і ўтрымлівае ў сабе царкоўныя паводле паходжання хранонімы, адаптаваныя і мадыфікаваныя, часта пад уздзеяннем народнай этымалогіі, і ўласна народныя назвы, якія ў мностве выпадкаў адлюстроўваюць міфарытуальны змест свята ці перыяда [2, с. 10]. Паводле С. Рэмера, хранонімы – гэта асобы разрад онімаў, кожны з якіх называе пэўны, храналагічна акрэслены адрэзак часу, суадносны з гістарычнай падзеяй (падзеямі) або які адлюстроўвае асаблівасці культуры і побыту народа ці чалавецтва ў цэлым, напрыклад *Каляды*, *Пятроўская эпоха*, *Масленіца* [7, с. 301]. Таму хранонімы як назвы народных свят і цікавяць нас у кантэксце нашага даследавання, бо выступаюць у якасці маркёраў-

ідэнтыфікатараў, якія ўказваюць на цэлы пласт экстралінгвістычнай культуры значнай і рэгіянальна адметнай інфармацыі.

Мэта і задачы. Мэтаю нашага даследавання стала апісанне функцый і спецыфікі выкарыстання хранонімаў (як назваў свят народнага календара беларусаў) у прасторы мастацкага тэксту на прыкладзе моватворчасці Міколы Мятліцкага. Дзеля дасягнення пастаўленай мэты запланавана вырашэнне наступных задач: а) ажыццявіць адбор хранонімаў з паэтанімікону М. Мятліцкага; б) прааналізаваць мастацкія кантэксты іх ужывання; в) акрэсліць ролю хранонімаў у адлюстраванні нацыянальна-культурных рэалій Палесся як малой радзімы М. Мятліцкага.

Метады даследавання. Крыніцамі адбору фактычнага матэрыялу паслужылі мастацкія тэксты паэтычных зборнікаў М. Мятліцкага “Чаканне сонца” (1995), “Жыцця глыбінныя віры” (2001), “Цяпло буслінага крыла” (2010), “Мой боль вырастае да зор: чарнобыльскія вершы” (2016). Былі выкарыстаны апісальна-інтэрпрэтацыйны і стылістычны метады вывучэння онімных адзінак у мастацкім тэксце, сабраных шляхам мэтавай выбаркі з паэтычных твораў М. Мятліцкага, здзейснены іх кантэкстуальны аналіз.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. У паэтаніміконе твораў М. Мятліцкага намі зафіксаваны наступныя хранонімы: *Дзяды, Каляды, Купалле, Куцця, Мікола, Радаўніца, Чысты чацвер, Усе Святыя, Узвіжанне, Яблычны Спас / Спас.*

Кожнаму храноніму адпавядае дэнатат з пэўнымі часавымі межамі, таму ў першую чаргу гэтыя ўласныя імёны з’яўляюцца адзінкамі катэгорыі часу. Напрыклад: *Іх дзеці, што тут нарадзіліся, ходзяць у школу, / Збіраюцца ў маі ісіці ў Варацец на Міколу* [8, с. 321]. Так, хранонім *Мікола*, матываваны антрапонімам (агіёнімам) – імем хрысціянскага святога *Мікалая Мірлікійскага*, больш вядомага ў народзе як *Мікалай Цудатворац, Мікалай Угоднік*. У беларускім народным календары *Мікола* адзначаецца двойчы – 22 мая і 19 снежня: “І Мікола зімовы, і Мікола летні як бы адкрывалі кожны свой сезон” [9, с. 324]. Відавочна, што ў прыведзеных радках з верша М. Мятліцкага ідзе размова пра *Міколу летняга*.

Тэмпаральная семантыка хранонімаў дапамагае суаднесці дзеянне з пэўным часам ці падзеямі, спрыяе стварэнню мастацкага вобраза. Параўн.: *У самы час Каляд захлюпала прырода, / Вятрыстаю рукой сцірае хмар свінец, / Змяшаліся ў адну чатыры поры года, / Нібыта настае біблейскі той канец* [10, с. 63]. У дадзеным прыкладзе аўтар засяроджвае ўвагу на неадпаведнасці пэўных прыродных з’яў з часам іх працякання, на які ўказвае

хранонім, узмацняючы такім чынам мастацкі вобраз: вядома, што *Каляды* прыпадаюць на самы халодны перыяд года – з 6 па 19 студзеня. Як гавораць у народзе, “Калядкі – добрыя святкі, але мароз пракляты”. Аднак тое надвор’е, якое апісана ў вершы, для гэтай пары нехарактэрна.

У вершы “Ваўкі” хранонім *Куцця* (*куцця* – рытуальная страва, што гатуецца на *Каляды* → *Куцця* – пярэдадзень калядных свят) таксама ўзнаўляе шэраг асацыяцый, звязаных з калядным перыядам: *Самотна нуднага выцця / Густую цемрань крояць зыкі. / – Не ў час выюць! / – Бы ўжо Куцця! – / Касцоў-начлежнікаў ускрыкі* [8, с. 120]. Пачатак *Каляд* прыпадае на канец шасцітыднёвага *Піліпаўскага посту*, калі, як заўважылі нашы продкі, ваўкі збіраюцца ў зграі і ў лесе становіцца асабліва небяспечна (нагадаем радок з паэмы Янкі Купалы “Курган”: *У піліпаўку воўк нема вые...*).

Выкліканыя хранонімамі тэмпаральныя асацыяцыі, у тым ліку ўскладненыя пэўным мастацкім кантэкстам, які актуалізуе шэраг фонавых ведаў, дапамагаюць канкрэтызаваць часавыя і прасторавыя каардынаты твора: *У той пракляты светам грозны год / На свет з’явіўся ён [пляменнік. – В. С.] у час Купалля, / Калі на рэчкі, жоўтыя ад ёду, / Свае вянкi пускала Беларусь* [11, с. 200]. Прыведзены радкі з верша “Чарнобыльскі ранак”, у якім онімы *Чарнобыль* і *Купалле* выступаюць маркёрамі часу і дапамагаюць чытачу дакладна вызначыць дату нараджэння пляменніка аўтара (і нават скласці меркаванні наконт яго далейшага лёсу), узнаўляючы шэраг агульнавядомых для кожнага беларуса фактаў і адпаведных канатацый (*Чарнобыль* → *аварыя на Чарнобыльскай АЭС* → *1986 год*; *Купалле* → *6–7 ліпеня*), бо чарнобыльская трагедыя была бязлітаснай, асабліва да жыхароў Палесся. Так, з наступных радкоў даведваемся: *Ён вырас пад наглядом медыцыны...* [11, с. 200].

Чарнобыльская тэма стала скразной у творчасці М. Мятліцкага, бо набыла асабістую значымасць: яго родная вёска Бабчын у выніку гэтай экалагічнай катастрофы была адселена ў месцы, не забруджаныя радыяцый, і з 2011 года ўвогуле спыніла сваё існаванне. Паводле ўспамінаў паэта, менавіта на *Узвіжанне* бабчынцы вымушаны былі пакінуць свае сялібы: “*27 верасня 1986 года Бабчын быў выселены. Якраз на святое Узвіжанне, рэлігійнае свята, якое адзначалася ў вёсцы штогод. У апошні раз перад развітаннем бабчынцы вынеслі сталы прама на вуліцу, выпілі горкую чарчыну ростані і выцерлі слёзы*” [12, с. 292]. Аб гэтым жа гаворыцца ў вершы “Год”: “*Нас высыляюць!*” *Неяк шпарка / Якісь чужак ідзе сялом. / У хаце кожнай за сталом / Узвіжання астача-чарка* [8, с. 107]. Сімвалічна,

што згодна з народнымі ўяўленнямі ў гадавым коле гэта свята вылучаецца “як дзень шляху ў вырай птушак і змей (а з імі і душаў продкаў)” [9, с. 516]. Між тым, у хрысціянскай традыцыі *Узвіжанне (Уздвіжанне Крыжа Гасподня)* з’яўляецца адным са значных свят у гонар Крыжа, на якім быў укрыжаваны Ісус Хрыстос, як сімвала выратавання чалавечага роду [9, с. 515].

Па ўсім відаць, што раней у Бабчыне *Узвіжанне* святкавалася даволі маштабна, верагодна, таму што ў гэты час асноўныя клопаты па зборы ўраджаю павінны былі скончыцца і пачынаўся восеньскі мясеад. Параўн.: *Узвіжанне – тыдзень гулянкі!* [8, с. 169]; у аднайменным вершы “*Узвіжанне*” свята персаніфікуецца і паўстае як “у вышыванкі досвета прыбранае”, “светлае, узрушлівае, п’янае” [11, с. 149]. Аднак у аўтарскім светаўспрыманні, змененым трагічнымі падзеямі 1986 года, гэты хранонім набывае канатацыі іншага характару, бо становіцца сімвалам выгнання з роднага дому: *Сягоння зноў Узвіжанне святое, / І сонца – вераснёвай зіхаты. / О, як балесна ведаць мне пра тое, / Што Бабчын мой бязлюдны і пусты, / Што некалі, было, у раз апошні, / На вуліцы павынесішы сталы, / Ён развітаўся воклічна-галосна, / Гасцям аддаўшы смутна чэсць хвалы* [8, с. 397].

Новыя сустрэчы з аднавяскоўцамі ў родным Бабчыне сталі магчымымі толькі на *Радаўніцу*, калі яны прыязджаюць, каб адведаць магілы родзічаў і свае апусцелыя хаты. У аўтабіяграфіі М. Мятліцкі піша: “*Вясной на радаўніцу з’язджаюцца ў вёску былыя яе жыхары – прыбіраюць магілы бацькоў і дзядоў, плачуць над імі не толькі на мёртвых, але і на жывых. Заглядваюць і ў свае хаты, і зноў плачуць у выстылых сценах. Ужо разумеюць – ніколі сюды не вярнуцца. Многія з параскіданых па ўсім свеце аднавяскоўцаў пажадалі, каб іх пахавалі на бабчынскіх могілках. Як не штогод паяўляюцца тут свежыя надмагільныя груды. Дазіметр паказвае на іх радыяцыю ў дзесяткі разоў меншую*” [12, с. 292].

Святкаванне *Радаўніцы* мае глыбокія язычніцкія карані і, як вядома, звязана з культам продкаў. У праваслаўнай традыцыі *Радаўніца* адзначаецца ў аўторак, на дзвяты дзень пасля *Вялікадня*, і прадугледжвае памінанне памерлых, наведванне могілак: *Ёсць добры звычай у жывых, / У даўняй прошласці заведзены: / Пад шум хвоек веснавых / Хадзіць да мёртвых у адведзіны* [11, с. 27]. У паэтычным зборніку М. Мятліцкага “*Цяпло буслінага крыла*” адразу два вершы маюць назву “*Радаўніца*”. Асноўная іх ідэя – захаванне памяці аб сваіх продках, “*памяці сэрца чалавечага*”,

падтрымання духоўнай еднасці і пераемнасці паміж пакаленнямі, каб у жыцця быў працяг: *Ты адпльвала ў вечным чаўне, / Хаду маю мерала небам, / Здаецца, шаптала з Вечнасці мне: / – Плакаць не трэба. / Бачыш, якою густой сцяной / Жыта наўзбоч каласуе* [11, с. 73].

Часткай велікоднай абраднасці таксама з’яўляецца *Чысты чацвер*: “У гэты дзень напярэдадні вялікага свята абавязкова наводзілі чысціню, каб увесь год потым было чыста: прыбіралі ў хаце і на падворку, мылі хлебную дзяжу” [9, с. 561]. Гэты звычай па-мастацку пераасэнсоўвае М. Мятліцкі ў вершы “*Чысты чацвер*”, зноў робячы акцэнт на важнасці захавання вопыту продкаў, усталяваных традыцый, якія паўплывалі на фарміраванне народнага менталітэту: *Ёсць даўняя звычка ў маіх землякоў: / У лазню збірацца у Чысты чацвер, / Дзе венік-хвастач дакранецца бакоў, / Як памяць радзімы – ёй толькі і вер. // <...> Мае землякі! Паляшукі наш лёс / Ўсіх еднасцю лучыць у Чысты чацвер. // <...> Вы рушыце з лазні ў чатыры бакі, / Уцісніце памяць у клеткі кватэр. / Зямныя багі – вы, мае землякі, – / Прачыстыя духам у Чысты чацвер* [8, с. 332–333].

Дзень Усіх Святых – свята памяці ўсіх ушанаваных хрысціянскай царквою святых. Праваслаўныя вернікі адзначаюць яго ў восьмую нядзелю пасля *Вялікадня*, каталікі – 1 лістапада. Прычым у каталіцкай традыцыі наступны дзень (2 лістапада) прысвечаны ўспаміну аб ўсіх памерлых, што супадае з *Восеньскімі Дзядамі* ў праваслаўных. У вершы М. Мятліцкага “*Дзяды*” якраз гаворыцца аб гэтай традыцыі: *На могілках, дзе жухлая трава, / З журбінай мёртвых сённа памянём. / Сыпучая магільная жарства / Сагрэта чуйнай памяці агнём* [13, с. 162]. У змадэляванай паэтам карціне свету сваіх землякоў-палешукоў феномен ушанавання памяці ўвогуле мае асобае аксіялагічнае значэнне як падмурак для захавання духоўнасці. Праз апісанне ўсталяваных рэгіянальна адметных урачыстасцей і абрадаў ён дэманструе народную светапоглядную канцэпцыю, якая базіруецца на гуманізме высокай ступені. Параўн.: *Усе Святыя! – кажжа горкі скон: / І той, хто рук зацягла тужыў жылы / І лёг пад покрыў стылае магільны / У старасці і хто у юні дзён / Сышоў сюды – навечна малады – / У раі пасвіць божыя авечкі. // <...> І, вершачы прысуд свой, скрушны лёс / Жывым суцешна кажжа: / – **Усе Святыя!*** [10, с. 275–276].

Спас, або *Яблычны Спас*, – старажытнае народнае свята земляробчага календара, звязанае з выспяваннем ураджаю (19 жніўня). У хрысціянскай традыцыі яно суадносіцца з *Праабражэннем Гасподнім*. З *Яблычным Спасам* звязана нямала народных павер’яў, адно з якіх апісаў і М. Мятліцкі: *Бабуля*

ніколі не ела яблык да **Спаса**, / Ушчувала і мяне, неслуха, / Калі ўрываўся ў хату / З поўнай пазухай Антосевых жытнікаў: / – Там, у Царстве Нябесным, / Бог абдзелиць яблыкамі / Тваю сястрычку... [8, с. 184]. І бабчынцы строга прытрымліваліся гэтага павер'я, з павагай ставячыся да сваіх памерлых родзічаў: *Каторы ўжо год / Сустракае душыная вуліца / Спас згоднай пакарай – / Ні яблыка не абарвана* [8, с. 185].

У народнай вусна-паэтычнай творчасці **Спас** нярэдка персаніфікуецца, падаецца антрапаморфна, бо лічыцца “надзейным апекуном і памочнікам селяніна ва ўсіх яго справах гэтай пары” [9, с. 486]. Падобнае чалавечае аблічча **Спас** набывае і ў вершах М. Мятліцкага: *Стары Спас / Жмурыць задаволена / Жоўтыя вочы...* [8, с. 185].

Вывады. Такім чынам, аналіз хранонімаў, адабраных з паэтычных тэкстаў М. Мятліцкага, дазваляе скласці дастаткова дакладнае меркаванне аб народных традыцыях яго малой радзімы, у якіх цесна перапляліся язычніцкія і хрысціянскія светапоглядныя ўяўленні, аксіялагічнай парадыгме, што грунтуецца на прынцыпах шанавання вопыту папярэдніх пакаленняў, пераемнасці і агульнага гуманізму.

У кантэксце мастацкага твора хранонімы, дзякуючы сваёй семантыцы і магчымасці ўзнаўляць у свядомасці рэцыпіента цэлы пласт фонавых ведаў, не толькі задзейнічаны ў стварэнні хранатопа, але выконваюць вобразастваральную функцыю, выступаюць адметным сродкам адлюстравання рэгіянальнасці, нацыянальна-культурных асаблівасцей народнага быцця.

Артыкул падрыхтаваны пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў па дагаворы № Г24М-047 ад 02.05.2024.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лозка, А. Ю. Беларуская фалькларыстыка: каляндар і каляндарна-абрадавая паэзія : вучэб.-метад. дапам. / А. Ю. Лозка, Н. Г. Мазурына. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мн. : БДПУ, 2015. – 124 с.
2. Толстая, С. М. Полесский народный календарь / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. – 600 с.
3. Реммер, С. А. Хронимы как особый разряд собственных имён : афтореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Реммер Сергей Андреевич ; Днепропетровск. нац. ун-т. – Днепропетровск, 2005. – 18 с.
4. Сянкевіч, Н. Уласныя назвы аб'ектаў духоўнай культуры ў беларускай літаратуры XIX ст. / Н. Сянкевіч // Этналінгвістыка і традыцыйная культура: дыяхранічны і сінхранічны аспекты міжмоўнага ўзаемадзення : зб.

наук. арт. / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад рэд. Т. М. Аліферчык, Г. В. Алексеевіч. – Мн. : Бел. навука, 2024. – С. 222–229.

5. Бут-Гусаім, С. Ф. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у мастацкіх творах берасцейскіх пісьменнікаў / С. Ф. Бут-Гусаім ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст : БрДУ, 2020. – 145 с.

6. Шур, В. В. Уласнае імя ў мастацкім тэксце : манагр. / В. В. Шур ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, УА “Мазыр. дзярж. пед. ун-т імя І. П. Шамякіна”. – Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2010. – 206 с.

7. Реммер, С. А. Национально-культурный компонент хронимов в русском языке / С. А. Реммер // Гуманитарный вестник Донецкого государственного педагогического университета им. В. Шаталова. – 2017. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 301–306.

8. Мятліцкі, М. Мой боль вырастае да зор : чарнобыльскія вершы / М. Мятліцкі. – Мн. : Бел. навука, 2016. – 429 с.

9. Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мн. : Беларусь, 2004. – 592 с.

10. Мятліцкі, М. Жыцця глыбінныя віры : Вершы і балады / М. Мятліцкі. – Мн. : Маст. літ., 2001. – 383 с.

11. Мятліцкі, М. Цяпло буслінага крыла : палескія вершы / М. Мятліцкі. – Мн. : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 208 с.

12. 3 росных сцяжын : аўтабіяграфіі пісьменнікаў Беларусі / уклад. М. Мінзер. – Мн. : Літаратура і Мастацтва, 2009. – 464 с.

13. Мятліцкі, М. Чаканне сонца : Вершы / М. Мятліцкі. – Мн. : Маст. літ., 1994. – 222 с.

Паступіў у рэдакцыю 14.11.2025

ИОСИФ БРОДСКИЙ – ТЕОРЕТИК ПОЭЗИИ

В. К. Харченко,

доктор филологических наук,
профессор Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: wera-kharchenko@mail.ru

В статье исследуется роль поэта Бродского в понимании специфики поэтического слова, подчёркивается значение Бродского как теоретика поэзии, прослеживается умение поэта реализовывать свои требования. Теоретические положения в статье сочетаются с примерами из поэзии Бродского.

Ключевые слова: Бродский, теория поэзии, насыщенность чтения, герменевтический подход.

IOSIF BRODSKY – A THEORIST OF POETRY

V. K. Kharchenko

This article deals with the role of Brodsky in understanding the peculiarities of the poetic word; the author defines Brodsky's significance as a theorist of poetry and traces the poet's ability to realize his needs. The article combines theoretical propositions with examples from Brodsky's poetry.

Keywords: Brodsky, poetry theory, deep reading, hermeneutic approach.

Введение. Когда какого-либо поэта провозглашают теоретиком поэзии, то здесь подразумевается владение огромным потенциалом текстов на различных языках, насыщенное знание мастерства поэтических произведений, герменевтические установки в творчестве, многочисленные высказывания по поводу стихов и стихосложения. И всё это находится в теснейшем сопряжении с написанием самих стихов. Таким удивительным свойством обладал Иосиф Бродский – поэт, теоретик стихосложения, автор эссе о творчестве, преподаватель. Однако, к сожалению, теоретические наработки поэта

не получили ещё полноценного прочтения, опять-таки в силу герменевтической их природы.

Цель и задачи. Целью настоящего исследования является выявление роли Иосифа Бродского как теоретика поэзии, для чего решаются такие задачи, как характеристика понимания им специфики поэтического слова, доказательство умения поэта реализовывать свои требования на примерах из поэзии Бродского.

Методы исследования. Методологической базой настоящего исследования являются методы источниковедческого, текстологического и историко-литературного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Начнём с необходимого условия – знания стихотворных текстов. Приведем высказывание И. Бродского, постоянно читающего своих собратьев по перу, причем на разных языках, что мы выделяем графически и проставляем количество упомянутых сочинений.

«Если ваш родной язык **английский**, я мог бы рекомендовать вам Роберта Фроста, Томаса Харди, У. Б. Йетса, Т. С. Элиота, У. Х. Одена, Марианну Мур и Элизабет Бишоп (7 авторов). Если язык **немецкий** – Райнера Марию Рильке, Георга Тракля, Питера Хухеля и Готфрида Бенна (4 автора). Если **испанский** – Антонио Мачадо, Федерико Гарсиа Лорку, Луиса Сернуду, Рафаэля Альберти, Хуана Рамона Хименеса и Октавио Паса (6 авторов). Если язык **польский** – или если вы знаете польский (что было бы для вас большим преимуществом, потому что в высшей степени замечательная поэзия нашего столетия написана на этом языке) – я бы назвал вам Леопольда Стаффа, Чеслава Милоша, Збигнева Херберта и Виславу Шимборскую (4 автора). Если **французский**, то, конечно, Гийом Аполлинер, Жюль Сюпервьель, Пьер Реверди, Блез Сандрар, кое-что Поля Элюара, немного Арагона, Виктора Сегалена и Анри Мишо (8 авторов). Если **греческий**, то вам следует читать Константина Кавафиса, Георгия Сефериса, Яниса Рицоса (3 автора). Если **голландский**, то это должен быть Мартинус Нейхоф, особенно его потрясающее Аватер (1 автор). Если **португальский**, то Фернандо Песоа и, возможно, Карлос Друммонд де Андраде (2 автора). Если язык **шведский**, читайте Гуннара Экелёфа, Гарри Мартинсона, Томаса Транстрёмера (3 автора). Если **русский**, это должны быть, как минимум, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Владислав Ходасевич, Велимир Хлебников, Николай Клюев (7 авторов). Если это **итальянский**, я не беру на себя смелость представить какое-либо

имя этой аудитории, и если я упоминаю Квазимодо, Сабу, Унгаретти и Монтале (4 автора), то просто потому, что я давно хотел выразить мою личную благодарность и отдать дань этим четырем великим поэтам, чьи строки решительно повлияли на мою жизнь, и я рад сделать это, стоя на итальянской земле» [1; 2].

Если бы речь шла только о русской поэзии или англо-американской... Нет, здесь говорится и о польской поэзии, причем с восхищением, и о португальской, и о голландской, и о шведской поэзии, и приводятся имена носителей этой поэзии – поэтов. И говорится так, что мы верим столь крупному совету по чтению. Мы верим, что человек, сказавший эти слова, сам (и не раз!) читал упомянутых авторов. Возьмем Виславу Шимборскую. Одного ее стиха бывает достаточно, чтобы ощутить точность попадания в рядовую будто бы жизнь: «Дорожное происшествие». И вот еще что, тоже из Иосифа Бродского.

«И коль скоро речь зашла об осторожности, я хотел бы добавить, что в обозримом прошлом поэтическая аудитория редко насчитывала больше одного процента населения. Вот почему поэты античности или Возрождения тяготели ко дворам, центрам власти; вот почему в наши дни поэты оседают в университетах, центрах знания. Так что моя благодарность вам, леди и джентльмены, не вполне эгоистична. Я благодарен вам за тех, кого ваши решения побуждают и будут побуждать читать стихи, сегодня и завтра» [3].

В другой раз Бродский сказал еще тверже: «Скажу только, что – не по опыту, увы, а только теоретически – я полагаю, что для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительнее, чем для человека, Диккенса не читавшего» [4].

Томасу Элиоту принадлежит замечательная мысль: *«Автор, работающий над своей рукописью, – по преимуществу критик, ибо просеивание, комбинирование, конструирование, вычёркивание, исправление, опробование – весь этот каторжный труд в большей мере удел критика, чем художника»* [5]. Великие писатели поначалу были великими читателями, поэтому чтение – всегда еще и творческий процесс на будущее, на перспективу. Только потом мы и сами не осознаем, откуда у них удивительный стиль, как он пришел к ним, не божий ли это промысел?

О поэзии можно говорить бесконечно. Но сегодня, сейчас мы хотели показать, как уживается в поэтической строке элитарный смысл с повседневным изображением, рождая замечательные и, согласимся, загадочные смыслы. У Бродского есть стихотворение: *«В твоих часах не только ход,*

но тишь / Притом их путь лишен подобья круга. / Так в ходиках: не только кот, но мышшь; / они живут, должно быть, друг для друга. / Дрожат, скребутся, путаются в днях. / Но их возня, грызня и неизбежность / почти что незаметна в деревьях, / где вообще в домах роится живность. / Там каждый час стирается в уме, / и лет былых бесплотные фигуры / теряются – особенно к зиме, / когда в сенах толются козы, овцы, куры».

Да-да, это стихотворение Иосифа Бродского, того самого, что сказал, что поэзия созвучна смерти поэта. «По некоей странной причине выражение «смерть поэта» всегда звучит как-то более конкретно, чем «жизнь поэта». Возможно, потому, что слова «жизнь» и «поэт» практически синонимичны в своей положительной неопределенности. Тогда как «смерть» – даже само слово – почти столь же определена, сколь собственное поэта произведение, то есть стихотворение, где основной признак – последняя строчка. Вне зависимости от смысла произведение стремится к концу, который придает ему форму и отрицает воскресение. За последней строкой не следует ничего, кроме разве литературной критики. Таким образом, читая поэта, мы соучаствуем в смерти его или его стихов» [6]. Поэтическая речь даёт много открытий. Тяготение к высшему слою общества сопричастно мысли, что эстетическое есть основа этики.

«Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; «хорошо» и «плохо» – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории «добра» и «зла». В этике не «все позволено» потому, что в эстетике не «все позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено. Несмышленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, тянущийся к нему, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный» [4]. «Помни меня», – шепчет пыль». Пыль? Но и в ней таится что-то высокое, требующее запечатления.

Вот еще ценная мысль, проливающая свет на элитарность поэтической речи. «Ибо быть писателем неизбежно означает быть протестантом или, по крайней мере, пользоваться протестантской концепцией человека. И в русском православии и в римском католичестве человека судит Всевышний или Его Церковь. В протестантстве человек сам творит над собой подобие Страшного Суда, и в ходе этого суда он к себе куда более беспощаден, чем Господь или даже церковь, – уже хотя бы потому, что (по его собственному убеждению) он знает себя лучше, чем Бог и церковь» [7]. Поэзия – это тайна, подчас непонятная даже самим её творцам, поэтам, отсюда и герменевтический уклон некоторых стихотворных строк.

Считается, что поэзия возникла раньше прозы, что первые стихи – это были слова-заклинания, слова, близкие к молитвам, но и сейчас, когда время отводит нас от поэзии, погружая в мир компьютерных технологий, цифровизаций, когда люди отдаляются друг от друга, поэтические строки нет-нет да всплывают в нашем сознании. Элитарная поэзия – это высокая поэзия, высокое слово в мире. Подтвердим сказанное следующими положениями.

Поэзия нужна **языку** (является средством существования языка, имя поэта уже слово, поэзия дисциплинирует прозу).

Поэзия добавляет красок **этике** (неисчерпаемый источник смыслов, поведенческое кредо).

Без поэзии сложно развиваться **науке** (мощный включатель мозга, порядок, возникающий из хаоса, ускоритель сознания).

Поэзия связана:

– с **аттрактивистикой** (интеллектуальное наслаждение, изменение восприятия жизни);

– с **психологией** (орган производства чувств, любовь к желанию);

– с **повседневностью** (обыгрывание ситуаций через высокое или смешное);

– поэзия сопряжена с **географией** (объемом стиха);

– с **историей** (поэзия пребывает не только там, где великие события);

– с **когнитивистикой** (в поэзии увеличительная речь, наименование высших чувств);

– с **религией** (она не пользуется словами, а служит им) [8, с. 121–132].

Попробуем проиллюстрировать высказанные положения цитатами из Иосифа Бродского.

«Скрипи, моё перо, мой коготок, мой посох» – это о связи поэтики стиха с **когнитивистикой**.

«Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации» [7]. Это о связи поэзии с прозой, с **языком**.

«Ты забыла деревню, затерянную в болотах залесенной губернии, где чучел на огородах отродясь не держат – не те там злаки, и дорогой тоже все гати да буераки. Баба Настя, поди, померла, и Пестерев жив едва ли, а как жив, то пьяный сидит в подвале, либо ладит из спинки нашей кровати»

что-то, говорят, калитку, не то ворота. А зимой там колют дрова и сидят на репе...». Это о связи поэзии с **повседневностью**.

И. Бродский считал, что поэзия дисциплинирует прозу, «будучи высшей формой человеческой речи, поэзия не только самый сжатый, но и наиболее конденсируемый способ передачи человеческого опыта; она предлагает наивысшие из возможных стандарты любого лингвистического действия – особенно на бумаге» [7]. Это о связи поэзии с **аттрактивистикой**.

«Там каждый час стирается в уме, / и лет былых бесплотные фигуры / теряются – особенно к зиме...». *«В твоих часах не только ход, но тишь./ Притом их путь лишен подобья круга. / Так в ходиках: не только кот, но мышь; / они живут, должно быть, друг для друга»* Это о связи поэзии с **психологией**.

Падение языка влечёт за собой падение человека (И. Бродский). «Поэт, повторяю, есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации» [4]. Здесь прослеживается связь поэзии с **наукой**.

«Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; понятие «хорошо» и «плохо» – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории «добра» и «зла». В этике не «все позволено» потому, что в эстетике не «все позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено. Несмышленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, тянущийся к нему, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный» [4]. Это о связи поэтики с **этикой**.

«В деревне Бог живет не по углам, / как думают насмешники, а всюду. / Он освящает кровлю и посуду / и честно двери делит пополам». Это связь с **географией**.

Связь с **историей** можно заметить в следующем стихотворении. *«Предпоследний этаж / раньше чувствует тьму, / чем окрестный пейзаж; / я тебя обниму / и закутаю в плащ, / потому что в окне / дождь – заведомый плач / по тебе и по мне. / Нам пора уходить. / Рассекает стекло / серебристая нить. / Навсегда истекло / наше время давно. / Переменим режим. / Дальше жить суждено / по брежетам чужим».*

У Бродского наблюдается связь поэзии с **религией**. *«Волхвы пришли. Младенец крепко спал. / Звезда светила ярко с небосвода. / Холодный ветер*

снег в сугроб сгребал. / Шуриал песок. Костер трещал у входа. / Дым шел свечой. Огонь вился крючком. / И тени становились то короче, / то вдруг длинней. Никто не знал кругом, / что жизни счет начнется с этой ночи. / Волхвы пришли. Младенец крепко спал. / Крутые своды ясли окружали. / Кружился снег. Клубился белый пар. / Лежал младенец, и дары лежали».

Показательно, что мы использовали для показа и демонстрации теоретических положений и актуальные высказывания поэта, и его стихи.

В настоящее время роль поэзии может возрастать, несмотря на многочисленные ситуации будто бы отдаляющие человека от чтения и сочинения стихов. У И. Бродского можно выделить следующие теоретически значимые мысли:

- ✓ способ существования искусства – **создание новой эстетической реальности**, быть впереди прогресса;
- ✓ **нельзя пользоваться языком улицы**, так мы подчиним искусство, литературу истории;
- ✓ зло, особенно политическое, **всегда плохой стилист**;
- ✓ эстетическое чутье в человеке **развивается стремительно**;
- ✓ существование литературы подразумевает существование на уровне литературы **и не только нравственно, но и лексически**;
- ✓ разговор писателя с читателем **крайне частный**, исключаящий всех остальных;
- ✓ равенство – это **равенство сознания**, и оно остается с человеком на всю жизнь;
- ✓ роман или стихотворение есть продукт **взаимного одиночества** писателя и читателя;
- ✓ бегство это в сторону **необщего выражения лица**, в сторону личности, частности;
- ✓ выбирай мы наших властителей **на основании их читательского опыта**, а не на основании их читательских программ, на земле было бы меньше горя;
- ✓ существует преступление более тяжкое – **пренебрежение книгами, их не-чтение**;
- ✓ **список их жертв** далеко превышает список ими прочитанного;
- ✓ в настоящей трагедии гибнет не герой – **гибнет хор**;
- ✓ стихотворение – **колоссальный ускоритель** сознания, мышления, мироощущения.

Перед нами, получается, не эссе, а теория поэзии, написанная выдающимся поэтом и приравненная к многочисленным многотомным томам,

более того, обогащающая их. Представим отрывки из интервью Бродского с Валентиной Полухиной [9].

– *На каком основании вы утверждаете, что поэт – самое совершенное существо?* – На очень простом: в процессе композиции **рациональное и эмоциональное, самоутверждение и самоотрицание действуют вместе**. Они нередко порождают откровение.

– *Как отражается изгнание на чувстве языка?* – Дома все помогает и все мешает; ты знаешь, чувствуешь, где враги и где друзья. Outside Russia ты не знаешь, who is who. Я один на один с языком. Чувство языка обостряется. Ты осторожнее, внимательнее, проверяешь себя несколько раз, чаще пользуешься словарем... Дело в том, что поэт оперирует языком на том уровне, на котором, как правило, люди не... ну, я не знаю... чего я там буду... **Поэзия – это как бы абсолютный уровень языка**, вот что это такое. И все это в языке есть. Поэт на самом деле не открывает ничего нового. Он это выстраивает в такой ряд, в котором, по его представлению, все элементы выигрывают одинаково. ... **Писать стихи – как психологический механизм молитвы, это обращение к Богу**: ты не уверен, слышит ли Он тебя, но ты слышишь себя. ...В поэзии, в искусстве можно достичь такой высокой ноты лиризма, которая недостижима в жизни, в человеческих отношениях.

– *И последний вопрос: что такое для вас язык?* – Нечто мистическое. Нечто огромное. Не ясно, откуда он взялся. В языке всего столько, что мы не используем и одну десятую его богатства. Тот, кто дал нам язык, больше нас. Дающий всегда больше того, кому он дает. Мы пришли в язык, а не создали его. **Мы открываем язык, каждое поколение открывает язык** [9].

Выводы. Как видим, у Бродского не просто свой взгляд на поэтическое творчество, нет, в его высказываниях содержится теория стихосложения, выступающая как необходимое условие бытия поэтического слова со всеми его смысловыми открытыми и скрытыми герменевтическими признаками.

Список использованных источников

1. Иосиф Бродский. Полное собрание сочинений. Как читать книгу. – URL: [https://royallib.com < brodskiy iosif < kak-chitat-knigu](https://royallib.com/brodskiy_iosif_kak-chitat-knigu) (дата обращения : 28.03.2025).

2. Иосиф Бродский. Полное собрание сочинений. С миром державным я был лишь ребячески связан... – URL : <https://iosif-brodskiy.ru/kritika/s-mirom-derzhavnym-ia-byil-lish-rebiacheski-sviazan--1991.html> (дата обращения: 28.03.2025).

3. Бродский. Речь в Шведской королевской Академии при получении Нобелевской премии. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/1997/1/rech-v-shvedskoj-korolevskoj-akademii-pri-poluchenii-nobelevskoj-premii.html> (дата обращения: 28.03.2025).

4. Бродский Иосиф. Нобелевская лекция. – URL: https://booksafe.net/read/brodskiy_iosif-nobelevskaya_lekciya-78998.html#p1 (дата обращения: 28.03.2025).

5. Томас Элиот Стернз. Цитаты. – URL: <https://ru.citaty.net/avtory/tomas-sterzn-eliot/> (дата обращения: 26.03.2025).

6. Философия творчества. Иосиф Бродский. Сын цивилизации. – URL: <https://rsp-souz.ru/stati/filosofiya-tvorchestva/438-iosif-brodskij-syn-tsivilizatsii.html> (дата обращения: 28.03.2025).

7. Философия творчества. Иосиф Бродский. Власть стихий. О Достоевском. – URL: <https://rsp-souz.ru/stati/filosofiya-tvorchestva/442-iosif-brodskij-vlast-stikhij-o-dostoevskom.html> (дата обращения: 28.03.2025).

8. Харченко, В. К. Язык настроения : моногр. / В. К. Харченко. – М. : Инфра-М, 2022. – 139 с.

9. Полухина, В. Публикация неизвестного интервью с Иосифом Бродским. – URL: <https://rg.ru/2009/10/02/brodskij.html> (дата обращения: 10.12.2024).

Поступила в редакцию 18.11.2025

АЎТАРСКІЯ РЭМАРКІ ЯК МЕТАТЭКСТАВЫЯ ЎКЛЮЧЭННІ Ў ІДЫЯСТЫЛІ ПРОЗЫ І ПАЭЗІІ У. КАРАТКЕВІЧА

Л. М. Шэцка,

кандыдат філалагічных навук,
дацэнт кафедры рускага, агульнага і славянскага мовазнаўства
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны,
г. Гомель, Рэспубліка Беларусь
E-mail: larisachaika7905@gmail.com

Артыкул прысвечаны даследаванню аўтарскіх каментарыяў, рэмарак, падрадкавых заўваг як кампанентаў рамачнага тэксту ў ідыястылі прозы і паэзіі Уладзіміра Караткевіча, аднаго з яркіх прадстаўнікоў беларускай літаратуры і культуры. Даследуюцца функцыі розных відаў унутрытэкставага аўтарскага каментарыя пісьменніка як элементаў метатэкстуальнасці. Робіцца вывад аб разнастайнасці сродкаў выказвання аўтарскай пазіцыі як адной з асноўных характэрных рыс ідыястылю пісьменніка.

Ключавыя словы: Уладзімір Караткевіч, ідыястыль, ідыястыль паэзіі і прозы, аўтарскі каментарый, рэмарка, падрадкавыя заўвагі, рамачны тэкст, метатэкстуальнасць.

AUTHOR'S REMARKS AS METATEXTUAL INCLUSIONS IN THE IDIOSTYLE OF PROSE AND POETRY OF V. KOROTKEVICH

L. M. Shetsko

The article is devoted to the study of author's comments, remarks, footnotes as components of the frame text in the idiosyle of prose and poetry of Vladimir Karatkevich, one of the bright representatives of Belarusian literature and culture. The functions of various types of intra-textual author's commentary of the writer as elements of metatextuality are studied. A conclusion is made about the diversity of means of expressing the author's position as one of the main characteristic features of the writer's idiosyle.

Keywords: Vladimir Korotkevich, idiosyle, idiosyle of poetry and prose, author's commentary, remark, footnotes, frame text, metatextuality.

Уводзіны. Мастацкі тэкст – арганізаванае камунікатыўнае цэлае, якое змяшчае сэнсавую інфармацыю так, каб забяспечыць магчымасць яе дэкадзіравання як па асобных кампанентах, так і на ўзроўні гэтага цэлага. У некаторых выпадках неабходна актуалізаваць звесткі, якіх у самім тэксце недастаткова для яго разумення, – факты, гістарычныя падзеі і асобы, іншыя фонавыя веды і г. д. У ідыястылі прозы і паэзіі (ПП) У. Караткевіча такія звесткі могуць падавацца як рэмаркі, падрадковыя каментарыі, стылізаваныя тэксты, інтэксты – “рамачныя” элементы, – і па-рознаму ўзаемадзейнічаюць з “асноўным” тэкстам. Аўтарскія тлумачэнні могуць разглядацца як элементы метатэкстуальнасці, пад якой разумеецца сувязь двух або больш тэкстаў у выглядзе каментарыя, крытычнай спасылкі на папярэдні тэкст [1]. Гэта ўстаўкі ў тэкст, нататкі, якія выражаюць пункт гледжання самога аўтара на падзеі, што спрыяе лепшаму разуменню мастацкага тэксту.

К. А. Далінін, услед за А. Вяжбіцкай (“Метатэкст у тэксце” [2]), вызначае падобныя тэкставыя ўкрапванні як «метатэкставыя апэратары» [3], дзе метатэкстуальнасць характарызуецца наяўнасцю міжтэкставага і ўнутры-тэкставага каментавання.

Мэта і задачы. Мэта даследавання – вызначыць асноўныя віды падрадковых заўваг і каментарыяў як метатэкставых уключэнняў, іх функцыянаванне ў ПП У. Караткевіча. Дасягненне пастаўленай мэты заключаецца ў вырашэнні наступных задач: выявіць і сістэматызаваць у тэкстах аўтара асноўныя інтэксты, зноскі, рэмаркі, каментарыі; вызначыць іх функцыі ў ПП пісьменніка.

Метады даследавання. Матэрыялам даследавання былі абраны аўтарскія рэмаркі, каментарыі, падрадковыя заўвагі, інтэксты, якія з’яўляюцца стылеўтваральнымі ў ПП У. Караткевіча. З паэтычных і празаічных тэкстаў шляхам суцэльнай выбаркі былі вылучаны фрагменты, якія змяшчаюць метатэкставыя ўключэнні, пасля чаго матэрыял быў раскласіфікаваны і прааналізаваны. У даследаванні былі выкарастаны такія метады і прыёмы, як кантэкстны аналіз, лінгвакультуралагічны і супастаўляльны аналіз.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. Аўтарскія рэмаркі ўяўляюць сабою дыялог аўтара з чытачом, змяшчаюцца, паводле меркавання самога пісьменніка, у залежнасці ад інтэнцыі і спрыяюць разуменню мастацкага кантэксту. У ПП У. Караткевіча актуалізацыя пэўных звестак (фактаў, гістарычных падзей, прэцэдэнтных феноменаў, культуралагічных з’яў і г. д.),

якіх недастаткова для разумення тэксту, адбываецца за кошт зносак, аўтарскіх каментарыяў.

Падрадковыя заўвагі з’яўляюцца адной з пашыраных формаў выяўлення аўтарскіх пачуццяў, думак, светапогляду. У зносках падаюцца каментарыі двух відаў – заўвагі рэдакцыйныя: *Што ж датычыцца мышэй, дык яны сапраўды пайшлі з горада. Моўчкі стаяў натоўп. У адчыненую браму ветрам несла смецце і пыл. І вось з’явіўся ар’ергард¹ мышынага войска – ¹Відаць, трэба: авангард (рэд.) [4, с. 151] і аўтарскія: *Злодзеям адным яго робяць, жартам шалберскім¹ усё наказваюць, гісторыяй круцельскай – Махлярскім – ¹(Тут і далей заўвагі аўтара.)* разм. [4, с. 5]. Большасць заўваг належыць У. Караткевічу, аб чым і папярэджваецца чытач яшчэ ў першай зноскы твора – *Тут і далей заўвагі аўтара.**

Адна з пашыраных і асноўных функцый зносак – тлумачальная / метамоўная. Часцей за ўсё ў тэкстах удакладняецца сэнс слоў, якія, на думку аўтара, могуць быць незразумелымі чытачу ў сілу абмежаванасці сферы іх ужывання: *Ды не, не можа быць лухтою. Бо Іаан Багаслоў. Подзівамі апентаны?¹ – ¹Шызафрэннік [4, с. 170]; Наперадзе іх выў і крыўляўся сівы і маленькі, як кобальд¹, чалавечак у рыззі – іхні святы. – ¹Дух лясоў у германскай міфалогіі [5, с. 39].*

Іменна пасіўная лексіка выклікае цяжкасці ў разуменні тэксту. Аднак Г. Ф. Андарала, даследчыца гістарызмаў і архаізмаў твораў У. Караткевіча [6; 7], зазначае, што “мова твораў У. Караткевіча застаецца зразумелай і даступнай. Гэта дасягаецца з дапамогай цэлага шэрагу прыёмаў тлумачэння састарэлай лексікі ў тэкстах” [7, с. 11].

Адным са сродкаў тлумачэння слоў (якія могуць быць незразумелыя чытачу) аўтарам з’яўляюцца зноскі. Так, паходжанне некаторых слоў ці іх стылістычную афарбоўку пісьменнік пазначае сам: – *Ага, да праўды ідзеш? Тым хутчэй галаву скруціш. Абсели ўжо цябе, абсели. І бац¹ табе не паможэ. Бац у сутане. Вось Боўбель, Боўбель прыйдзе. Прыйшоў. – ¹Бац – пацук (дыял.) [5, с. 374]; Вось, кіпаць¹, мужык прагны, сябра, чулі, як шкадуе, як выручыць не згадзіўся?..», калі хочаш прытчай і наруганнем агульным быць – тады прыходзь праз тыдзень за другой паловай – ¹Кіпаць – зняважлівае, даўнейшае прозвішча мужыкоў: кулак, скупая цёмная дзеравенічына [4, с. 42].*

Творы на гістарычную тэму, якія маюць свае выразныя адметнасці і будуюцца па асаблівых законах вобразнай і стылявой сістэм, патрабуюць ад аўтара архаізацыі мовы, пэўнага адыходу ад сучасных моўных законаў,

каб у поўнай меры перадаць каларыт эпохі. Пісьменнік павінен захоўваць пачуццё суразмернасці – стварыць моўную стылізацыю і наблізіць да сучаснага чытача архаічную мову мінулых часоў. І гэта дасягаецца пры дапамозе такіх найменняў, якія выйшлі з актыўнага ўжытку або вядомы сучаснаму чытачу. Малазразумелыя і незразумелыя ўстарэлыя лексічныя адзінкі аўтар тлумачыць спосабам падрадкавага каментарыя, што робіць іх даступнымі для ўспрыняцця. Сярод такіх слоў, якія пісьменнік палічыў неабходным патлумачыць у зносках, можна вылучыць:

– **старажытнарускія словы:** *Балела з пахмелля галава: учора добра памаліліся богу Борцю, якому па вёсках і дагэтуль ставяць у ахвяру ля **свенетаў**¹ бярозавік і разведзены вадюю мёд, імя якога пры айцах духоўных вымавіць злітуйся і ўратуй нас, Пан Езус.* – ¹**Свенет – борць, або пчаліны бортны рой** [4, с. 27], ст.-рус. [8, с. 468];

– **старажытнабеларускія словы:** *А яна падышла бліжэй і проста ў футры, у вішнёвай **фалендышавай**¹ сукні навалілася на калені ў снег, прынікла галавой да зямлі.* – ¹**Фелендыш – галандскае сукно** [9, с. 59], ст.-бел. [8, с. 537]; *Зрэдку даходзілі чуткі пра мужыцкую вайну, але **лёзныя**¹ так іх перакручвалі, што і верыць не хацелася.* – ¹**Вандроўныя** [9, с. 57] ст.-бел. [8, с. 298]; *Загадвае высокі наш суд асудзіць тых на **бانیцыю**¹, выгнаць тых мышэй за межы слаўнага княства і за межы слаўнага каралеўства, да ерэтыкоў, – няхай ведаюць – **Выгнанне*** [4, с. 46], ст.-бел. [8, с. 58];

– **спецыяльныя словы:** *Зала была, уласна, верхняй паловай усходняга **нефа**¹ – **Неф (або карабель) – выцягнутая ў даўжыню, прамакутная частка будынка*** [4, с. 30], спец. ад фр. [10, с. 401];

– **запазычаныя словы**, пераважна лацінізмы: *Лотр хітаў галавою, быццам яго ўмашчалі **нардам**¹ – **Усходняе духмянае рэчыва*** [4, с. 37] з лац. [10, с. 299]; ***Нобілі**¹ не бягуць, – сказала яна.* – ¹**Найбольшы радавiтая частка магнацтва** [9, с. 15], з лац. [10, с. 413].

Устарэлая лексіка ўжываецца аўтарам у імкненні да дакладнага апісання гістарычнага часу ў цэлым, а таксама характару, сацыяльнай прыналежнасці, быту асобнага героя ў прыватнасці: *Паўкруглы **аршак**¹ усё болей замыкае кола вакол нас. З-пад чорнага кунтуша ў залатыя травы выбіваецца **адамашкавы**² жупан.* – ¹**Аршак – світа, атрад.** ²**Шаўковая віэрэунчатая тканiна** [5, с. 406], ст.-бел. [8, с. 25, 44].

У некаторых выпадках празмернае, на першы погляд, ужыванне пасіўнай лексікі прыводзіць да перагрузкі ёю мовы герояў, аднак іменна ўжыванне вялікай колькасці старажытнабеларускіх слоў, якія набываюць

іранічную афарбоўку і выконваюць функцыю паніжэння стылістычнай ацэнкі мовы герояў, дазваляе аўтару стварыць рэалістычны дыялог паміж імі: – *Ну што, верная жоначка? Што, нявестнік¹? Ці ўдалася табе твая намова²? Ці паспяхова табе вялося маё дабро плюндраваць³? // – Ну што ж, – усміхаецца коннік. – Насмеліўся ты на жонку, на майно маё кусіціся⁴, то не скардзіся цяпер і на маю адправу⁵. Што выбіраць будзеш? Абешанне⁶, або тыдні два ва ўсніяным квасе⁷, каб шкура мацнейшая была, ці сляпымі вас у паток⁸? – ¹Нявестнік – жаніх, ст.-бел. [8, с. 359]; ²Намова – падбухторванне, ст.-бел. [8, с. 353]; ³Плюндраваць – рабаваць, расцягваць, ст.-бел. [8, с. 411]; ⁴Кусіціся – квапіцца, рабіць замах, пасягаць, ст.-бел. [8, с. 283]; ⁵Адправа – прысуд і выкананне прысуду, ст.-бел. [8, с. 26]; ⁶Абешанне – навешанне, ст.-бел. [8, с. 20]; ⁷Усніе – шкура. Усніяны квас – дубільная кіслата, ст.-бел. [8, с. 58]; ⁸Паток – выгнанне, ст.-рус. [8, с. 394], [5, с. 407].*

У тэкстах пісьменніка знаходзім рознае трактаванне слова *ларнік*, асноўнае значэнне якога – архівіст, натарыус [11, с. 291]: *Скрынку тую, як выявілася потым, аб чым і дакумент быў завераны і схаваны ў ларніка¹, зрабіў магилёўскі залатар Мацюшка. – ¹Архівіст, натарыус* [9, с. 133] ст.-слав. [8, с. 291]. У залежнасці ад кантэксту і характарыстыкі героя гэтае значэнне атрымлівае канататыўнае прырашчэнне ў каментарыях аўтара, якое істотна не змяняе семантыку лексемы, аднак удакладняе яе сэнс: ...*У суднай зале чыталі прысуд. Чытаў ларнік¹ суда, нават па выглядзе дурны, як левы бот – ¹Архіварыус, натарыус, часам – сакратар* [4, с. 46]; *Гэта быў Мар’ян Пташынскі, адзін з нямногіх маіх сяброў, “ларнік¹ вучоны” і сапраўды адзін з лепшых у краіне знаўцаў архіўнай справы, вядомы, праўда, значна больш як калекцыянер-аматар. – ¹Галоўны над архівам* (ст.-бел.) [5, с. 203].

Творы У. Караткевіча напісаны па-беларуску, аднак аўтарам выкарыстоўваюцца і замежныя словы і выразы, пераклад якіх ці тлумачэнне сэнсу падаюцца на беларускай мове ў зносках. Гэта лацінскія выразы (*Dixi et animam meam salvavi,¹ – усміхнуўся дамініканец – ¹Я сказаў і ўратаваў сваю душу* (лац.) [4, с. 133]); французскія (*Je vous embrasse bien tendrement – ¹Я вас цалую вельмі няшчотна* (фр.) [9, с. 251]); польскія (– *Час звыкнуць. І памятаць словы Вердума: «Mile podolskie, czyli ukraïnskie, sa dwa razy tak wielkie, jak polskie, a im bliżej Turcji, tym wieksza mila»¹ – ¹Мілі надольскія, альбо ўкраінскія, у два разы даўжэйшыя за польскія, а чым бліжэй да Турцыі, тым большая міля* (пол.) [5, с. 408]). Пры гэтым аўтар, як правіла, удакладняе ў дужках, выраз з якой мовы ўжыў яго герой.

Такім чынам, аўтарскія заўвагі перадаюць гістарычныя даведкі, рэаліі, пераклады з замежнай для рэцыпіента і аўтара мовы, а таму з'яўляюцца інтэртэкстуалізмамі.

У. Караткевіч нярэдка звяртаецца да **прэцэдэнтных феноменаў**. Звяртаючыся да вядомага імя ці пэўнай гістарычнай падзеі, аўтар імкнецца даць энцыклапедычную даведку і выразіць сваё стаўленне да апісанага ў зносках. Сярод прэцэдэнтных феноменаў, якія зведалі аўтарскія рэмаркі, можна вылучыць каментарыі наконт:

- **прэцэдэнтных імёнаў**: *ПАЎЛЮК БАГРЫМ¹ – ¹Славуты беларускі пясняр XIX стагоддзя, які ўдзельнічаў у Крошынскім паўстанні 1828 г., правёў дваццаць пяць год у салдатчыне і дажываў свой век у адзіноце* [12, с. 28]; *ПРАРОК ГЕРОНІМ БОСХ² – ²Геронім Босх – славуты нідэрландскі мастак канца XV – пач. XVI ст. У такой яго карціне, як “Страшны суд”, народная сатыра спалучаецца са змрочнай, каімарнай фантазіяй. Дзіўнае супадзенне: на яго карцінах намалюваны машыны, якія падобны на танкі і сучасныя гарматы* [12, с. 89] (гістарычная даведка з дэманстрацыяй аўтарскай пазіцыі і светаадчування);

- **прэцэдэнтных сітуацый**: *Глядзеў і толькі што не зламоўна, але затое злавесна, як крумкач патопу¹, калі гэты патоп пачаў спадаць, адкрываючы вачам Ноевым і яго, крумкачыным, трупы дапатопных людзей і звяроў. – ¹Біблейскі Ной, калі патоп пачаў спадаць, выпусціў з каўчэга спачатку крумкача, які не вярнуўся, узрадаваны мноствам трупаў на ўзгорках* [5, с. 487]; *Я ведаў дагэтуль адзіны выпадак такога ўздаяння, такой адплаты. Прах Мартынава¹... Адплата боская... Закон... – ¹Мартынаў Мікалай Саламонавіч (памёр у 1875 г.) – забойца М. Ю. Лермантава. Пасля рэвалюцыі ў маёнтку Мартынава быў дзіцячы дом. Выхаванцы ягоныя выкінулі косткі Мартынава з магільні на сметнік* [5, с. 522] (аўтарская лаканічная інтэрпрэтацыя з асабістым пунктам гледжання). Заўвагі такога кшталту змяшчаць не толькі ўласна гістарычную даведку, але і суб'ектыўную пісьменніцкую ацэнку.

Раман “Хрыстос прыямліўся ў Гародні” вылучаецца стылёва-кампазіцыйнымі асаблівасцямі, сярод якіх можна вылучыць устаўныя тэксты. Спосабы ўвядзення такіх уключэнняў самыя розныя: стылізаваныя тэксты, лірычныя адступленні, уведзеныя ў асноўны тэкст твора. Некаторыя інтэксцы падаюцца пісьменнікам у падрадкавай рэмарцы: *Пад вечар мы прыйшлі з ім на бераг Бяздоннага возера пад Слонімам і тут вырашылі начаваць (...) Возера было ўсё празрыста-чырвоная, гладкае, як люстра. І лясы вакол яго*

былі таксама зялёна-аранжавыя. // – Што гэта ён гаворыць? – спытаў Жаба. // – Н-не ведаю, – паціснуў плячыма Балвановіч¹–¹Уся гісторыя старажытнасці і сярэдніх вякоў калі і ведала захапленне прыродай, дык толькі фізічна. Захапляцца прыродаю на паперы ці на словах лічылася справай падазронай, дарэмнай і пустой. Ці зашмат было гэтай самай варожай прыроды, ці бракавала мазгоў і эстэтычнага жыцця, ці не дараслі яшчэ людзі, але на працягу дваццаці сямі стагодзяў еўрапейскай літаратуры мы не сустрэнем у ёй нават такой колькасці пейзажаў, колькі іх, скажам, у «Вайне і міры». Проста не лічылі за патрэбнае, як і творцы дужа сучасных раманаў [4, с. 102–103].

Рэмарка ў такіх выпадках адлюстроўвае пісьменніцкі голас “за кадрам”. У большасці выпадкаў такога кшталту адступленне ад асноўнага сюжэта твора ствараецца наўмысна, яно не атрымлівае далейшага развіцця, і адметнай рысай з’яўляецца яго скончанасць. Напрыклад: – *Памятаеце ягоную інструкцыю венецыйскаму інквізітару? “Катуйце без жалю, шматуйце без літасці, забівайце, спальвайце, знішчайце вашых бацькоў, матак, братоў, сёстраў, калі выявіцца, што яны не аддадзены слепя вярхоўнай ідэі”.* Вось гэта па мне. Вось гэта так. І паўсюль добрыя гасудары так робяць¹ – ¹*Адкуль біскуп Камар і дамініканец Басяцкі маглі ведаць, што скажа венецыйскаму інквізітару і трыбуналам Пій V, пантыфікат якога прыходзіцца на 1566–1572 гады, ледзь не на пяцьдзесят год пазней за нашы падзеі, аўтар не ведае. Але прадбачанне імі будучыні трэба таксама аднесці на кошт промыслу Божага. Геній празараюць праз дзесяцігоддзі і нават стагоддзі* [4, с. 344]. Прыём рэмаркі ў рэмарцы дазваляе экспліцытна прадставіць аўтарскае “я” (*аўтар не ведае...*) з адценнем пэўнай самаіроніі.

Асноўную частку некаторых каментарыяў складаюць сучасныя погляды і разважанні У. Караткевіча, несумяшчальныя з эпохай, калі адбываюцца падзеі твора: *Усё хутчэй і хутчэй узносіўся Хрыстос. І ўсё мацней гучаў насустрач яму ў лікаванні і ўрачыстасці харал. Чамусьці “Алілуя” Джонсана¹ – ¹Урэшце, як гэта “чамусьці”? Вось я прапаную ў якасці цудоўнай новай тэмы для багасловаў сваю геніяльную здагадку: уся зямная музыка, нават канкрэтная, да свайго стварэння на зямлі існавала на нябёсах і, па выбару, укладалася ў чалавека, як праграма ў біялагічнага робата. Учора Бах, сёння Эльвін Прыслі* [4, с. 463].

Пісьменнік ужывае экспрэсіўныя сінтаксічныя канструкцыі, усечаныя выказванні, рытарычныя пытанні, інверсійны парадак слоў у спалучэнні

са згадкай вядомых прэцэдэнтных імёнаў і аўтарскімі ацэначнымі элементамі. Функцыю “тэкст у тэксце” выконвае рэмарка, якая служыць спосабам выказвання аўтарскай пазіцыі і змяшчаецца ў зноскы.

Вывады. Такім чынам, метатэкставыя элементы адыгрываюць сэнсавую і структурную ролю ў аўтарскім тэксце, дапаўняюць яго асноўную ідэю. У ідыястылі прозы і паэзіі У. Караткевіча каментарыі, падрэдакцыя заўвагі, рэмаркі, інтэксты як унутрытэкставыя ўстаўкі тлумачаць мастацкі твор з пункту гледжання самога пісьменніка, рэпрэзентуюць аўтарскую пазіцыю, раскрываюць індывідуальна-аўтарскае светабачанне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Genette, G. *Palimpsestes. La litterature au second degree* / G. Genette. – Paris : Editions du Seuil, 1982. – 467 p.
2. Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8 : Лингвистика текста. – С. 402–421.
3. Долинин, К. А. Интерпретация текста: французский язык : учеб. пособие / К. А. Долинин. – Изд. 4-е. – М. : КомКнига, 2010. – 304 с.
4. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн. : Маст. літ., 1990. – Т. 6 : Хрыстос прыямліўся ў Гародні : раман. – 494 с.
5. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн. : Маст. літ., 1990. – Т. 7 : Дзікае паляванне караля Стаха : аповесць ; Чорны замак Альшанскі : раман. – 574 с.
6. Андарала, Г. Ф. Архаізмы і іх стылістычная роля ў гістарычных творах У. Караткевіча / Г. Ф. Андарала // Гістарычнае мовазнаўства ў кантэксце міждысцыплінарных даследаванняў : зб. арт. Міжнар. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2017 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; уклад.: І. У. Будзько [і інш.] ; рэдкал. : І. У. Будзько, Н. В. Паляшчук. – Мн. : Права і эканоміка, 2017. – С. 19–23.
7. Андарало, Г. Ф. Устаревшая лексика в исторических произведениях Владимира Короткевича : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Андарало Галина Федоровна ; Акад. наук Беларусі, Ін-т языкознания им. Я. Коласа. – Мн., 1993. – 18 с.
8. Струкава, С. М. Слоўнік архаізмаў і гістарызмаў / С. М. Струкава. – Мн. : Беларус. навука, 2007. – 655 с.

9. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн. : Маст. літ., 1988. – Т. 2 : Аповесці, апавяданні. – 511 с.

10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мн. : БелСЭ, 1980. – Т. 4. – 768 с.

11. Сцяцко, П. У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк. – Мн. : Выш. шк., 1990. – 222 с.

12. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мн. : Маст. літ., 1987. – Т. 1 : Вершы, паэмы. – 431 с.

Паступіў у рэдакцыю 25.11.2025

СОДЕРЖАНИЕ

Бобрык У. А. Аб некаторых мянушках вёскі Сямурадцы	3
Буркова Г. В., Кураш С. Б. Канцэптуалізацыя айконіма <i>Мазыр</i> у свядомасці рэгіянальнай моўнай асобы	11
Ковалёва Е. В., Соколовская О. Г. Номинативные характеристики английских эргонимов (на примере наименований магазинов г. Ливерпуль)	19
Ковалевич И. О. Окказиональные композиты в поэзии С. Есенина.....	27
Мазуркевич Л. Н. Функциональные особенности обращений в художественном тексте.....	36
Марцынкевіч В. І. Інтэрпрэтацыя дзіцячага ўзросту ў аспекце лінгвасэнсорыкі	45
Николаева С. Ю., Редькин В. А. Куликовская битва в изображении В. Н. Крупина (Книга «Русские святые»)	54
Сергушкова О. В., Зубрицкая Т.А. Аббревиатуры с точки зрения их происхождения, таксономии и номинации объектов	64
Слівец В. Р. Хранонімы як маркёры-ідэнтыфікатары нацыянальна- культурных рэалій у паэтаніміконе Міколы Мятліцкага	74
Харченко В. К. Иосиф Бродский – теоретик поэзии.....	82
Шэцка Л. М. Аўтарскія рэмаркі як метатэкставыя ўключэнні ў ідыястылі прозы і паэзіі У. Караткевіча	91

Научное издание

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
МОЗЫРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА. ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Корректоры *О. В. Сергушкова, Л. Н. Мазуркевич*
Оригинал-макет *Е. В. Юницкая*

Подписано в печать 31.12.2025. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 5,87. Уч.-изд. л. 5,33. Тираж 50 экз. Заказ 34.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 24-61-29.

